

CITY OF BLOOD

ГОРОД КРОВИ

Патриция
БРИГГЗ

Власть холодного железа

Вервольфы, в которых течет кровь краснокожих Псов-воинов.

Вампиры — носители утонченной культуры Глубокого Юга.

Они — истинная аристократия среди нежити Нового Света, и потому привыкли свысока смотреть на прочие "порождения Тьмы".

Однако Мерси Томпсон из племени людей-койотов — иное дело. Она выросла в стае предводителя волков-оборотней и привыкла разрешать самые сложные конфликты между разными кланами "ночных охотников".

Но на этот раз ей придется нелегко — ведь кто-то жестоко убивает "иных", одного за другим, и каждый из народов Ночи клянется в собственной невиновности и обвиняет в убийствах кого-то еще. У Мерси, начинающей расследование, всего две зацепки: таинственный преступник обладает совершенно невероятной даже для нелюдя физической силой и явно боится "холодного железа".

Патриция Бриггз

Власть холодного железа

Благодарности

Редакторам: Энн Соуардс, конечно, но также Майку и Коллину Бриггзам, Дэйву, Кэрин и Кэролайн Карсонам, Джин Матеччи, Энн (Спарки) Питере, Кэй и Кайлу Роберт-сонам и Джину Уокеру — смелым людям, которые читали части чернового варианта этой книги и помогли мне укрепить ее фундамент.

Консультантам по немецкому языку: Майклу и Сюзанн Бокам из Гамбурга; Зи особенно признателен им за титанические усилия. Danke.

Помощникам в исследовательской работе: Джане и Дину из фонда искусств Батт-Силвер-Боу, Джорджу Боуэну из полицейского управления Кенневика, Ктулу Бобу Лавли и доктору Джинни Мол.

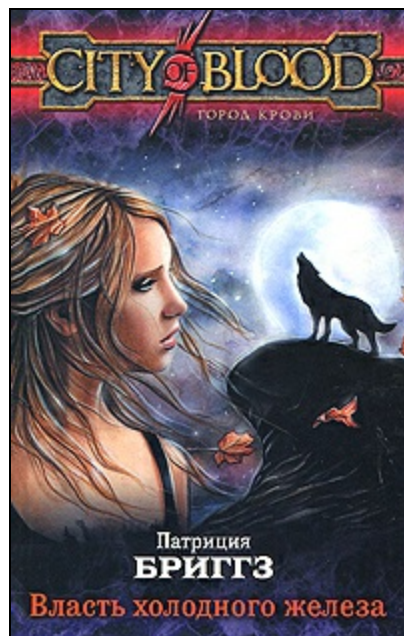
За карту — Майклу Энсвейлеру.

Автор особенно благодарен Джесси Робинсону, который вызвался помочь, когда Мерси понадобился книжный магазин, и который знает свои книги.

И, конечно, увлеченным работникам фольклорного общества «Трех рек» и множеству талантливых музыкантов, благодаря которым у нас каждый День труда организуют музыкальный фестиваль «Перекати-поле» и мы все наслаждаемся музыкой.

Несмотря на усилия всех этих талантливых людей, я думаю, что в тексте еще есть ошибки, ответственность за которые несу исключительно я.

Колину, собирателю всего острого и неутомимому убийце драконов.

Глава первая

— Ковбой, адвокат и автомеханик смотрят «Королеву проклятых»^[1], — сказала я.

Уоррен, который когда-то очень давно действительно был ковбоем, засмеялся и пошевелил пальцами босых ног.

— Это может быть началом дурацкого анекдота или фильма ужасов.

— Нет, — ответил Кайл, адвокат. Его голова упиралась в мое бедро. — Если хочешь фильм ужасов, начинать нужно с вервольфа, великолепного любовника, и ходячей...

Уоррен, вервольф, рассмеялся и покачал головой.

— Слишком сложно. Сегодня мало кто помнит, кто такие ходячие.

Обычно нас путают с ходящими в шкурах. Так как и ходячие, и ходящие в шкурах — существа, умеющие менять облик, — принадлежат к коренным жителям Северной Америки, мне эта путаница понятна. Особенно потому, что я совершенно уверена: термин «ходячие» придумал какой-то тупой белый, не понимающий разницы.

Я не «ходящая в шкуре». Прежде всего, я не из того племени. Мой отец был черноногим из Северной Монтаны, а ходящие в шкурах происходят от племен юго-запада, в основном хопи и навахо.

Во-вторых, ходящие в шкурах должны носить шкуру животного, в которое они превращаются, обычно койота или волка, но при этом их глаза не меняются. Это злые волшебники. Они сеют болезни и смерть везде, куда ни пойдут.

Мне, для того чтобы стать койотом, не нужна ни шкура, ни — тут я посмотрела на Уоррена, некогда ковбоя, а теперь вервольфа, — полнолуние. В обличье койота меня не отличить от других койотов. Среди волшебных существ, живущих в штате Вашингтон, на шкале силы и волшебного воздействия я в самом низу. И это одно из тех обстоятельств, которые обеспечивали мою безопасность. Из-за меня просто не стоило беспокоиться. Но за последний год все изменилось. Дело не в том, что я стала сильнее. Нет, я начала совершать поступки, которые привлекают ко мне внимание. И когда вампиры поймут, что я убила даже не одного, а двух из них...

Тут по экрану телевизора как раз прошел вампир; экран этот так велик, что не влез бы ни в одну комнату моего трейлера. Вампир был без рубашки, бьюки тесно облегли его эротичные бедра.

Мне не понравилось, что я почувствовала страх, а не похоть. Любопытно: после убийства вампиров я стала бояться их еще больше. Мне снились вампиры, выползающие из щелей в полу и шепчущие в тени. Во сне я снова ощущала, как кол вонзается в плоть и мне в руку впиваются клыки.

Если бы у меня на бедре лежала голова Уоррена, а не Кайла, Уоррен заметил бы мою реакцию. Но Уоррен лежал на полу и не отрывал глаз от экрана.

— Знаете... — Я поглубже забила в неприлично удобный кожаный диван в телевизионной комнате на втором этаже огромного дома Кайла и постаралась говорить небрежно: — Я сперва удивилась выбору Кайла. Не думала, что в кино «Королева проклятых» может быть столько голых мужских торсов.

Уоррен засмеялся, прожевал горсть попкорна из чашки, стоявшей на его плоском животе, и сказал с более заметным, чем обычно, техасским акцентом:

— Ты ожидала больше обнаженных женщин и меньше полуодетых мужчин, Мерси?

Плохо же ты знаешь Кайла. — Он снова беззвучно рассмеялся и показал на экран: — Эй, не думал, что на вампиров не действует тяготение. Видела, как он свисает с потолка?

Я покачала головой, глядя, как вампир прыгает сверху на двух своих поклонниц и жертв.

— Ну, я бы не промахнулась. И я еще не видела, как они едят людей. Ик.

— Заткнитесь. Мне это кино нравится! — Кайл, адвокат, защищал свой выбор. — Много красивых мальчиков, которые кутаются в простыни или бегают в коротких штанах и без рубашек. Я думал, тебе тоже понравится, Мерси.

Я осмотрела его — каждый дюйм его красивого, загорелого тела — и подумала, что он интереснее всех этих красавцев на экране. Реальнее.

Внешне он почти воплощение расхожих представлений о геях — от геля на коротких, еженедельно подстригаемых темно-каштановых волосах до безупречной дорогой одежды. Если не будешь внимателен, можешь не заметить острый ум, который прячется за этой привлекательной внешностью. Причем Кайл такую внешность выбрал сознательно.

— На самом деле не так уж плохо для плохого вечернего кино, — продолжал Кайл, не беспокоясь о том, что заглушает звуки с экрана: никто из нас не слушал этот блестящий диалог. — Я хотел взять «Блейд III»^[2], но, как ни странно, его разобрали.

— Любой фильм с Уэсли Снайпсом стоит смотреть, даже если звук выключен.

Я изогнулась и наклонилась, чтобы взять попкорн из чашки Уоррена. Он по-прежнему слишком худ; это, да еще хромота напоминают — месяц назад он был ранен так тяжело, что я опасалась за его жизнь. Слава Богу, вервольфы очень выносливы, иначе из-за этого вампира-демона мы бы его потеряли. Это был первый убитый мной вампир — я убила его с ведома и разрешения местной госпожи вампиров. То, что ей на самом деле этого не хотелось, не отменяет ее благословения. За эту смерть она никак не могла мне отомстить, а то, что я виновата во второй смерти, она не знает.

— Только если он не в лохмотьях, — протянул Уоррен.

Кайл фыркнул в знак согласия.

— Уэсли Снайпс прекрасный мужчина, но женщина из него уродливая, с толстым задом.

— Эй, — возразила я, заставляя себя думать о разговоре, — «Вонг Фу»^[3] — хорошее кино.

Мы смотрели его неделю назад у меня дома.

Вверх по лестнице разнесся легкий звенящий звук, и Кайл скатился с дивана и встал одним легким грациозным движением, ускользнув от внимания Уоррена. Уоррен продолжал смотреть на экран и улыбался — совсем не того добивались создатели этого кровопролитного зрелища. А вот мои чувства гораздо больше соответствовали желаемому результату. Слишком легко я представляла себя жертвой.

— Печенье готово, мои сладкие, — сказал Кайл. — Кто-нибудь хочет еще выпить?

— Нет, спасибо, — ответила я, глядя, как кормятся вампиры. Но ведь это выдумка.

— Уоррен?

Услышав свое имя, Уоррен наконец оторвался от экрана.

— Воды достаточно.

Уоррен не так красив, как Кайл, черты у него жесткие, лицо обветренное. Он голодным взглядом проводил Кайла, спустившегося по лестнице.

Я улыбнулась про себя. Приятно снова видеть Уоррена счастливым. Но когда он посмотрел на меня, взгляд его был серьезным. С помощью пульта он увеличил громкость,

сел и посмотрел на меня, зная, что Кайл наш разговор не услышит.

— Ты должна сделать выбор, — сказал он с нажимом. — Адам или Сэмюэль... или ни тот, ни другой. Держать их в подвешенном состоянии нельзя.

Адам — это Альфа местной стаи вервольфов, мой сосед, и иногда я хожу на свидания с ним. Сэмюэль — моя первая любовь, первый, кто разбил мне сердце, а теперь квартирант в моем доме. Только квартирант — хотя хотел бы быть кем-то большим.

Я не доверяю ни тому, ни другому. За дружелюбной внешностью Сэмюэля скрывается терпеливый и безжалостный хищник. А Адам... ну, Адам меня просто пугает. И я очень боюсь, что люблю их обоих.

— Знаю.

Уоррен опустил глаза — явный признак, что ему неловко.

— Утром я не чистил зубы порохом, так что могу высказаться спокойно, но, Мерси, это очень серьезно. Я знаю, это трудно, но два доминантных вервольфа, жаждущие одной женщины... это кончается кровопролитием. Не знаю, какие еще волки позволили бы тебе столько уходить от них, но один из них рано или поздно сорвется.

Мой телефон заиграл «Прогулку слоненка»^[4]. Я достала телефон из кармана на бедре и посмотрела на номер звонящего.

— Я тебе верю, — сказала я Уоррену. — Только не знаю, как мне быть.

С Сэмюэлем все гораздо хуже, там не просто его бессмертная любовь ко мне, но это дело мое и его, а никак не Уоррена. А Адам... впервые я подумала, что, может быть, лучше свернуть палатку и просто переехать?

Телефон продолжал звонить.

— Это Зи, — сказала я. — Нужно ответить.

Зи — мой прежний босс и учитель. Он научил меня восстанавливать автомобили с нуля — и дал оружие, чтобы убить вампира — виновника хромоты Уоррена и кошмаров, от которых у меня круги под глазами. Думаю, это дает Зи право прерывать пятничный вечерний кинопросмотр.

— Все же подумай об этом.

Я бледно улыбнулась ему и раскрыла телефон.

— Привет, Зи.

На другом конце повисло молчание.

— Мерседес, — сказал он, и даже сильный немецкий акцент не мог скрыть дрожи в его голосе. Что-то очень неладно.

— Что случилось? — спросила я, садясь прямо и спустив ноги на пол. — Здесь Уоррен, — добавила я: пусть Зи знает, что нас слушают. В присутствии вервольфов частный разговор затруднителен.

— Поедешь со мной в резервацию?

Он мог говорить о резервации Уматилла^[5] в окрестностях Тройного города. Но это Зи, а значит, речь о резервации малого народа Рональда Уилсона Рейгана за Уолла-Уолла^[6], которую здесь называют Волшебной страной.

— Сейчас? — спросила я.

К тому же... я взглянула на вампира на большом телеэкране. Не вполне верно, подлинное зло не передано, но все же сходство достаточное, чтобы внушить тревогу. Почему-то я не расстроилась, что не досмотрю кино до конца... и не продолжу разговор о своей любовной жизни.

— Нет, — раздраженно сказал Зи. — На следующей неделе. Jetzt. Вонечйо, сейчас. Ты где? Я тебя подхвачу.

— Знаешь, где живет Кайл? — спросила я.

— Кайл?

— Бойфренд Уоррена. — Уоррена Зи знает; я только не помнила, что ему незнакомо имя Кайл. — Мы в Западном Ричленде.

— Давай адрес. Я найду.

На автостраде грузовик Зи урчит равномерно, хотя он старше меня. Жаль, что сиденья сносились больше, чем двигатель, — я поерзала, чтобы своенравная пружина не слишком впивалась.

Приборный щиток освещал морщинистое лицо, которое Зи предъявляет миру. Редкие седые волосы были чуть взлохмачены, как будто он расчесывал их руками.

Когда я закончила разговор с Зи, Уоррен больше ничего не сказал об Адаме и Сэмюэле, потому что, слава Богу, появился Кайл с печеньем. Не то чтобы меня тревожило вмешательство — я сама достаточно вмешивалась в его личные дела, так что он имеет такое же право. Я просто больше не хотела об этом думать.

Выехав за пределы Западного Ричмонда, всю дорогу через Ричмонд и Паско мы с Зи в основном молчали. Я хорошо знала, что расспрашивать старого гремлина бесполезно, пока он сам не созреет, поэтому оставила его в покое — после первых десяти или пятнадцати вопросов, на которые он не ответил.

— Ты бывала в резервации? — неожиданно спросил он, после того как мы пересекли мост за Паско и выехали на шоссе к Уолла-Уолла.

— Нет.

Резервация малого народа в Неваде приветствует туристов. Чтобы привлечь их, там открыли казино и парк аттракционов. А вот резервация Уолла-Уолла, напротив, всячески препятствует появлению тех, кто не принадлежит к иным. И я не знаю, кто виноват в такой нелюбезности: федералы или сам малый народ.

Зи недовольно постучал по рулевому колесу. У него были руки человека, всю жизнь чинившего машины, — руки в мозолях и шрамах, с вьевшейся в кожу смазкой, которую не оттереть даже пемзой.

Подходящие руки для человека, которым притворяется Зи. Когда Серые Повелители, могущественные и безжалостные существа, тайно правящие малым народом, через несколько лет после того, как иные перестали таиться, заставили его открыться публике, Зи и не подумал менять наружность.

Я знакома с ним чуть больше десяти лет и всегда видела только мрачное лицо старика. У него есть и другое лицо, я это знаю. Большинство иных живет среди людей, прикрываясь чарами, даже когда признает свое существование. Люди просто не готовы иметь дело с подлинной внешностью иных. Конечно, в основном они похожи на людей, но они не стареют. Редкие волосы и морщинистое, в темных старческих пятнах лицо — явный признак того, что это не подлинная внешность Зи. А вот мрачное выражение — не маскировка.

— Ничего не ешь и не пей, — вдруг сказал он.

— Я прочла все волшебные сказки, — напредила я ему. — Ни еды, ни питья. Никаких одолжений. Никого не благодарить.

Он хмыкнул.

— Волшебные сказки! Глупые истории для детей.

— Я читала и Кэтрин Бриггз^[7], — возразила я. — А также братьев Гримм в подлиннике.

В основном я искала упоминания о ком-нибудь, кем мог бы быть Зи. Он отказывался говорить об этом, но я думала, что все же он известная личность. И поиски его истинной сути стали для меня своего рода хобби.

— Это лучше. Лучше, но не намного. — Он постучал пальцами по колесу. — Бриггз пользовалась только архивами. Ее книги Дерны настолько, насколько верны ее источники, а они по большей части очень неполны. Братья Гримм в своих сказках больше думали о занимательности, чем об истине. И то и другое nur Schatten... только тени реальности. — Он бросил на меня быстрый внимательный взгляд. — Дядюшка Майк считает, что ты можешь нам помочь. И я подумал, что это была бы лучшая плата. Тебе верь все равно придется заплатить.

Когда мне предстояло убить вампира, одержимого демоном, который превратил этого вампира в колдуна, Зи, рискуя навлечь на себя гнев Серых Повелителей, одолжил мне кое-что из сокровищ малого народа. И я убила вампира, а потом убила и того вампира, который создал первого. Как в сказках: если используешь волшебный дар сверх дозволенного, жди последствий.

Знай я, что придется расплачиваться, я бы с самого начала вела себя осторожнее: в прошлый раз оплата услуги кончилась плохо.

— Все будет в порядке, — сказала я вопреки холодному комку ужаса в животе.

Он мрачно посмотрел на меня.

— Я не подумал, что значит привести тебя в резервацию после наступления темноты.

— Но люди ведь бывают в резервации, — возразила я с сомнением.

— Не такие, как ты, а когда стемнеет — вообще никаких посетителей. — Он покачал головой. — Люди видят то, что должны видеть, особенно днем, когда легче обмануть их глаза. Но ты... Серые Повелители запрещают охотиться на людей, но среди нас есть хищники, и им Трудно не поддаваться зову природы. Особенно когда Серые Повелители, установившие закон, отсутствуют... здесь только я. И если ты увидишь то, что не должна увидеть, найдутся такие, кто станет говорить, что исправить это можно только одним способом...

Лишь когда он перешел на немецкий, я поняла, что он говорит сам с собой. По крайней мере половина сказанного мне не предназначалась. Благодаря Зи мой немецкий значительно улучшился по сравнению с тем, чему меня научили за два года в колледже, но все же он недостаточно хорош, чтобы понять все.

Шел девятый час, но солнце все еще обливало соседние холмы золотым блеском. Большие деревья еще зеленели, но на кустах листва уже начала приобретать великолепные осенние оттенки.

Возле Тройного города деревья растут только в городской черте, где их постоянно поливают, спасая от жестокого летнего зноя, или на берегах рек. Но за Уолла-Уолла, где Голубые горы^[8] позволяют воздуху сохранить немного влаги, местность становится более зеленой.

— Хуже всего вот что, — Зи снова перешел на английский. — Я не думаю, что тебе удастся рассказать нам то, чего мы уже не знали бы.

— О чем рассказать?

Он как-то робко и застенчиво посмотрел на меня. Странно было видеть на его лице

такое выражение.

— Я, я все путаю. Начну с начала. — Он глубоко вздохнул, шумно и тяжело. — В резервации мы сами следим за соблюдением законов — у нас есть такое право. Но мы делаем это незаметно, потому что люди не готовы принять наши способы соблюдения законов. Ведь нелегко посадить в тюрьму таких как мы, верно?

— Те же проблемы у вервольфов, — сказала я.

— Я, еще бы. — Он коротко и резко кивнул. — Итак. В последнее время в резервации случилось несколько смертей. Мы думаем, причина у всех у них одна.

— У вас в резервации своя полиция? — спросила я.

Он отрицательно покачал головой.

— У нас нет полиции. Вернее, обычной полиции. Но дядюшка Майк — член Совета. Он подумал, что твое обоняние может быть нам полезно, и послал меня за тобой.

Дядюшка Майк — хозяин бара в Паско; в его заведении собирается малый народ и другие сверхъестественные существа, живущие в городе. Я всегда знала, что он влиятелен, иначе как он мог бы укрывать такое количество малого народа? Но что он член Совета, я не знала. Может быть, если бы я знала, что такое этот Совет, то что-нибудь заподозрила бы.

— Разве никто из вас не умеет того же, что я? — Я подняла руку, мешая Зи ответить сразу. — Дело не в моем нежелании. Могу представить себе худшие способы выплаты долга. Но почему я? Разве гигант Джека не унюхал ради Пита кровь англичанина? Как насчет магии? Разве нельзя с ее помощью найти убийцу?

Я мало что знаю о магии, но мне казалось, что в резервации малого народа найдется кто-нибудь, владеющий магией лучше моего носа.

— Может быть, Серые Повелители с помощью своей магии нашли бы виновных, но мы не хотим привлекать их внимание. Это слишком рискованно. А без Серых Повелителей... — Зи пожал плечами. — Убийца оказался на удивление неуловимым. Немногие из нас наделены острым обонянием... этот дар доставался в основном тем, кто близок к животным. Как только Серые Повелители решили, что для всех нас безопасней слиться с человеческим обществом, а не жить вне его, они уничтожили среди нас тех хищников, кто пережил пришествие Христа и появление холодного железа. Конечно, можно найти одного-двух, кто способен вынюхивать людей, но они так слабы, что им нельзя доверять.

— Что это значит?

Он мрачно посмотрел на меня.

— У нас свои обычаи. Тот, кто слишком слаб, чтобы защититься, не должен вести себя вызывающе. Если убийца силен или обладает большими связями, никто из иных, способных его вынюхать, не захочет его обвинять.

Он улыбнулся, чуть изогнув губы.

— Мы не способны лгать... но правда и честность — совершенно разные вещи.

Я выросла среди волков, которые умеют учуять ложь за сто ярдов. И сама все знаю о разнице между правдой и честностью.

Но что-то в его словах...

— Хм-м. Я не сильна. Что если мои слова кого-нибудь оскорбят?

Он улыбнулся.

— Ты будешь здесь моей гостьей. Это может не защитить тебя, если ты увидишь слишком много: наши законы очень определенно говорят, что делать с людьми, случайно забредшими в Подхолмье и увидевшими то, что им видеть не следовало. Конечно, то, что

тебя пригласил Совет, и то, что ты не совсем человек, дает тебе относительную неприкосновенность. Но всякому, кто сочтет, что его оскорбили твои слова, придется по нашим законам иметь дело не с тобой, а со мной. А я могу себя защитить.

В это я верила. Зи называет себя гремлином, что, вероятно, во многом справедливо — хотя слово «греmlin» гораздо моложе самого Зи. Он один из немногих иных, обладающих склонностью к железу, и это дает ему многочисленные преимущества перед остальным малым народом. Для большинства других железо смертельно.

Там, где мы свернули с автострады, не было никакого знака. Дорога вилась между небольшими лесистыми холмами, которые напоминали мне скорее Монтану, чем голые, поросшие костерком и полынью земли у Тройного города.

Мы повернули, проехали через густую рощу тополей и оказались между двух стен из коричневых цементных блоков, высотой в шестнадцать футов, с проволочной спиралью поверху, что заставляло гостей чувствовать себя еще более незваными.

— Похоже на тюрьму, — сказала я.

Сочетание высоких стен и узкой дороги вызвало у меня клаустрофобию.

— Да, — угрюмо согласился Зи. — Забыл спросить: у тебя права с собой?

Да.

— Хорошо. Запомни, Мерси, в резервации много существ, которые не любят людей, а ты так похожа на человека, что гостеприимства от них не жди. Если слишком выйдешь за рамки, тебя сначала убьют, а потом обратятся к правосудию.

— Я буду выбирать слова, — пообещала я.

Он недоверчиво фыркнул.

— Поверю, когда увижу. Лучше бы с нами был дядюшка Майк. При нем тебя бы не посмели тревожить.

— Мне казалось, это идея дядюшки Майка.

— Да, но он работает и сегодня не может оставить свое заведение.

Мы проехали еще с полмили, и дорога резко повернула направо; показались караулка и ворота. Зи остановил грузовик и опустил окно.

Охранник был в военном мундире с большой нашивкой «БДМН». Я недостаточно знакома с БДМН (Бюро по делам малого народа), чтобы знать, к каким воинским формированиям это бюро относится, да и вообще относится ли к армии. У охранника был вид наемного полицейского, и чувствовалось, что в военном мундире ему немного не по себе, хотя ему нравилась власть, которую давал этот мундир. Значок на груди у охранника сообщал: «О'Доннелл».

Охранник наклонился к машине, и я ощутила запахи чеснока и пота, хотя он не казался немытым. Просто у меня нос гораздо чувствительнее, чем у людей.

— Права, — сказал он.

Несмотря на ирландскую фамилию, он походил скорее на француза или итальянца, чем на ирландца. Лицо самоуверенное, волосы редеют.

Зи открыл бумажник и протянул водительские права. Охранник с важным видом просматривал их, время от времени поглядывая на Зи. Потом кивнул и сказал:

— Ее тоже.

Я уже достала свои права из сумочки. И отдала их Зи, чтобы не касаться охранника.

— Не указана разновидность, — сказал О'Доннелл, большим пальцем загибая край моего удостоверения.

— Она не из малого народа, сэр, — почтительно сказал Зи; я никогда раньше не слышала у него подобного тона.

— Правда? А какое у нее здесь дело?

— Она моя гостья, — быстро ответил Зи, как будто чувствовал, что я сейчас брякну охраннику, мол, не твое дело.

А еще он тупица — он и тот, кто тут командует охраной. Смотреть фото в правах у иного! Единственное, что объединяет всех иных, это чары — способность менять внешность. Иллюзия настолько хороша, что затрагивает не только восприятие человека, но и физическую реальность. Вот почему пятисотфунтовый огр^[9] ростом в десять футов может носить платье шестого размера и ездить в «миате»^[10]. Мне говорили, что это не смена облика. Но, по-моему, очень близко.

Не знаю, какие права нужно ввести для малого народа, но снимок на них — совершенная бессмыслица. Конечно, иные стараются поддерживать убеждение, что у них может быть только одно обличье, хотя определенно никогда этого не утверждают. Может, им удалось убедить в этом каких-то бюрократов.

— Пожалуйста, выйдите из машины, мэм, — сказал придурок, обходя машину и оказываясь с моей стороны.

Зи кивнул. Я вышла.

Охранник обошел меня кругом, и мне пришлось сдерживать рычание. Мне не нравится, когда люди встают у меня за спиной. А он не так туп, как казался: понял это и нарочно обошел еще раз.

— Начальство не любит гражданских посетителей, особенно после наступления темноты, — сказал он Зи, который тоже вышел и встал рядом со мной.

— Мне разрешено, сэр, — по-прежнему почтительно ответил Зи.

Охранник фыркнул и просмотрел с помощью клавиатуры несколько страниц, хотя сомневаюсь, чтобы он что-нибудь действительно читал.

— Сибольд Адельбертсмайтер. — Он произнес неверно: Зи зовут Зибольд. — Майкл Макнеллис и Оуэн Джонс.

Майкл Макнеллис может быть дядюшкой Майком, а может и не быть им. Не знаю никого из иных по имени Оуэн, но я вообще по пальцам могу пересчитать своих знакомых из малого народа. Иные обычно держатся обособленно.

— Совершенно верно, — ответил Зи. Его ложная покорность казалась искренней. Я знала, что она ложная, потому что у Зи нет терпения на дураков — да и на всех остальных тоже. — Сибольд — это я.

Он произнес свое имя, как это сделал О'Доннелл.

Мелкий тиран прошел с моими правами в свою каморку. Я осталась на месте и не могла видеть, что он делает, но слышала стук клавиатуры. Через несколько минут он вышел и вернул мне права.

— Будьте осторожны, Мерседес Томпсон. Волшебная страна — не место для хороших маленьких девочек.

Очевидно, когда их обучали такту, О'Доннелл болел. Обычно я держу себя в руках, но его «маленькая девочка» прозвучало как оскорбление. Чувствуя на себе внимательный взгляд Зи, я взяла права, сунула их в карман и постаралась удержать при себе то, что думаю.

Должно быть, моя физиономия все же была недостаточно каменной, потому что охранник придвинул свое лицо к моему.

— Вы меня слышите, девочка?

Я почувствовала запах ветчины с горчицей, которой он завтракал. Чеснок он, вероятно, ел накануне вечером. Может, с пиццей или лазаньей.

— Слышу, — ответила я как можно нейтральнее. Должна признать, получилось не очень.

О'Доннелл положил руку на рукоять пистолета и взглянул на Зи.

— Она может оставаться два часа. Если к тому времени не вернется, мы ее поищем.

Зи, не отрывая взгляда от лица охранника, склонил голову, как боец в фильмах о карате. Он дождался, пока стражник вернется в свою караулку, потом сел в машину. Я за ним.

Створка металлических ворот отъехала в сторону неохотно, отражая отношение О'Доннелла. Сталь, из которой сделаны ворота, была первым признаком толковости, какой я увидела. Если бетон стен не армированный, таких как я он удержит, но против малого народа бесполезен. Проволочная спираль слишком блестит, чтобы быть из чего-то, кроме алюминия, а алюминий нисколько не тревожит малый народ. Конечно, формально стена сделана для защиты малого народа и их территории, поэтому неважно, что иные могут приходить и уходить когда им вздумается, не обращая внимания на ворота.

Зи проехал в ворота, и мы оказались в Волшебной стране. |

Не знаю, чего я ожидала от резервации: военных казарм или английских коттеджей, может быть. Но увидела аккуратные, один за другим, ряды домов типа ранчо с одинаковыми гаражами на одну машину на одинакового размера дворах с одинаковыми изгородями, с проволочной сеткой на входе в дом и с кедром — за ним.

Единственное отличие одного дома от другого — окраска и цвет листвы во дворе. Я знала, что резервация существует с восьмидесятих годов, но выглядело все так, будто построено год назад.

Тут и там стояли машины, в основном спортивные и грузовички, но никого живого я не увидела. Единственной живой душой, кроме нас с Зи, была большая черная собака, которая умными глазами смотрела на нас со двора светло-желтого дома.

Собака наводила на мысль об степфордском эффекте^[11].

Я собралась что-то сказать по этому поводу Зи и поняла, что нос говорит мне нечто иное.

— Где вода? — спросила я.

— Какая вода? — поднял он бровь.

— Пахнет болотом: водой, и гнилью, и растениями.

Он бросил на меня взгляд, который я не поняла.

— Я так и сказал дядюшке Майку. Наши чары хорошо действуют на зрение и осязание, неплохо на вкус и слух, но не на обоняние. У большинства людей оно недостаточно острое, чтобы нас это тревожило. Ты, как только меня увидела, сразу учуяла, что я иной.

На самом деле он ошибался. Я не встречала двух человек, которые пахли бы одинаково, и подумала, что запах земли, который исходит от него и его сына Теда, — просто их индивидуальный запах. Только много времени спустя я научилась отличать людей от иных. Если только вы не живете в часе езды от одной из четырех американских резерваций малого народа, ваши шансы встретить кого-нибудь из них невелики. Насколько мне известно, до переезда в Тройной город и начала работы у Зи я никогда не сталкивалась с иными.

— Так где же болото? — спросила я.

Он покачал головой.

— Надеюсь, ты сумеешь разгадать секрет маскировки, которую использовал наш убийца. Но ради тебя самой, *Liebling*, я надеюсь, что ты оставишь резервации ее тайны, если это возможно.

Он свернул на улицу, которая выглядела точно так же, как четыре предыдущие, мимо которых мы проехали; только во дворе маленькая девочка, лет восьми или девяти, играла с йо-йо. Девочка серьезно смотрела на вращающуюся часть игрушки и даже не взглянула на машину, которую Зи остановил перед ее домом. Но когда Зи открыл калитку, девочка одной рукой подхватила йо-йо и посмотрела на нас взрослыми глазами.

— Никто не входил, — сказала она.

Зи кивнул.

— Это место последнего убийства, — объяснил он мне. — Мы обнаружили его сегодня утром. Есть еще шесть других. Везде побывали целые толпы, но сюда после смерти никто не заходил, кроме нее, — он показал на девочку, — она член Совета, — и дядюшки Майка.

Я взглянула на девочку — члена Совета. Она улыбнулась и надула пузырь из жвачки.

Я решила, что безопаснее не обращать на нее внимания.

— Хочешь, чтобы я учула того, кто побывал во всех этих домах?

— Если сможешь.

— Не существует базы данных, где хранятся все запахи. Даже если я его учую, я понятия не буду иметь, кто он — если только это не ты, не дядюшка Майк и не член Совета.

Я кивком показала на девочку с йо-йо.

Зи невесело улыбнулся.

— Если сумеешь найти запах, который есть во всех домах, я лично буду сопровождать тебя по всей резервации и по всему штату Вашингтон, пока ты не найдешь этого сукина сына убийцу.

Вот тут я поняла, что для него это личное дело. Зи очень редко бранится и никогда не бранится по-английски. В моем присутствии он впервые не употребил слова «сука».

— Будет лучше, если я проделаю это одна, — сказала я ему. — Чтобы ваши запахи не смешивались с тем, что я найду. Не возражаешь, если я в грузовичке поменяю облик?

— *Nein, nein*, — сказал он. — Меняйся.

Я пошла к грузовичку, все время ощущая спиной взгляд девочки. Она выглядит слишком невинной и беспомощной, чтобы быть серьезной угрозой; ну разве что похулиганит немного.

Я села на пассажирское сиденье, чтобы было побольше места, и разделась. У вервольфов перемена проходит очень болезненно, особенно если им приходится долго ждать полнолуния и их заставляет меняться луна.

Мне перемена не причиняет никакой боли — на самом деле я очень хорошо себя чувствую, как будто славно потянулась после трудной работы. Но я начинаю ощущать голод, а если слишком часто перехожу из одного обличья в другое, сильно устаю.

Я закрыла глаза и из человека стали койотом. Задней лапой почесала ухо, прогоняя последние судороги, и выпрыгнула через окно, которое нарочно оставила открытым.

Мое восприятие как человека очень остро. Когда я меняю облик, оно еще обостряется, но дело не только в этом. В обличье койота я умею лучше сосредоточиваться на нужной информации.

Я побежала по тротуару и по земле сразу за калиткой, чтобы привыкнуть к запахам дома. Добежав до порога, я уже знала запах самца (это определенно не был человек, хотя сказать точно, кто он, я не могла), который сделал этот дом своим. Я уловила также запах

самых частых посетителей, таких как девочка, которая вернулась к своей игрушке, но смотрела на меня, а не на игрушку.

После первых фраз они с Зи не обменялись ни словом, которое я могла бы услышать. Это могло означать, что они друг друга не любят, но язык их тел не свидетельствовал о вражде или напряжении. Наверно, им просто нечего было сказать друг другу.

Зи открыл дверь, когда я остановилась перед ней, и меня поглотила волна смерти.

Я сделала шаг назад — не справилась с собой. Безобразие смерти действует даже на малый народ. Я перебралась через порог с излишней осторожностью, но кое-какие поступки, особенно в облике койота, совершаешь инстинктивно.

Глава вторая

Запах крови привел меня в гостиную, где был убит иной. Мебель и ковер были щедро залиты кровью; на том месте, где тело обрело покой, темнело большое кровавое пятно. Останки убрали, но не пытались убрать остальное.

На мой неопытный взгляд, непохоже, что он сопротивлялся: ничего не сломано и не перевернуто. Скорее кто-то словно наслаждался, разрывая его на клочки.

Смерть была насильственная. Именно такие смерти приводят к появлению призраков.

Я не уверена, знают ли дядюшка Майк или Зи о призраках. Хотя сама я никогда не пыталась скрывать, что вижу призраков, очень долго я вообще не подозревала, что остальные этого не умеют.

Именно благодаря помощи призраков я убила второго вампира. Вампиры очень хорошо прячут свои дневные убежища, даже от носа вервольфа — или койота. Даже те, кто владеет магией, не могут уничтожить их защитные заклятия.

Но я могу их находить. Потому что жертвы насильственной смерти обычно остаются на месте убийства в виде призраков, а за каждым вампиром обычно числится много таких жертв.

Поэтому и ходячих мало (я, например, не встречала ни одного) — всех их убили вампиры.

Но если иной, чья кровь окрасила стены и пол дома, оставил призрака, этот призрак не желал мне показываться. Пока не желал.

Я присела на пороге, между входом и гостиной, и закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться на том, что чую. Запах жертвы я отстранила. Каждый дом, как и каждое существо, имеет свой запах. Начну с этого, потом выделю запахи, которые здесь неуместны. Я нашла основной запах комнаты — в данном случае преимущественно запах трубочного табака, древесный дым и запах шерсти. Древесный дым показался мне странным.

Я на всякий случай открыла глаза и осмотрелась, но не увидела ни следа очага. Будь запах слабее, я решила бы, что кто-то принес его на своей одежде, — но этот запах преобладал. Может, благовоние или что-то, пахнущее огнем.

Поскольку, даже если я найду источник странного дыма, это вряд ли мне поможет, я положила голову на передние лапы и снова закрыла глаза.

Освоив основные запахи дома, я смогла различить случайные запахи, принесенные теми, кто сюда приходил. Мои предположения подтвердились: дядюшка Майк здесь побывал. Обнаружила я и острый запах девочки с йо-йо — она бывала здесь неоднократно. Все остальные запахи я поглощала, пока не почувствовала, что по желанию легко могу их вспомнить. Память на запахи у меня гораздо лучше зрительной. Я могу забыть чье-нибудь лицо, но редко забываю запах — или голос.

Я открыла глаза, собираясь получше исследовать дом... и все изменилось.

Гостиная была маленькая, аккуратная и во всех отношениях такая же безликая, как весь дом. Комната, где я оказалась, была вдвое больше. Вместо штукатурки стены забраны панелями из полированного дуба и увешаны небольшими вышитыми коврами со сложными картинами жизни леса. Кровь жертвы, которую я видела расплесканной по ковру цвета овсянки, теперь покрывала лоскутный плед, брошенный на полированный деревянный пол.

В передней стене, где раньше выходило на улицу окно, я увидела камин из речного

камня, а окна не увидела. Зато на противоположной стене оказалось множество окон, и сквозь их стекла я видела лес, какой никогда не растет в сухом климате восточного Вашингтона. Этот лес намного обширнее маленького заднего двора, обнесенного проволочной изгородью.

Я поставила передние лапы на подоконник и выглянула в лес: детское разочарование оттого, что резервация оказалась ничем не примечательным пригородом, сменилось чувством глубокого удивления.

Койоту хотелось убежать в лес, узнать, что в его зеленой глубине. Но нам предстояла работа. Поэтому я убрала нос от стекла, соскочила с подоконника и, перепрыгивая с одного сухого места на другое, вернулась в коридор — который выглядел как раньше.

В доме оказалось две спальни, две ванны и кухня. Мою работу облегчало то, что я интересовалась только свежими запахами, поэтому поиски не заняли много времени.

На обратном пути из дома я снова заглянула в гостиную: окна по-прежнему выходили не на задний двор, а в лес. Мой взгляд на мгновение остановился на кресле-качалке, расположенном так, чтобы из него смотреть на лес. И я почти увидела, как хозяин сидит здесь, наслаждаясь видом дикой природы, и курит трубку, окутанный облаком пряного дыма.

На самом деле я, конечно, ничего не увидела. Это был не призрак, а просто мой вымысел: и запах дыма из трубки, и лес. Я по-прежнему ничего не знаю о хозяине, знаю только, что он обладал большой силой. Этот дом долго будет его помнить, но в нем нет беспокойных призраков.

Я вышла через открытые двери и вернулась в невыразительный маленький мир, который люди создали для иных, чтобы удалить их из своих городов. Я подумала, сколько такие одинаковые изгороди скрывают лесов — или болот, — и порадовалась, что облик койота не позволяет мне задавать вопросы. Сомневаюсь, чтобы мне хватило силы воли их не задавать, а ведь лес — это как раз то, что я не должна была увидеть.

Зи открыл для меня дверцу грузовичка, и я вскочила на сиденье, чтобы он мог отвезти меня на другое место. Девочка смотрела, как мы отъезжаем, по-прежнему не произнося ни слова. Я не могла понять выражение ее лица.

Второй дом, у которого мы остановились, был точной копией первого вплоть до цвета оконных рам. Единственное отличие — куст сирени во дворе и цветочная клумба у тротуара, одна из немногих клумб, которые мне здесь встретились. Все цветы засохли, лужайка пожелтела и отчаянно нуждалась в стрижке.

Здесь на пороге нас никто не ждал. Зи положил руку на дверь и остановился, не открывая ее.

— В том доме, где ты побывала, произошло последнее убийство. Этот принадлежал первой жертве, и думаю, с тех пор здесь перебивало множество народу.

Я села и посмотрела ему в лицо: хозяин этого дома был ему небезразличен.

— Она была моим другом, — сказал он и сжал в кулак руку, лежавшую на двери. — Ее звали Коннора. Как и у Теда, в ней была человеческая кровь. В ней этой крови было меньше, но это была ее слабость.

Тед — сын Зи — наполовину человек и сейчас учится в колледже. Насколько я могу судить, человеческая кровь не ослабила в нем унаследованную от отца склонность к металлам. Не знаю, передал ли ему отец свое бессмертие: Теду девятнадцать лет, на девятнадцать он и выглядит.

— Она была нашим библиотекарем, архивариусом и собирателем историй. Знала все сказания, все те особенности и возможности, которых нас лишили христианство и холодное железо. Ненавидела слабость. Еще больше ненавидела и презирала людей. Но к Теду была добра.

Зи отвернулся, чтобы я не видела его лица, и резко, сердито распахнул дверь.

И снова я вошла в дом одна. Если бы Зи не сказал мне, что Коннора была библиотекарем, я бы догадалась. Повсюду лежали книги. На полках, на полу, на стульях и столах. Большинство не из тех, что выпущены за последние сто лет, и я не увидела ни одного названия на английском.

Как и в предыдущем доме, присутствовал запах смерти, хотя, как и обещал Зи, старый. В доме слабо пахло гнилой пищей и жидкостями для очистки.

Зи не сказал, когда умерла Коннора, но я чувствовала, что в доме уже с месяц или даже больше никто не живет.

Примерно с месяц назад демон одним своим присутствием вызывал вспышки насилия. Я была совершенно уверена, что иные это учитывали; к тому же резервация достаточно далеко от города, чтобы избежать влияния демона. Однако я решила, приняв обличье человека, расспросить Зи об этом.

Спальня Конноры была в мягких тонах и «дамской», как в английском коттедже. Пол — из сосны; или другой мягкой древесины и застлан вышитыми вручную коврами. Постель накрыта тонким белым вязаным покрывалом, которое ассоциируется с дешевыми отелями или бабушками. И это странно: я никогда не имела дела с бабушками и не ночевала в дешевых отелях типа «ночлег и завтрак».

На маленьком столике у кровати высохшая роза — и ни одной книги.

Во второй спальне был устроен кабинет. Когда Зи сказал, что Коннора собирает истории, я ожидала увидеть блокноты и бумагу, но здесь был только небольшой книжный шкаф с нераспечатанной упаковкой CD-болванок. Остальные полки шкафа были пусты. Кто-то забрал ее компьютер, хотя оставил принтер и монитор; может, забрали и то, что стояло на полках.

Я вышла из кабинета и продолжила осмотр.

Кухню недавно протерли нашатырным спиртом, хотя в холодильнике еще что-то догнивало. Может, поэтому на стойке — один из этих несносных освежителей воздуха. Я чихнула и попятилась. В этой комнате я никаких запахов не разберу — все старания приведут только к тому, что освежитель воздуха начисто убьет мое чутье.

Я обошла весь дом и методом исключения решила, что хозяйка умерла на кухне. Поскольку на кухне есть дверь и пара окон, убийца мог войти и уйти, больше нигде не оставив своего запаха. Я сделала мысленную заметку, но на всякий случай обошла дом вторично. Уловила запах Зи и — более слабый — запах Теда. Трое или четверо навещали этот дом часто, еще несколько были более редкими гостями.

Если этот дом хранил тайны, как и первый, я их раскрыть не смогла.

Когда я вышла из дома, день догорал. Зи ждал на пороге, закрыв глаза, повернув лицо в сторону слабого, убывающего света. Мне пришлось залаять, чтобы привлечь его внимание.

— Все? — спросил он чуть более мрачно, чуть более *по-иному*, чем обычно. — Убийство Конноры было первым; может, к остальным местам пойдем в порядке очередности? — предложил он.

На месте второго убийства смертью вообще не пахло. Если здесь кто-то умер, то место

очистили так хорошо, что я ничего не ощутила — или живший здесь иной был так далек от человека, что его смерть не оставила знакомого запаха.

Однако в этом доме бывали несколько посетителей из тех, что и в первых двух домах, причем несколько — только в первом и третьем. Я включила их в список подозреваемых, потому что не смогла отыскать сильный запах в доме Конноры, библиотекаря. К тому же, поскольку в ее доме такая чистота, я не могу уверенно исключить тех, кто бывал только в первом доме. Неплохо бы отмечать, где какой запах я учуяла, но я не умею записывать запахи с помощью ручки и бумаги. Придется обойтись тем, что умею.

Четвертый дом, куда отвез меня Зи, ничем не отличался от остальных. Бежевый, без всякой выдумки отделанный белым, с высохшей и умирающей травой во дворе.

— В этом доме не прибирались, — мрачно сказал Зи, открывая дверь. — Когда мы обнаружили третью жертву, фокус наших усилий сместился — от стремления скрыть происходящее от людей к выяснению, кто убийца.

Он не шутил, говоря, что в доме не прибирались. Я перескочила через груды старых газет и разбросанную у порога одежду.

Хозяина дома убили не в гостиной и не на кухне. И не в спальне, где поселилось мышинное семейство. Когда я вошла, мыши разбежались.

Хозяйская спальня почему-то пахла не мышами, как весь остальной дом, а океаном. Я невольно закрыла глаза, как в первом доме, и сосредоточилась на том, что скажут мне другие чувства.

Вначале я слышала прибой и ветер. Потом мою шерсть взъерошило холодное дуновение. Я открыла глаза и увидела, что стою на вершине дюны на самом краю моря.

Ветер нес песок, песчинки жалили мне нос и глаза, застревали в шерсти, а я ошеломленно смотрела на воду и чувствовала, как гудит моя шкура от магии этого места. Здесь тоже был закат, и заходящее солнце окрасило море в тысячи оттенков оранжевого, красного и розового.

Я заскользила вниз по зарослям травы с острыми, как бритва, краями и остановилась на плотно утрамбованном песке пляжа. Края моря, волны которого накатывали на берег, я не видела. Я так долго смотрела на волны, что прилив позволил им подобраться к самым моим ногам.

Ледяная вода напомнила мне, что я здесь по делу; как бы прекрасно и удивительно ни было это место, вряд ли я найду здесь убийцу. Я по-прежнему не чуяла ничего, кроме моря и песка. Я повернулась, собираясь возвращаться, но увидела за собой только бесконечные дюны и невысокие холмы за ними.

Либо ветер стер следы моих лап на песке — либо их никогда не было. Я даже не знала, с какого холма спустилась.

Я замерла; почему-то мне показалось, что если я сойду с этого места, то никогда не найду пути назад. Мирное очарование океана мгновенно рассеялось, и пейзаж, по-прежнему прекрасный, показался темным и угрожающим.

Я медленно села, дрожа на ветру. Остается только надеяться, что Зи найдет меня. Или этот пейзаж исчезнет так же быстро, как появился. Я легла на песок спиной к океану.

Опустила голову на лапы, закрыла глаза и стала вспоминать: *ванная*, и как пахнет в доме мышами; я пыталась забыть о соли, о море и о ветре, трепавшем мою шерсть. Но все это не уходило.

— Ну, ну, — произнес мужской голос, — что тут у нас? Никогда не слышал, чтобы

койот бродил в Подхолмье.

Я открыла глаза и повернулась, присев, готовая напасть или бежать — что будет выгоднее. В десяти футах между мной и морем стоял человек и смотрел на меня. Ну, по крайней мере выглядел он в основном человеком. Голос его звучал так обыденно, словно у гарвардского преподавателя, что мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, как далек он от человека.

Глаза у него были зеленые, зеленее одежды, которую дядюшка Майк заставляет носить свой штат, такие зеленые, что даже густеющая вечерняя тьма не могла лишиться этот цвет сочности. Длинные светлые волосы, мокрые от морской воды, с застрявшими в них спутанными водорослями, достигали впадин под коленями. Он был совершенно голый, и это его нисколько не смущало.

Никакого оружия я не видела. В голосе и позе не было воинственности, но все мои инстинкты кричали. Я опустила голову, сохраняя контакт с его взглядом, и постаралась подавить рычание.

Обличье койота казалось мне наиболее безопасным. Он может принять меня просто за койота... который забрел в ванную мертвого иного, а оттуда сюда, где бы это ни было. Маловероятно, пришлось мне признать. Может, существуют другие пути сюда? Я не видела никаких прочих живых существ, но, может, он поверит, что я то, чем кажусь.

Мы долго смотрели друг на друга, не шевелясь. Кожа у него была светлее волос. Я видела под ней синеватые вены.

Ноздри его раздулись: он уловил мой запах, но я знала, что пахну койотом.

Почему Зи не использовал его? Этот иной определенно пользуется обонянием и не кажется мне бессильным.

Может быть, потому что его считают убийцей.

Под взглядом иного я перебирала свои знания в области фольклора, пытаюсь вспомнить человекоподобное существо, живущее в океане. Таких много, но я мало о ком знаю хоть что-то.

И только селки^[12] среди тех, кого я знаю, сохраняют нейтралитет. Но я не думала, что это селки — главным образом потому, что мне не могло так повезти, а от него не пахло так, словно он способен превращаться в млекопитающее. От него несло холодом и рыбой. В озерах живут дружелюбные существа, но море порождает в основном ужасы; здесь нет мирных домовых, берегущих чистоту жилища.

— Ты пахнешь койотом, — сказал он наконец. — Ты выглядишь как койот. Но ни один койот не заходил в Подхолмье и не добирался до Владений Морского Царя. Кто ты?

— Gnadiger Herr, — осторожно сказал откуда-то из-за моей спины Зи. — Она работает на нас и просто заблудилась.

Иногда этот старик очень мне нравится, но я никогда не была так счастлива, как услышав сейчас этот голос.

Морской иной не шелохнулся, только чуть поднял глаза, но я была уверена, что сейчас он смотрит на Зи. Я не хотела отводить глаза, но стала осторожно отступать, пока не коснулась ноги Зи: это убедило меня, что он не плод моего воображения.

— Она не из малого народа, — сказал другой.

— Но и не человек.

В голосе Зи звучало что-то очень близкое к почтительности, и я поняла, что мои опасения небеспочвенны.

Незнакомец неожиданно прошел вперед и опустил передо мной на одно колено. Без всякого «с вашего позволения» схватил меня за морду и провел свободной рукой по моим глазам и ушам. Его ледяные руки не были грубыми, но если бы Зи меня не подтолкнул, я бы стала сопротивляться. Неожиданно он отпустил мою голову и снова встал.

— Она не раб эльфов, и от нее не пахнет снадобьями, от которых некоторые забредают сюда и умирают. И я знаю, что твоя магия недостаточно сильна, чтобы вызвать такое. Так как же она сюда попала?

Когда он заговорил, я поняла, что это говорит не гарвардский преподаватель, а сама Веселая Старая Англия^[13].

— Не знаю, mein Herr^[14]. Думаю, она и сама не знает. Ты лучше всех должен знать, как непостоянен и одинок мир Подхолмья. Если моя подруга смогла разрушить чары, скрывающие вход, ее не удержать.

Морской обитатель застыл — и волны тоже стихли, как кошка, готовящаяся к прыжку. Ключья туч на небе потемнели.

— А как ей удалось разрушить наши чары? — очень тихо спросил незнакомец.

— Я привел ее, чтобы она обнаружила убийцу. У нее очень острое обоняние, — сказал Зи. — Если в чарах и есть изъян, то это запах. Едва она разрушила эту часть иллюзии, сразу последовало все остальное. Но она не сильна и не представляет угрозы.

Океан ударил без предупреждения. Огромная волна обрушилась на меня, сбила с ног, ослепила. В одно мгновение она отняла у моего тела все тепло, и не думаю, что я смогла бы дышать, даже если бы мой нос не погрузился в воду.

Сильная рука ухватила меня за хвост и резко дернула. Было больно, но я не протестовала, потому что вода уходила и могла бы унести меня с собой, если бы не эта поддержка. Как только вода опустилась до уровня моих колен, Зи разжал руку.

Как и я, он весь вымок, хотя не дрожал. Я закашлялась, выплевывая проглоченную соленую воду, встряхнулась и осмотрелась, но морского жителя не было видно.

Зи коснулся моей спины.

— Чтобы ты вернулась, придется взять тебя на руки.

И, не дожидаясь ответа, поднял меня. На одно головокружительное мгновение все мои чувства смешались. Он опустил меня на покрытый плиткой пол. Ванная. И темно, хоть глаз выколи.

Зи включил свет, который после роскошного заката казался желтым и искусственным.

— Продолжать можешь?

Я посмотрела на него, но он резко помотал головой. Говорить о случившемся он не желал. Меня это раздосадовало, но я прочитала достаточно волшебных сказок, чтобы знать — нельзя говорить о малом народе в его присутствии. Выберусь из резервации — добьюсь ответов, даже если придется сесть на Зи.

А до тех пор придется отставить любопытство и обдумать, что ответить на его вопрос. Я дважды чихнула, прочищая нос, и опустила его к полу, собирая сведения о тех, кто здесь побывал.

На этот раз Зи пошел со мной; он держался позади, чтобы не мешать, но не отставал. Он больше ничего не сказал, а я не обращала на него внимания и пыталась понять, что же со мной случилось. Реален ли этот дом? Зи сказал тому иному, что я разрушила их чары, так может, реален как раз тот ландшафт? Но тогда выходит, здесь целый океан, а это вряд ли вероятно — хотя, если постараться, еще можно почувствовать его запах. Я знала, что

Подхолмье — волшебное царство, но рассказы о нем очень туманны, если не прямо противоречивы.

Солнце уже село, и Зи повсюду включал свет. Я хорошо вижу в темноте, но была ему за это благодарна. Мое сердце все еще было уверено, что нас съедят, и колотилось вдвое быстрее обычного.

Неприятный запах смерти привлек мое внимание к закрытой двери. Будь я одна, легко могла бы открыть дверь сама, но я считаю, что нужно использовать других, если есть такая возможность. Я заскулила (койоты вовсе не лают, как собаки), и Зи послушно открыл дверь, за которой оказалась лестница в подвал. Впервые в этих домах я увидела подвал — если в предыдущих он не был спрятан.

Я спустилась по лестнице. Зи включил свет и последовал за мной. Подвал с виду был как подвал: груды беспорядочно набросанного старья, неоштукатуренные стены и цементный пол. Я пошла по полу на запах смерти и остановилась перед плотно закрытой дверью. Зи, не спрашивая, открыл и эту дверь, и я наконец нашла место, где был убит живший в этом доме иной.

В отличие от всего дома эта комната до смерти хозяина была безупречна. Пол под ржаво-бурым пятном крови блестел. Вдоль стен — книжные шкафы, а в них вперемешку потрескавшиеся кожаные тома с подлинной неряшливостью допечатных книг, потрепанные романы в мягких обложках и университетские учебники по биологии и математике.

Комната оказалась самой окровавленной — а если вспомнить картину первого убийства, это кое о чем говорит. Даже засохшая и старая, кровь была везде. Иной боролся с убийцей, и его кровь натекала лужицами и разбрызгивалась повсюду. Ею были залиты нижние полки трех шкафов. Столы перевернуты, на полу разбитая лампа.

Я могла бы не понять этого, если бы чуть раньше не думала о них, но в этом доме жил селки. Я никогда раньше не видела селки, но бывала в зоопарках и знаю, как выглядят тюлени.

Мне не хотелось заходить в эту комнату. Обычно я не щепетильна, но в последнее время видела слишком много крови. Там, где собиралась кровь: в бороздках между плитками пола, на раскрытой книге, возле одного из шкафов, где пол был недостаточно ровный, — она не высыхала, а начинала гнить. В комнате пахло кровью, тюленем и тухлой рыбой.

Стираясь избегать этой грязи, я в то же время старалась не думать о том, от чего уклониться не могла. Постепенно то, что сообщал мне нос, отвлекло меня от неприятных ощущений. Я обошла комнату, Зи оставался у входа.

Направляясь назад к двери, я *что-то* уловила. Большая часть крови принадлежала иному, но на полу, перед самой дверью, пролилось несколько капель чужой.

Будь Зи полицейским, я бы тут же переменилась и рассказала ему, что обнаружила. Но я прекрасно знаю, что ждет подозреваемого, если я укажу на него пальцем.

Вервольфы поступают со своими преступниками так же. Я не возражаю против наказания убийц, но если я обвиняю, то, учитывая последствия, хочу быть абсолютно уверена. А тот, кого я собираюсь обвинить, мало подходит для убийцы стольких иных.

Зи вслед за мной поднялся по лестнице, выключив свет и закрыв за собой двери. Я больше не стала искать. В подвале, кроме запаха дядюшки Майка, витали только еще два. Либо селки не приглашал гостей в свою библиотеку, либо тщательно убрал за последним посетителем. Кровь оказалась красноречива.

Зи открыл входную дверь, и я вышла в ночь; уже взошла луна. Сколько времени я

просидела, глядя на невозможное море?

У порога шевельнулась тень и превратилась в дядюшку Майка. От него пахло солодом и горячими крылышками, и на нем был костюм трактирщика: просторные болотно-зеленые брюки и зеленая футболка с его именем на груди, написанным белыми буквами. Это не эгоцентризм: «Дядюшка Майк» — так называется его трактир.

— Она мокрая, — сказал он с ирландским акцентом, более сильным, чем немецкий акцент Зи.

— Морская вода, — ответил Зи. — С ней все в порядке.

Красивое лицо дядюшки Майка застыло.

— Морская вода?

— Мне казалось, ты сегодня вечером работаешь.

В голосе Зи, когда он менял тему, слышалось очевидное предостережение. Может, он не хотел говорить о столкновении с морским обитателем или защищал меня — или и то и другое.

— БДМН отправило патруль искать вас. Паутинка позвонила мне, потому что опасалась их вмешательства. Я выпроводил БДМН — они не имеют права указывать, сколько времени у нас может находиться гость, но, боюсь, ты привлекла к себе их внимание, Мерси. И они могут устроить тебе неприятности.

Ничего необычного в его словах не было, но в них слышалось что-то кромешное, и это кромешное имело отношение не к ночи, но к силе.

Дядюшка Майк посмотрел на Зи.

— Что-нибудь узнали?

Зи пожал плечами.

— Придется ждать, пока она снова не переменится. — Он посмотрел на меня. — Думаю, пора заканчивать. Ты видишь слишком много, Мерси, а это небезопасно.

Шерсть на затылке сказала мне, что кто-то наблюдает за нами из темноты. Я вдохнула ветер и поняла, что наблюдателей больше двух или даже трех. Я осмотрелась и зарычала, обнажив клыки.

Дядюшка Майк вопросительно приподнял бровь, потом тоже огляделся. Обхватил ладонью подбородок и сказал:

— Мы все *немедленно* возвращаемся домой.

Подождал немного и что-то резко добавил на гаэльской, Я услышала, как удаляется стук копыт по тротуару.

— Теперь мы одни, — сказал дядюшка Майк. — Можешь перемениться.

Я посмотрела сначала на него, потом на Зи. Убедившись в наличии его внимания, побежала к грузовичку.

Присутствие дядюшки Майка поднимает ставки. Я могла поговорить с Зи и все же дожидаться новых доказательств, но дядюшку Майка я знаю не настолько хорошо.

Я напряженно размышляла, но к тому времени, как добралась до машины, совершенно уверилась — насколько можно быть уверенным, не видя, — что капли крови в доме принадлежат убийце. Я подозревала его с того мгновения, как нашла кровь. Его запах был во всех остальных домах, даже в том, который тщательно вычищен, — как будто во всех домах он что-то старательно искал.

Зи пошел за мной к грузовичку. Открыл дверцу, закрыл за мной и присоединился к дядюшке Майку на пороге. Я переоделась и тепло оделась. Ночь теплая, но от мокрых

волос по влажной коже идет холод. Без кроссовок, босиком, я выпрыгнула из машины.

Двое на пороге терпеливо ждали, напомнив мне кошку, которая может часами неподвижно сидеть у мышиной норки.

— Могло ли БДМН по какой-нибудь причине отправлять своих людей на места преступления? — спросила я.

— БДМН может вести поиски где угодно, — ответил Зи. — Но сюда его не приглашали.

— Ты хочешь сказать, что какой-то головорез побывал во всех домах? — спросил дядюшка Майк. — Кто, и как ты о нем узнала?

У Зи неожиданно сузились глаза.

— Есть только один агент БДМН, которого она знает. Это О'Доннелл, он дежурил у ворот, когда мы въезжали.

Я кивнула.

— Его запах в каждом доме, и его кровь на полу библиотеки в этом. — Я кивком указала на дом. — В библиотеке был только его запах, кроме запаха селки и вашего, дядюшка Майк.

Он улыбнулся мне.

— Это был не я. — С той же чарующей улыбкой он посмотрел на Зи. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Мерси, возьми мой грузовичок. Оставишь у дома своего друга, а я завтра утром его заберу.

Я сделала шаг с порога, потом обернулась.

— Тот, кого я здесь встретила...

И показала на дом селки.

Зи вздохнул.

— Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты рисковала жизнью. Твой долг не так велик.

— У нее неприятности? — спросил дядюшка Майк.

— Привести ходячую в резервацию, возможно, не такая уж удачная мысль, как тебе казалось, — сухо ответил Зи. — Но, думаю, проблема решена — если мы перестанем об этом болтать.

Лицо дядюшки Майка стало непроницаемым; за таким выражением он скрывает свои мысли.

Зи посмотрел на меня.

— Больше никаких вопросов, Мерси. На этот раз тебе придется остаться в неведении.

Ага, как же! Но Зи все равно ничего больше мне не скажет.

Я пошла к машине, и Зи очень тихо кашлянул. Я оглянулась, но он только смотрел на меня. Точно так, как когда учил меня ремонтировать машину, а я что-то делала неверно. Что-то я сделала неверно...

Я посмотрела в глаза дядюшке Майку.

— Мой долг за убийство второго вампира с помощью ваших орудий теперь выплачен. Полностью и окончательно.

Он медленно улыбнулся, и я почувствовала благодарность к Зи за то, что он мне напомнил.

— Разумеется.

Если верить моим часам, я провела в резервации шесть часов, конечно, если не прошли целые сутки. Или сто лет. Ладно, оставим в стороне Вашингтона Ирвинга^[15], проводи я там целый день или даже больше, Зи и дядюшка Майк сказали бы мне об этом. Но, должно быть, я глядела на океан гораздо дольше, чем мне казалось, подумала я.

В любом случае уже очень поздно. Когда я подъехала к дому Кайла, огни в нем не горели, поэтому я решила не стучать. На подъездной дороге Кайла было, свободное место, но грузовичок у Зи старый, и я побоялась оставить темные пятна на безупречно чистом бетоне (поэтому, кстати, и своего «кролика» оставила на асфальте). Поэтому я припарковала грузовичок на улице за своей машиной. Должно быть, я устала: только выйдя из грузовичка, я сообразила, что машина Зи не может наследить.

Извиняясь, я мягко потрепала грузовичок по капоту, и тут кто-то положил руку мне на плечо.

Я перехватила эту руку и зажала ее в прочном замке. Используя ее как рычаг, я на несколько градусов развернула этого кого-то наружу и зажала вторую руку локтем. Еще легкий поворот — и его плечо тоже в моей власти. Он готов оказаться разорванным на куски.

— Черт побери, Мерси, довольно!

Или готов принять извинения.

Я выпустила Уоррена и глубоко вдохнула.

— В следующий раз скажи что-нибудь.

На самом деле мне следовало бы извиниться. Но я не собиралась. Сам виноват, нечего подкрадываться.

Уоррен печально потер плечо и сказал:

— Обязательно.

Я бросила на него сердитый взгляд. На самом деле я не причинила ему ущерба — даже если бы он был человеком, ему ничего бы не сделалось.

Он перестал притворяться и улыбнулся.

— Ладно, ладно. Я услышал, как ты подъехала, и вышел проверить, все ли в порядке.

— И не мог удержаться, чтобы не подкрасться ко мне.

Он покачал головой.

— Я не подкрадывался. Тебе нужно быть внимательней. Так что случилось?

— На этот раз никаких одержимых демонами вампиров, — ответила я. — Только небольшое расследование.

И путешествие на берег океана.

На втором этаже открылось окно, и Кайл высунулся, чтобы посмотреть на нас.

— Если вы там кончили играть в ковбоев и индейцев, здесь кое-кто хотел бы поспать.

— Ты слышал его, Кемо Сейб^[16]. Я иду в свой маленький вигвам и вздремну.

— Почему ты всегда играешь за индейца? — с кислой миной спросил Уоррен.

— Потому что она индианка, белый парень.

Он пошире раскрыл окно и сел на подоконник. Одежды на нем было не больше, чем на героях его любимых фильмов, но в его случае это выглядело привлекательнее.

Уоррен фыркнул и взъерошил мне волосы.

— Она полукровка, а я знавал настоящих индианок.

Кайл злорадно улыбнулся и голосом Мэй Уэст^[17] спросил:

— Скольких же индианок ты познал, парнище?

— Прекратите немедленно. — Я сделала вид, что затыкаю уши. — Ла-ла-ла.

Подождите, пока я запрыгну на своего верного «кролика» и уеду на восход.

Я встала на цыпочки и поцеловала Уоррена куда-то около подбородка.

— Уже очень поздно, — сказал Уоррен. — Ты по-прежнему хочешь встретиться с нами завтра на «Перекасти-поле»?

«Перекасти-поле» — ежегодный фестиваль народной музыки в выходные на День труда. Тройной город лежит достаточно близко к побережью, чтобы к нам собирались сливки музыкальной сцены из Сиэтла и Портленда: исполнители блюзов, джаза, кельтских песен и всего прочего промежуточного. Дешевое и хорошее развлечение.

— Ни за что не пропущу. Сэмюэлю не удалось отвертеться от выступления, и я должна его поддержать.

— Значит, в десять утра у Речной сцены, — сказал Уоррен.

— Буду обязательно.

Глава третья

«Перекасти-поле» проводится в парке «Хайуорд Эймон», прямо на берегу реки Колумбия, в Ричленде. Площадки разбросаны одна от другой как можно дальше, чтобы исполнители не мешали друг другу. Речная сцена, на которой должен был выступить Сэмюэль, — самая дальняя от парковки. Обычно меня это не беспокоит, но сегодня утренняя тренировка, карате, прошла неудачно. Ворча про себя, я хромала по траве.

Парк был еще пуст, если не считать музыкантов, которые тащили инструменты по полям к сценам, где им предстояло выступить. Ну ладно, парк не так уж велик, но когда у тебя болят ноги... или когда тащишь огромный контрабас...

Разминувшись, мы с контрабасистом обменялись усталыми кивками взаимного сочувствия.

Когда я наконец была на месте, Уоррен и Кайл уже сидели на траве перед сценой, а Сэмюэль раскладывал инструменты по местам.

— Что-нибудь случилось? — спросил Кайл, когда я садилась с ним рядом. — Вчера вечером ты не хромала.

Я поерзала по мокрой от росы траве, усаживаясь поудобнее.

— Ничего особенного. Утром на карате кто-то удачно зажал мне ногу. Немного погода пройдет. Вижу, продавцы значков тебя уже нашли.

Номинально вход на «Перекасти-поле» свободный, но если хочешь поддержать фестиваль, нужно купить значок за два доллара. А продавцы этих значков очень назойливы.

— Мы и для тебя купили.

Уоррен взял у Кайла значок и отдал мне. Я прикрепила его на обувь, где он не будет слишком бросаться в глаза.

— Спорю, еще до ланча ко мне подойдет четыре продавца значков, — сказала я Кайлу. Он рассмеялся.

— Думаешь, я новичок? Четыре до ланча — совсем немного.

Перед сценой Сэмюэля собралось больше народу, чем я ожидала, тем более что он выступал одним из первых.

В большой группе в центре я узнала несколько человек из больницы, где работает Сэмюэль. Они сидели на раскладных стульях и болтали так оживленно, что я была уверена: все они коллеги-медики.

Потом, здесь были вервольфы.

В отличие от больничных работников они не сидели кучкой, а рассыпались по всей лужайке и ее краям. Все вервольфы Тройного города, за исключением Альфы — Адама, до сих пор делали вид, что они обычные люди, и потому избегали показываться на публике вместе. Все они уже слышали, как поет Сэмюэль, но, вероятно, не на настоящей сцене, потому что так он выступает очень редко.

С Колумбии подул холодный ветер, тройным прыжком преодолел узкую пешеходную тропу — не зря сцена называется Речной. Утро теплое, как почти всегда в Тройном городе в начале осени, поэтому прохлада ветра скорее обрадовала.

Один из волонтеров оргкомитета фестиваля, украшенный множеством значков этого года и прошлых лет, вышел на сцену с приветственной речью и поблагодарил нас за то, что мы пришли. Несколько минут он говорил о спонсорах и лотереях, а аудитория беспокойно

переговаривалась, и наконец представил Сэмюэля как поющего врача — жителя Тройного города.

Мы захлопали и засвистели, а волонтер прыгнул со сцены и направился к инструментам, откуда легко следить за поведением зрителей. Кто-то уселся за мной, но я не оглянулась, потому что Сэмюэль прошел в центр сцены, небрежно держа в одной руке скрипку.

На нем была темно-синяя рубашка, в тон глазам; впрочем, из-за нее глаза из серых стали голубыми. Рубашку он заправил в новые черные джинсы, достаточно тесные, чтобы выразительно подчеркнуть мышцы ног.

Я видела его сегодня утром, когда он пил кофе, а я выбегала из дома. И он никак не должен так на меня действовать.

Большинство вервольфов привлекательно: объясняется это их вечной молодостью и мускулистостью. Но в Сэмюэле было нечто большее. И не только то, что он самый доминантный из всех волков.

Сэмюэль внушает доверие, — что-то в его глубоко посаженных глазах и в углах рта намекает на добродушие. Отчасти именно это делает его таким хорошим врачом. Когда он говорит пациенту, что станет лучше, пациент верит.

Он на мгновение встретился со мной взглядом и улыбнулся.

От этой улыбки мне стало тепло; я вспомнила время, когда Сэмюэль был для меня всем, время, когда я верила в рыцаря в сверкающих доспехах, который защитит меня и сделает счастливой.

Сэмюэль, конечно, тоже это помнил; он улыбнулся еще шире — и посмотрел куда-то за меня. Глаза его стали холодными, но улыбку он сохранил, обратив ее ко всем собравшимся. И тогда я с уверенностью поняла, что тот, кто сел за мной, — Адам.

Впрочем, я и не сомневалась в этом. Ветер дул с противоположной стороны и не давал возможности уловить запах, но доминантные волки излучают силу, а Адам не просто Альфа, он из числа самых доминантных вожаков стай. Все равно что за тобой стоит автомобильный аккумулятор, и ты подсоединена к нему проводами.

Я продолжала смотреть вперед, зная, что пока мое внимание устремлено на него, Сэмюэль не расстроится. Мне бы хотелось, чтобы Адам сел где-нибудь в другом месте. Но если бы он так поступил, он не был бы Альфой — самым доминантным волком в стае. Почти таким же доминантным, как Сэмюэль.

Причины, по которым Сэмюэль не был Альфой стаи, различны и сложны. Во-первых, Адам — Альфа столько, сколько существует стая в Тройном городе (то есть стал им задолго до моего рождения). И даже если волк более доминантен, сместить Альфу не так-то легко: в Северной Америке на это требуется согласие Маррока — волка, который правит всеми. Поскольку Сэмюэль — сын Маррока, он, вероятно, мог получить разрешение, но Сэмюэль не хотел становиться Альфой. Он говорил, что, оставаясь врачом, получает больше возможностей заботиться о людях. Поэтому официально он одинокий волк — волк, которого не защищает стая. Он живет в моем трейлере, в сотне ярдов от дома Адама. Не знаю, почему он решил здесь жить, но знаю, почему я его впустила: иначе он спал бы у меня на пороге.

Сэмюэль умел заставить других плясать под его дудку.

Проверяя норов скрипки, Сэмюэль водил смычком по струнам с точностью, выработанной за годы практики. А может, и за столетия... Я знакома с ним всю свою жизнь, но о «столетиях» узнала меньше года назад.

Он не ведет себя как старый вервольф. Старые верволфы постоянно насторожены, вспыльчивы, легко приходят в ярость и всегда, особенно в последние сто лет стремительных перемен, охотнее станут отшельниками, чем врачами в приемном покое, набитом самым современным оборудованием. Сэмюэль — один из немногих знакомых мне вервольфов, который искренне любил людей — и обычных, и оборотней. Он любил многих из них.

Но, конечно, он пришел на фестиваль петь и играть не поэтому. Потребовался некоторый шантаж.

Не мой. Не в этот раз.

Напряженная работа в приемном отделении — ведь он вервольф, и его реакция на кровь и смерть может быть непредсказуемой, — заставила его принести в больницу гитару и играть, когда представлялась возможность.

Одна из сестер услышала игру Сэмюэля и записала его в участники фестиваля прежде, чем он сумел отказаться. Впрочем, он не очень отказывался. Пошумел, конечно, но я знаю Сэмюэля. Если бы он действительно не хотел, его сюда бульдозером не притащили бы.

Он настраивал скрипку, одной рукой держа ее под подбородком, другой трогая струны. Несколько тактов, и толпа в ожидании затихла. Но я-то знала: Сэмюэль еще разогревается. Когда он начнет играть по-настоящему, все это почувствуют: он оживает перед публикой.

Иногда слушать исполнение Сэмюэля — все равно, что смотреть спектакль, когда актер обращается непосредственно к зрителям. Все зависит от того, как он в данный момент настроен.

И вот настал тот волшебный миг, когда Сэмюэль завладел слушателями. Старая скрипка издала дрожащий звук, похожий на ночной крик совы, и я поняла, что Сэмюэль решил сегодня быть музыкантом. Шепот стих, все взгляды устремились к человеку на сцене. Столетия практики и то, что он вервольф, могли объяснить быстроту и мастерство, но музыка исходила из души валлийца. Сэмюэль улыбнулся залу, и скорбный звук превратился в песню.

Получая диплом историка, я утратила всякое романтическое представление о Красавчике принце Чарли^[18], чья попытка получить английский трон поставила Шотландию на колени. Когда Сэмюэль пел «По морю на Скай», у меня на глаза всегда наворачивались слезы. У этой песни есть слова, и Сэмюэль поет их, но сейчас он предоставил слово скрипке.

Негромко сыграв последние ноты, он тут же начал петь «Барбару Ален», столь же широко известную среди исполнителей народной музыки, как «Лестница в небо» — среди гитаристов^[19]. После вступительных тактов он пропел первый куплет а капелла. А когда перешел к припеву, подключил причудливую мелодию скрипки. Второй куплет публика, подогреваемая улыбкой певца, пропела хором. Пение было неуверенным, пока не присоединилась проходившая мимо по дороге профессиональная фольклорная группа.

В начале последнего куплета Сэмюэль кивнул певцам и замолчал, предоставив им закончить исполнение мелодией, которая была их визитной карточкой. Когда песня кончилась, мы все зааплодировали, а Сэмюэль поблагодарил «исполнителей, своих гостей». Народу собиралось все больше, и мы начали садиться ближе друг к другу.

Сэмюэль положил скрипку и взял гитару, чтобы сыграть мелодию Саймона и Гарфункеля^[20]. Даже дурацкий катер, с ревом проплывший по реке в ста ярдах от сцены, не мог отвлечь внимание от его игры. Сэмюэль спел пиратскую песню, отставил гитару, взял бодран — широкий плоский барабан, на котором играют двумя концами палочки, — и затянул матросскую песню.

Я заметила своих соседей Катерсов — пожилая пара сидела на раскладных стульях с краю толпы.

— Надеюсь, дождя не будет. Мы ни за что не пропустим воскресное выступление Сэмюэля, — сказала мне вчера утром миссис Катере, поливая цветы, — Он такой приятный мужчина.

«Конечно, — подумала я, уткнув подбородок в колени и слушая музыку, — ведь ей не приходится с ним жить». Конечно, Сэмюэль — «приятный мужчина», но к тому же он упрям, агрессивен и стремится все контролировать. Впрочем, я не менее упряма и агрессивна.

Кто-то вежливо прошептал «прошу прощения» и сел на траву прямо передо мной. Я сочла такое соседство с незнакомым человеком слишком близким, поэтому передвинулась на несколько дюймов — и уперлась спиной в ноги Адама.

— Я рад, что ты уговорила его выступить, — прошептал вервольф-Альфа. — Выступая перед толпой, он в своей тарелке, верно?

— Это не я его уговорила, — ответила я. — Это сестра, с которой он работает.

— Я однажды слышал, как пел Маррок и с ним оба сына: Чарльз и Сэмюэль, — сказал Уоррен так тихо, что вряд ли кто-то, кроме меня, услышал. — Это было...

Он отвернулся от сцены, поймал поверх головы Кайла взгляд Адама и пожал плечами, не в силах подобрать слова.

— Я слышал их, — сказал Адам. — Такое не забудешь.

Пока мы разговаривали, Сэмюэль взял свою старую валлийскую арфу. Сыграл несколько тактов, давая технику время подбежать и настроить звуковую систему на негромкие тона нового инструмента. Окинул взглядом толпу и остановился на мне. Если бы я могла отодвинуться от Адама, не сев при этом на незнакомое соседа, я бы это сделала. Адам тоже встретил взгляд Сэмюэля и жестом собственника положил руку мне на плечо.

— Перестань! — рявкнула я.

Кайл заметил, что происходит, и тоже положил руку мне на плечо, при этом сбросив руку Адама. Адам негромко зарычал, но отодвинулся на несколько дюймов. Кайл ему нравился, но, что еще важнее, Кайл гей и человек, и Адам не хотел угрожать ему.

Сэмюэль перевел дух и сдержанно улыбнулся, представляя свой последний номер. Я расслабилась рядом с Кайлом, слушая, как арфа и арфист оживили старинную валлийскую песню. Валлийский — родной для Сэмюэля. Когда он расстроен, у него появляется валлийский акцент. Этот язык создан для музыки — мягкий, напевный, волшебный.

Ветер чуть усилился, зашуршал листвой, аккомпанируя Сэмюэлю. Когда Сэмюэль закончил, несколько мгновений слышался лишь шелест листвы. И тут, разрушая очарование, вернулся нелепый катер. Слушатели начали вставать и аплодировать.

Почти всю последнюю песню у меня в кармане вибрировал телефон, поэтому, пока Сэмюэль убирал инструменты, освобождая сцену для следующего исполнителя, я отошла в сторону.

Найдя относительно тихое место, я достала телефон и обнаружила, что пропустила пять звонков — все с незнакомое мне номера. Тем не менее, я его набрала. У того, кто звонит пять раз подряд, должно быть, горит.

Ответили на первый же сигнал.

— Мерси, у нас неприятности.

— Дядюшка Майк? — Голос его, да и кто еще говорит с таким сильным ирландским

акцентом? Но такого тона я никогда у него не слышала.

— Полиция людей арестовала Зи, — сказал он.

— *Что?*

Но я знала. Я знала, что будет с тем, кто убивает иных. При необходимости древние существа обращаются к своим древним законам. И знала, что, называя имя О'Доннелла, подписываю ему смертный приговор, но была уверена, что все обставят так, чтобы никого нельзя было обвинить. Как несчастный случай или самоубийство.

Я не ожидала, что иные проделают это так неловко и привлекут внимание полиции.

Телефон зажужжал, сообщая, что мне звонит еще кто-то, но я не обратила на это внимания. Зи убил человека и был схвачен.

— Как это произошло?

— Нас застали врасплох, — ответил дядюшка Майк. — Мы с Зи пошли поговорить с О'Доннеллом.

— Поговорить? — недоверчиво переспросила я.

Они пошли в его дом не для того, чтобы разговаривать.

Он коротко рассмеялся.

— Что бы ты о нас ни думала, сперва мы были намерены поговорить. Ты уехала, а мы направились к дому О'Доннелла. Позвонили, но никто не открыл, хотя в доме горел свет. После того как мы позвонили трижды, Зи открыл дверь и мы вошли. И обнаружили О'Доннелла в гостиной. Кто-то не просто убил его — ему оторвали голову. Я не видел такого с тех пор, как великаны исчезли с лица земли, Мерседес.

— Вы его не убивали.

Я снова могла дышать. Если Зи не убивал О'Доннелла, у него еще есть шанс.

— Не убивали. Пока мы стояли, ошеломленные, приехала полиция со своими мигалками и завываниями банши.

Он замолчал. Я услышала какой-то звук и узнала его по своим упражнениям в карате. Дядюшка Майк ударил по чему-то деревянному и сломал его.

— Он велел мне исчезнуть. Его способности не позволяли ему исчезнуть, уйти от полиции. Поэтому я смотрел, как его посадили в машину и увезли.

Наступила пауза.

— Я мог их остановить, — наконец сказал дядюшка Майк хрипло. — Мог остановить их всех. Но я позволил людям увести Зибольда Адельбертскригера (это немецкий вариант фамилии Адельбертсмайтер, которой пользовался Зи), Темного Кузнеца, в *тюрьму*.

Гнев не мог совершенно скрыть страх в его голосе.

— Нет, нет, — сказала я. — Убийство офицера полиции — всегда плохо.

Едва ли он меня слышал; он продолжал говорить:

— Я его послушался, и теперь, с какой стороны ни посмотрю, моя помощь может только осложнить его положение. Сейчас малый народ переживает не лучшие времена, Мерси. Если мы начнем защищать Зи, начнется кровавая баня.

Он прав. Тройной город еще кровоточит после волны насилия и смертей, прокатившейся месяц назад. С уходом измучившей всех жары количество насильственных преступлений сократилось. Прохладная погода тоже способствовала рассеиванию повисшего в воздухе гнева. Еще больше этому способствовало изгнание в иной мир демона, когда был убит принявший его вампир; впрочем, об этом публика уже не должна была знать. Люди знали только о существовании некоторого количества вервольфов и были знакомы с мягкой

стороной облика малого народа. И для всех, особенно для самих людей, безопаснее, чтобы население ничего не знало о таких тварях, как вампиры или демоны.

Однако существовало упрямое меньшинство, которое утверждало, что только жарой подъем насилия не объяснить. В конце концов, жара приходит ежегодно, но стольких убийств и такого насилия никогда не бывало. И кое-кто начал косо поглядывать на малый народ. Только на прошлой неделе у здания Ричлендского суда прошла демонстрация.

То, что вервольфы перестали таиться только в этом году, конечно, нисколько не помогало. Все прошло настолько гладко, насколько можно было надеяться, но не без проблем. Движение против малого народа, которое притихло после того, как иные добровольно переселились в резервации, снова набирало силу во всем округе. И группы противников малого народа готовы были расширить свою цель, включив в нее вервольфов и других «безбожных тварей».

В прошлом месяце в Оклахоме сожгли ведьму. Ирония в том, что сожженная женщина оказалась не ведьмой, не практикующей колдуньей и даже не принадлежала к викканцам^[21]; это все разные вещи, хотя не исключают друг друга.

К тому же та женщина оказалась доброй католичкой, которая просто любила татуировки, пирсинг и одевалась в черное.

В Тройном городе, где раньше не было активных политических движений или организованных групп ненавистников чего-либо, ожесточение против малого народа и вервольфов становилось все заметнее.

Конечно, это не означало расписанные стены, выбитые окна или мятежи. В конце концов, это ведь Тройной город, а не Юджин или Сиэтл. Но в Неделю искусств были организованы информационные киоски, и я видела по меньшей мере два агитационных материала, распространявшихся по почте. Группы ненавистников в Тройном городе ведут себя цивилизованно — пока.

Однако дело О'Доннелла может все изменить. Если его убийство действительно произошло так драматично, как описал дядюшка Майк, оно попадет на первые страницы всех газет страны. Я пыталась подавить приступ паники.

Я беспокоилась не из-за полиции — я была совершенно уверена, что Зи, если захочет, выйдет из любой тюрьмы. С помощью чар он может так изменить свою внешность, что даже я его не узнаю. Но этого недостаточно, чтобы спасти его. Я не уверена, что его спасет даже невиновность.

— У тебя есть адвокат?

У местной стаи вервольфов официального адвоката нет, хотя я уверена, что одному из них Адам платит за счет своего охранного агентства. Но вервольфов гораздо меньше, чем иных.

— Нет. У Серых Повелителей есть несколько юридических контор на Восточном побережье, однако считалось, что здесь, в резервации, в этом нет необходимости. Мы малозаметны. — Он помолчал. — Иные, которых подозревают в преступлениях, обычно не доживают до того, чтобы воспользоваться услугами адвоката.

— Знаю, — ответила я, пытаясь проглотить комок в горле.

Серые Повелители, как и Маррок, одержимы сохранением своего вида. Бран, Маррок скрупулезно честен, хотя бывает жесток. А вот методы Серых Повелителей скорее тяготеют к целесообразности, чем к справедливости. Учитывая распространенность предубеждений, они предпочтут как можно быстрее замять дело.

— Насколько велика опасность для Зи? — спросила я.

Дядюшка Майк вздохнул.

— Не знаю. Это преступление может получить широкую огласку. Сейчас я не вижу, как его смерть могла бы принести малому народу больше пользы, чем если бы ему сохранили жизнь, — особенно учитывая его невиновность. Я позвонил им и сообщил, что он не виноват. — *Им* — то есть Серым Повелителям. — Если удастся доказать его невиновность... Не знаю, Мерси. Все зависит от того, кто на самом деле убил О'Доннелла. Не человек... это мог сделать тролль... или вервольф. Мог бы и вампир, но О'Доннелла убили не на пищу. Кто-то был очень-очень зол на него. Если это кто-то из малого народа, Серым Повелителям все равно, кто это. Они захотят только, чтобы дело закрыли — быстро и навсегда.

Быстро, потому что суд может привлечь внимание к преступлению. Быстро — например, по причине самоубийства с признанием вины.

Мой телефон вежливо загудел, сообщая о новом вызове.

— Полагаю, вы считаете, что я могу помочь? — спросила я.

Иначе он никогда не позвонил бы.

— Мы ему помочь не можем. Ему нужен хороший адвокат и еще тот, кто сможет отыскать убийцу О'Доннелла. Тот, кто способен поговорить с полицией и доказать, что Зи не убивал этого подонка. Кто-то, кому полиция поверит. У тебя в полиции Кенневика есть друзья.

— О'Доннелл погиб в Кенневике?

— Да.

— Я найду адвоката, — сказала я дядюшке Майку. Кайл специализируется на разводах, но знает хороших адвокатов по уголовным делам. — Может, полиция не вынесет в пресс-релизы самые страшные подробности. Она тоже не заинтересована в том, чтобы на нее обрушилось внимание прессы всего мира. Даже если придется сказать, что О'Доннелл был обезглавлен, это не самое плохое. Может, удастся выиграть у Серых Повелителей какое-то время, если пресса не будет слишком громко кричать. Я поговорю со знакомым полицейским, но не знаю, станет ли он меня слушать.

— Если понадобятся деньги, — сказал он, — дай мне знать. Думаю, у Зи денег немного, хотя о нем ничего определенного сказать нельзя. Но у меня они есть, и, если понадобится, я достану еще. Только все должно будет идти через тебя. Малый народ не может увязнуть в этом деле больше, чем сейчас. Так что отыщи адвоката, а мы заплатим сколько понадобится.

— Хорошо, — согласилась я.

Я завершила разговор, чувствуя, что внутри все сжимается. Телефон подсказал, что я не ответила на два вызова. Оба были с номера моего друга, полицейского Тони. Я села на корень дерева и позвонила ему.

— Монтенегро слушает, — сказал Тони.

— Я знаю о Зи, — сказала я. — Он никого не убивал.

Он помолчал.

— Ты так считаешь, или тебе известно что-нибудь конкретное?

— Зи вполне способен на убийство, — сказала я. — Однако у меня есть очень хороший свидетель, который утверждает, что Зи не убивал.

— Кто этот свидетель... и не назвал ли он случайно имя убийцы?

Я ущипнула себя за кончик носа.

— Не имею права сказать... а убийцу свидетель не знает, знает только, что Зи не

убивал.

— Можешь сообщить что-нибудь более существенное? Зи застали над телом жертвы, у него на руках была кровь, еще теплая. Мистер Адельбертсмайтер принадлежит к малому народу и уже семь лет как зарегистрирован в БДМН. Это сделал не человек, Мерси. Не могу разглашать подробности, но человек этого сделать не мог.

Я откашлялась.

— Полагаю, ты можешь не помещать это в официальные отчеты? Пока не поймаешь истинного убийцу, лучше не настраивать людей против малого народа.

Тони умный человек, он сразу понял даже то, о чем я умолчала.

— Как ты прошлым летом говорила, что не надо искать в малом народе источник роста насилия?

— Именно так. — Ну, не совсем, и честность заставила внести поправку. — Впрочем, на этот раз полиции не грозит опасность. А вот Зи — грозит. А истинный убийца тем временем получит возможность продолжать.

— Одного твоего слова мне мало, — сказал Тони решительно. Наш эксперт-консультант уверена, что Зи и есть преступник, а ее мнение имеет очень большой вес.

— Ваш эксперт-консультант? — переспросила я. До сих пор именно я была ближе всего к положению консультанта по малому народу при полиции Тройного города.

— Доктор Стейси Альтман, фольклорист из Орегонского университета. Прилетела сегодня утром. Ей очень много платят, а значит, мои боссы считают необходимым прислушиваться к ее советам.

— Может, мне, когда я вас консультирую, запрашивать больше? — спросила я.

— В следующий раз я удвою твою плату, — пообещал он.

До сих пор я ничего не получала за свои советы, и меня это вполне устраивало. Мне хватало неприятностей и без того, чтобы местное сверхъестественное сообщество считало меня полицейским агентом.

— Послушай, — сказала я Тони. — Разговор у нас не для протокола.

Зи не запрещал мне говорить о смертях в резервации — потому что не считал, что до этого может прийти. Это я уже знаю.

Однако если говорить быстро, может, я успею выложить все раньше, чем задумаюсь над тем, как недовольны будут моей болтливостью иные.

— Среди малого народа было несколько жертв — и есть все основания полагать, что убийца — О'Доннелл. Поэтому Зи отправился в дом О'Доннелла. Если кто-то узнал об этом раньше Зи, он мог убить О'Доннелла.

Если это правда, это может спасти Зи (по крайней мере от местной полиции), но политические последствия могут быть ужасны. Я была ребенком, когда малый народ впервые заявил о себе во всеуслышание, но помню, как куклуксклановцы сожгли дом, в котором находились иные, и помню беспорядки на улицах Хьюстона и Балтимора, предшествовавшие переселению малого народа в резервации.

Но сейчас дело в Зи. До остальных других мне нет дела, лишь бы Зи был в безопасности.

— Я ничего не слышал о смертях в волшебной стране.

— Ты и не мог слышать, — сказала я. — Они не вынесли это за пределы своего круга.

— Тогда откуда знаешь ты?

Я говорила ему, что я не из малого народа и не вервольф, но кое-что повторяют так регулярно, что в это начинают верить. Согласно этой теории я и действую.

— Я тебе говорила, что я не из малого народа, — сказала я. — Это действительно так. Однако я кое-что знаю, а другие считают, что я могу им помочь.

Звучит не очень правдоподобно.

— Это вздор, Мерси.

— Когда-нибудь, — пообещала я, — я все тебе расскажу. Сейчас не могу. Думаю, я вообще ничего не должна была тебе говорить, но это уже неважно. Я считаю, что за последний месяц О'Доннелл убил... — я мысленно посчитала, — семь иных. — Зи не возил меня на места остальных убийств. — Ты имеешь дело не с правительственным агентом, убитым плохими парнями. Ты имеешь дело с плохим парнем, убитым... — Кем? Хорошими парнями? Другими плохими парнями? — ...кем-то.

— Кем-то таким сильным, что он смог оторвать ему голову, Мерси. Рывок был такой, что сломались обе ключицы. Наш высокооплачиваемый консультант считает, что это сделал Зи.

Да? Я взглянула на свой телефон.

— К какому виду малого народа относится Зи, по ее словам? Много ли она о нем знает?

Я подумала, что если бы Зи не рассказывал мне о своем прошлом и я сама не стала бы интересоваться, этот консультант мог бы узнать больше меня.

— Она говорит, гремлин... он сам, кстати, тоже. Во всяком случае, так записано в его регистрационных документах. С тех пор как мы его задержали, он не произнес ни слова.

Я с минуту думала, как лучше помочь Зи. И наконец решила, что, поскольку он невиновен, чем больше правды станет известно, тем лучше.

— Грош цена твоему консультанту, — сказала я Тони. — Либо она знает гораздо меньше, чем утверждает, либо у нее есть своя особая цель.

— С чего ты взяла?

— Гремлинов не существует, — продолжила я. — Это слово придумали английские пилоты во время мировой войны, чтобы объяснить странные отказы самолетов. Зи гремлин только потому, что сам так утверждает.

— Тогда кто же он?

— Металлаубер, то есть иной, способный работать с металлом. Это очень широкая и очень немногочисленная категория. После знакомства с ним я из чистого любопытства занялась изучение немецкого малого народа. Однако никого похожего на Зи не нашла. Я знаю, что он работает с металлом, потому что видела это. Не знаю, хватит ли у него сил оторвать голову, но твой консультант тоже не может этого знать. Особенно если называет его гремлином и считает это настоящим определением.

— Первая мировая война? — задумчиво переспросил Тони.

— Можешь сам посмотреть в Интернете, — заверила я. — Во Вторую мировую Дисней уже рисовал их в мультиках.

— Может, тогда он и родился. Может, отсюда и легенда. Могу представить себе немецких иных, портящих самолеты врага.

— Зи жил на свете задолго до Первой мировой.

— Откуда ты знаешь?

Хороший вопрос, и у меня нет на него ответа. Сам Зи никогда не говорил мне, сколько ему лет.

— Когда он сердится, — медленно заговорила я, — он бранится по-немецки. Не на современном немецком, который я в основном понимаю. Препод читал нам «Бео-вульфа» в

оригинале. Вот так говорит Зи.

— Мне казалось, «Беовульф» написан на староанглийском?

Здесь я была в своей стихии. Диплом историка может быть полезным.

— Английский и немецкий происходят из одного источника. Средневековые английский и немецкий отличаются гораздо меньше, чем современные языки.

Тони невесело усмехнулся.

— Черт побери, Мерси. У меня на руках жестокое убийство, и начальство хочет, чтобы я его раскрыл еще вчера. Особенно если есть подозреваемый, пойманный на месте преступления. А теперь ты говоришь, что подозреваемый не виноват, а наш высокооплачиваемый консультант либо лжет, либо ничего не знает. Этот О'Доннелл убийца — хотя малый народ вообще отрицает факты убийств. Но стоит мне только заикнуться об этом, и мне на шею сядут федералы, потому что преступления произошли в Волшебной стране. И все это без единой прямой улики.

— Да.

Он грязно выругался.

— Будь я проклят, я тебе верю. Но как мне доложить об этом боссу — особенно учитывая, что официально я этим делом не занимаюсь?

Мы оба долго молчали.

— Найди ему адвоката, — наконец сказал Тони. — Он молчит, и это разумно. Но ему нужен адвокат. Даже если ты уверена, что он невиновен, и особенно в том случае, если он действительно невиновен, ему нужен очень хороший адвокат.

— Хорошо, — согласилась я. — Мне вряд ли позволят взглянуть, — на самом деле принохаться, — на место преступления?

Вдруг я смогла бы отыскать то, что не может найти современная наука — например, того, кто был и в других местах убийства.

Он вздохнул.

— Найди адвоката и попроси его устроить это. Не думаю, что я мог бы тебе помочь. Даже если адвокат добудет разрешение, тебе придется ждать, пока наши специалисты не закончат там работать. Лучше найми частного сыщика, такого, который знает, как осматривать место преступления.

— Хорошо, — сказала я, — найду адвоката.

А вот нанимать частного сыщика-человека — либо напрасная трата денег, либо сметный приговор для него, если он узнает что-то такое, что Серые Повелители не хотят предать огласке. Но Тони это знать не обязательно.

— Тони, постарайся в поисках убийцы глядеть дальше своего носа. Зи не убивал.

Он вздохнул.

— Хорошо. Хорошо. Я не занимаюсь этим делом, но поговорю с теми, кто его ведет.

Мы попрощались, и я осмотрелась в поисках Кайла.

Кайл стоял в маленькой толпе недалеко от меня и достаточно далеко от сцены, чтобы разговор не мешал следующему исполнителю. В центре группы стоял Сэмюэль со своими инструментами.

Я сунула телефон в задний карман (эта привычка уже стоила мне двух телефонов) и попыталась придать лицу бесстрастное выражение. С вервольфами это не поможет: они все равно учуют мою тревогу, но по крайней мере незнакомцы не будут спрашивать, что со мной.

Какой-то молодой человек в дорогой рубашке что-то горячо говорил Сэмюэлю. Тот смотрел на него забавляясь, но это было ясно только тем, кто хорошо его знает.

— Я не слышал такой версии последней вашей песни, — говорил молодой человек. — Обычно используют другую мелодию. Хотелось бы знать, где вы ее слышали. Вы отлично справились — если не считать произношения одного слова в первом куплете. Вот так... — он произнес что-то, отдаленно напоминающее валлийский, — произнесли вы, а должно быть... — еще одно произносимое слово, звучащее очень похоже на первое. Хотя я и выросла в стае, где вожак валлиец, но в стае использовали только английский, и ни Маррок, ни его сын Сэмюэль не говорили по-валлийски достаточно часто, чтобы я могла научиться. — Я просто подумал: все остальное выполнено прекрасно, и вам стоит это знать.

Сэмюэль слегка поклонился и произнес пятнадцать-двадцать звучащих по-валлийски слов.

Человек в красивой рубашке нахмурился.

— Если вы справлялись насчет произношения там, неудивительно, что у вас проблема. Толкин основал свой эльфийский на валлийском и финском.

— Ты понимаешь, о чем он? — спросил Адам.

— Я про надпись на Кольце, понимаете? «И одно — Властелину на черном престоле...», ну, это все знают.

Несмотря на тревогу, я начала забавляться. Ярый любитель народных песен, кто бы мог подумать?

Сэмюэль улыбнулся.

— Очень хорошо. Я не очень владею эльфийским, но не мог противиться желанию немного поддразнить вас. Меня научил этой песне один старый валлиец. Кстати, меня зовут Сэмюэль Корник. А вас?

— Тим Миланович.

— Рад знакомству, Тим. Будешь выступать?

— Мы с другом преподаем. — Он застенчиво улыбнулся. — Можете послушать — кельтские народные песни. В два часа в воскресенье в Общественном центре. Вы отлично играете, но если хотите заняться музыкальным бизнесом, вам нужно лучше организовать песни, выбрать основную тему — например, кельтскую музыку. Приходите в мой класс, я дам вам несколько полезных мыслей.

Сэмюэль серьезно улыбнулся, хотя я знала: шансов на то, что он «организует» свою музыку, не больше, чем у сосульки в аду. Но он вежливо солгал:

— Постараюсь. Спасибо.

Тим Миланович пожал Сэмюэлю руку и ушел, оставив поблизости только вервольфов и Кайла.

Едва он отошел достаточно, чтобы не слышать нас, Сэмюэль уставился на меня.

— Что случилось, Мерси?

Глава четвертая

Кайл нашел мне адвоката. Он сказал, что эта женщина дорого берет, она очень вредная и раздражительная, зато лучший адвокат по уголовным делам в Сिएтле. Она не любит защищать иных, но Кайл заверил, что это никак не скажется на качестве ее работы, только на цене. Живет в Спокане, но согласилась, что время дорого, и к трем часам дня была в Кенневике.

Убедившись сначала, что Зи не разговаривает с полицейскими, она, прежде чем отправиться в полицейский участок, потребовала встречи со мной в офисе Кайла. Чтобы услышать мой рассказ, объяснила она Кайлу, до того как говорить с Зи и полицейскими.

Поскольку была суббота, большой штат Кайла и два других адвоката, работавших с ним вместе, отсутствовали и весь его роскошный офис был в нашем распоряжении.

Джин Райан оказалась женщиной за пятьдесят, сохранившей отличную фигуру благодаря напряженной работе; под ее легким льняным костюмом были заметны тугие мышцы. Такие светлые-светлые волосы могли возникнуть только в салоне красоты, зато удивительно мягкая голубизна глаз никак не была связана с контактными линзами.

Не знаю, что она подумала, увидев меня, хотя мои обломанные ногти и грязь, вьезшуюся в костяшки пальцев, заметила.

Чек, который я ей выписала, заставил меня с трудом сглотнуть и понадеяться, что дядюшка Майк сдержит слово и все оплатит, — а ведь это была только стоимость начальной консультации. Может, моя мама была права, и мне следовало стать адвокатом. Она всегда говорила, что для адвоката мое упрямство было бы достоинством.

В меньшей из комнат Кайла для совещаний мисс Райан спрятала мой чек в сумочку, потом сложила руки на столе.

— Расскажите, что случилось, — велела она.

Я начала, и Кайл сразу кашлянул. Я замолчала и посмотрела на него.

— Зи не поможет, если Джин будет знать только безопасную часть, — сказал Кайл. — Тебе придется рассказать ей все. Никто лучше адвоката по уголовным делам не способен почуять ложь.

— Все? — переспросила я, широко раскрыв глаза.

Он потрепал меня по плечу.

— Джин умеет хранить тайны. Если она не будет знать всего, ей придется защищать твоего друга словно бы с одной рукой, привязанной к спине.

Я сложила руки на груди и долго, пристально смотрела на мисс Райан. Ничто в ней не вызывало желания делиться тайнами. Никогда не видела женщину, меньше похожую на мать, — если бы не эти голубые глаза.

У нее было холодное и слегка недовольное лицо — то ли потому, что ей пришлось в субботу проехать сто пятьдесят миль, то ли потому что предстояло защищать иного, к тому же убийцу — или по обоим причинам, этого я не знаю. Я набрала полную грудь воздуха и выдохнула.

— Ну хорошо.

— Начните с того, почему мистер Адельбертсмайтер пригласил механика осмотреть место убийства, — сказала она, не запнувшись на фамилии Зи. Я подумала: может, она по дороге тренировалась его произносить? — И начните так: «Потому что я не просто механик,

а...»

Я посмотрела на нее, прищурясь: легкая неприязнь, вызванная наружностью, усилилась из-за этого покровительственного тона. Я выросла среди вервольфов и терпеть не могла покровительственный тон. Мне эта Райан не нравилась, я не хотела доверять ей защиту Зи — а ведь только необходимость защищать Зи может оправдать то, что я открою ей свои тайны.

Кайл все это прочел у меня на лице.

— Она стерва, Мерси. Именно поэтому так хороша. Она вытащит твоего друга, если только это возможно.

«Она» чуть приподняла изящную бровь.

— Спасибо за лестную оценку, Кайл.

Кайл улыбнулся ей легкой расслабленной улыбкой. Что бы я ни думала об этой женщине, Кайлу она нравится. Поскольку ее дружелюбием это не объяснишь, значит, она действительно мастер своего дела.

Я чувствовала бы себя лучше, будь у нее какое-нибудь домашнее животное. Собака или даже кошка наемкнули бы на внутреннее тепло, но от нее пахло только «Шанель номер 5» и чистящей жидкостью.

— Мерси, — произнес Кайл тоном, которым, должно быть, говорил со своими клиентками, — ты должна все ей рассказать.

Я никому не рассказываю, что я ходячая. Об этом знает моя семья, а из людей — только Кайл.

— Защита вашего друга может потребовать, чтобы на суде вы рассказали о себе все, — сказала мисс Райан. — Насколько вас волнует судьба мистера Адельбертсмайтера?

Она считала меня какой-то разновидностью малого народа.

— Отлично.

Я встала с преступно удобного кресла, подошла к окну и некоторое время смотрела на движение по Клирвотер-авеню. Я видела только один способ побыстрее с этим покончить.

— Я не просто механик, — сказала я, используя ее слова. — Я друг Зи.

Я резко повернулась к ней лицом и сняла через голову футболку, одновременно сбрасывая с ног теннисные туфли и носки.

— Вы хотите сказать, что вы еще и стриптизерша? — спросила она, когда я сняла бюстгальтер и бросила его на пол. Тон ее вопроса был такой, словно я не раздевалась, а просто делала физические упражнения.

Я потянула молнию джинсов и сбросила их вместе с бельем. Стоя нагишом, только в татуировках, я позвала к себе койота и приняла его облик. Все закончилось почти мгновенно.

— Вервольф?

Мисс Райан вскочила со стула и медленно пятилась к выходу.

Не может отличить волка от койота? Все равно что смотреть на «Гео Метро» и называть его «Хам-Ви»^[22].

Я почуяла ее страх, и то, что скрывалось под ее внешним хладнокровием, вызвало у меня глубокое удовлетворение. Я вздернула верхнюю губу, чтобы она хорошо разглядела зубы. В обличье койота я вешу всего тридцать фунтов, но я хищник и, если бы захотела, могла бы убить человека: однажды я убила вервольфа без всякого оружия, зубами.

Кайл встал и подошел к Райан раньше, чем она успела выскочить из кабинета. Он крепко взял ее за руку.

— Будь она вервольфом, — сказал он, — вы нажили бы неприятности. Никогда не бегите от хищника. Даже самые спокойные из них с трудом сдерживают стремление преследовать добычу.

Я села и зевнула, стряхивая остатки последствий перемены облика. И снова показала зубы, что, по-видимому, мисс Райан не понравилось. Кайл бросил на меня укоризненный взгляд, но продолжал успокаивать женщину-адвоката.

— Она не вервольф. Поверьте мне, вервольфы гораздо больше и страшней. Но она и не из малого народа. Она совсем другое дело — местное порождение, не из Европы, как вервольфы и малый народ. Она может только становиться койотом, а потом снова человеком.

Не только. Я могу убивать вампиров — когда они беспомощны днем.

Я сглотнула, стараясь увлажнить внезапно пересохший рот. Ненавижу этот непрошенный, переворачивающий внутренности страх, который внезапно нападает на меня. Каждый раз при виде легкой хромоты Уоррена я понимаю, что убила бы вампиров снова. Но плата за их уничтожение — эти приступы паники.

Спокойное объяснение Кайла дало мисс Райан время восстановить внешнюю невозмутимость. Кайл, вероятно, не понимал, насколько она сердита, но мое острое чутье ее холодный самоконтроль не обманул. Она по-прежнему боялась, но гнев был сильнее страха.

Страх обычно и меня заставляет сердиться. Сердиться и забывать об осторожности. И я усомнилась в том, что показать ей перемену было такой уж удачной мыслью.

Я вернулась в человеческий облик, не обращая внимания на желудок, урчащий от голода из-за двух быстрых перемен. Оделась, старательно завязав на теннисных туфлях шнурки, чтобы узелки были одинаковы, и села, давая мисс Райан время прийти в себя.

Когда я подняла голову, она сидела, но по другую сторону стола и рядом с Кайлом.

— Зи мой друг, — спокойно повторна я. — Он научил меня чинить машины и продал мне свою мастерскую, когда вынужден был признать, что он из малого народа.

Она хмурясь смотрела на меня.

— Вы старше, чем выглядите? Когда малый народ объявил о себе, вы, должно быть, были совсем ребенком.

— Они объявляли о себе не сразу, — ответила я. Ее вопрос подействовал мне на нервы. На кону жизнь Зи, не моя. Пока не моя. Я продолжала говорить, чтобы она не спросила, почему Зи перестал таиться. Я никому не могу сообщать только об одном: о существовании Серых Повелителей. — Зи перестал таиться несколько лет назад, семь или восемь. Он знал, что клиенты не пойдут в мастерскую иного. Я уже несколько лет работала с ним, я ему нравилась, и он продал мне мастерскую.

Я собралась с мыслями: нужно рассказать ей все необходимое, но при этом нельзя говорить бесконечно.

— Как я уже говорила, он позвонил мне вчера и попросил помочь, потому что кто-то убивает иных в резервации. Зи думал, что мое чутье поможет найти убийцу. Я поняла, что это у него последнее, самое крайнее средство. Когда мы подъехали к резервации, у ворот дежурил О'Доннелл. Когда мы проезжали, он записал мое имя, это должно быть в записях. Думаю, если полиция догадается туда заглянуть, она найдет мое имя. Зи показал мне все места убийств, и я обнаружила, что единственным человеком, побывавшим во всех домах, был О'Доннелл.

Она делала заметки, пользуясь стенографией, но остановилась, положила карандаш и

нахмурилась.

— О'Доннелл присутствовал на всех местах убийств, и вы утверждаете это, опираясь на обоняние?

Я подняла брови.

— У койотов очень острое обоняние, мисс Райан. Я прекрасно запоминаю запахи. Запах О'Доннелла я уловила, когда мы проезжали в резервацию, — и этот запах был во всех домах жертв, где я побывала.

Она смотрела на меня — но ведь она не вервольф, который может порвать мне горло за вызывающий взгляд, поэтому я не отвела глаз.

Первой опустила глаза она, будто бы сверяясь со своими заметками. Люди — обычные люди — очень плохо понимают язык тела. Может, она даже не заметила, что проиграла соревнование в доминировании, но ее подсознание об этом не забудет.

— Я поняла, что О'Доннелл состоял в штате БДМН охранником, — сказала она переворачивая несколько страниц. — Может, он приходил расследовать убийства?

— БДМН понятия не имеет об этих убийствах, — ответила я. — Малый народ сам решает свои дела. Если бы они обратились за помощью к федералам, я уверена, этим занялось бы ФБР, а не БДМН. А О'Доннелл был охранником, а не следователем. Мне сказали, что у О'Доннелла не было никаких причин оказаться в доме у каждой из жертв, и я этому верю.

Она снова начала делать заметки. Я раньше никогда не видела, как пользуются стенографией.

— Итак, вы сказали мистеру Адельбертсмайтеру, что О'Доннелл убийца.

— Я сказала, что О'Доннелл единственный человек, чей запах я обнаружила во всех домах.

— Сколько мест вы посетили?

— Четыре.

Я решила не говорить ей, что есть и другие. Не хотела объяснять, почему не обошла все места убийств. Если Зи и со мной не хотел обсуждать мое посещение Волшебной страны, тем более он не захотел бы, чтобы я говорила об этом с адвокатом.

Она снова помолчала.

— В резервации убили четверых, а иные не обратились за помощью?

Я улыбнулась уголками губ.

— Малый народ не любит привлекать к себе внимание. Это может быть опасно для всех. Иные понимают также, что думают о них обычные люди, в том числе федералы. «Хороший иной — мертвый иной» — вот самое распространенное мнение консервативно настроенных работников национальной гвардии, ФБР, БДМН и любого другого правительственного агентства.

— У вас неприятности с федеральным правительством? — спросила она.

— Насколько мне известно, ни у кого нет предубеждений против механика-полукровки, наполовину индианки, — ответила я, отвечая откровенностью на откровенность, — так почему у меня должны быть неприятности? Но я прекрасно понимаю, почему иные не стремятся обратиться к правительству с просьбой о расследовании убийства: в прошлом их отношения были далеко не безупречны. — Я пожала плечами. — Может, если бы иные быстро поняли, что убийца не из их числа, они поступили бы по-другому, не знаю.

Она снова просмотрела свои записи.

— Итак, вы сказали Зи, что О'Доннелл убийца?

Я кивнула.

— Потом взяла грузовичок Зи и поехала домой. Когда мы расстались — было раннее утро, примерно четыре часа. Как я поняла, он собирался пойти к О'Доннеллу и поговорить с ним.

Я пожала плечами, посмотрела на Кайла и попробовала решить, насколько можно доверять его суждениям. Только правду, гм? Я вздохнула.

— Так он сказал, но я совершенно уверена, что, если бы у О'Доннелла не нашлось хорошего объяснения, до утра он бы не дожился.

Ее карандаш со стуком упал на стол.

— Вы хотите сказать, что Зи отправился к О'Доннеллу, чтобы убить его?

Я перевела дыхание.

— Вам этого не понять. На самом деле люди совершенно не знают малый народ. Помещать иного в тюрьму... непрактично. Прежде всего, это невероятно трудно. Удержать в заключении обычного человека трудно. Удержать иного, если он не захочет остаться, почти невозможно. А пожизненное заключение вообще очень невыгодно, если вспомнить, что иные живут сотни лет. — Или даже гораздо больше, но публике об этом знать не обязательно. — Если его отпустить, он вряд ли успокоится, объявив, что справедливость восторжествовала. Малый народ мстителен. Если вы помещаете иного под арест — неважно, по какой причине, — вам лучше умереть до того, как он выйдет на свободу, или вы пожалеете, что не умерли. Человеческое правосудие просто не готово иметь дело с малым народом, поэтому он сам о себе заботится. Иного, совершившего серьезное преступление, например убийство, просто казнят на месте.

Вервольфы поступают так же.

Она ущипнула себя за переносицу, как будто у нее заболела голова.

— О'Доннелл не был иным. Он был человеком.

Я хотела объяснить ей, что люди, привыкшие к своему правосудию, не будут так стараться, если преступник человек, но решила, что это бесполезно.

— Остается фактом, что Зи не убивал О'Доннелла. Кто-то побывал в доме охранника дс Зи.

Ее бесстрастное лицо не говорило о том, что она мне верит, поэтому я спросила:

— Вы знаете историю Томаса Рифмача?

— Честного Томаса? Это сказка, — ответила она. — Прототип ирвинговского «Рипаван Винкля»^[23].

— Гм, — сказала я. — На самом деле я считаю, что это в основном подлинная история. Во всяком случае, Томас — реальная историческая личность, известный поэт тринадцатого века. Он утверждал, что королева фей семь лет продержала его у себя, потом позволила вернуться. То ли он попросил королеву дать ему знак, который мог бы показать родичам, чтобы они ему поверили, то ли просто украл у нее поцелуй. Какова бы ни была причина, свой дар Томас получил, но, как и большая часть даров малого народа, тот оказался скорее проклятием, чем благословением. Королева отняла у Рифмача способность лгать. Для дипломата, любовника или дельца это жестокий дар, но малый народ часто бывает жесток.

— Что вы хотите сказать?

Говорила она недовольно. Думаю, ей не нравится считать волшебные сказки правдивыми. Это распространенное отношение.

В малый народ люди могут поверить, но сказки есть сказки. В них верят только дети.

Сами иные всячески поддерживают такое отношение. Ведь в большинстве сказок малый народ не выглядит дружелюбным. Возьмите, например, сказку «Гензель и Гретель». Зи как-то сказал мне, что в резервации немало иных, которые, если бы им разрешили любимую диету, с удовольствием ели бы людей, особенно детей.

— Он был проклят тем, что стал как малый народ, — сказала я. — Большинство малого народа не может лгать, и Зи — не исключение. Они прекрасно умеют заставить вас поверить, что говорят одно, тогда как на самом деле говорят другое. Но лгать они не могут.

— Лгать могут все.

Я напряженно улыбнулась ей.

— Иные — нет. Не знаю почему. С правдой они могут проделывать черт знает что, а вот солгать ни-ни. Вот так. — Я вздохнула с несчастным видом. Все пыталась найти способ оградить от участия дядюшку Майка, но, к несчастью, это, по-видимому, невозможно. Мы с Зи после ареста не разговаривали; это известно. И мне обязательно нужно убедить ее, что Зи невиновен. — Я еще не разговаривала с Зи, так что не в курсе его истории...

— С ним никто не разговаривал, — сказала она. — Мой источник в отделении полиции заверил меня, что с самого ареста Зи ни с кем не разговаривает. Это разумно и позволило мне побеседовать с вами, прежде чем идти к нему.

— С Зи в доме О'Доннелла побывал еще один иной — именно он и рассказал мне, что Зи не убивал О'Доннелла. Они с Зи вошли вместе и обнаружили тело почти одновременно с полицией. Тот иной успел скрыться от полиции, а Зи нет.

— Значит, он мог скрыться?

Я пожала плечами.

— У всех иных есть чары, которые позволяют им менять внешность. Некоторые могут исчезнуть без следа. Спросите сами — хотя он, вероятно, не скажет. Думаю, Зи сделал так, чтобы полиция не искала его друга.

— Самопожертвование?

Тот, кто не вырос среди волков, как я, не ощутил бы ее презрение к моему рассказу. Очевидно, она считает, что малый народ не способен на самопожертвование.

— Зи один из немногих иных, которые переносят металл — его друг на это совершенно не способен. Заключение в тюрьму для большинства иных крайне болезненно.

Она постучала краем блокнота по столу.

— Итак, все сводится к тому, что вы утверждаете: иной, неспособный солгать, сказал вам, что Зи не убивал О'Доннелла. Присяжных это не убедит.

— Я надеялась убедить вас.

Райан приподняла брови.

— То, что я думаю, не имеет никакого значения, мисс Томпсон.

Не знаю, какое у меня сделалось лицо, но она рассмеялась.

— Адвокат защищает и виновного и невиновного, мисс Томпсон. Так работает наша юридическая система.

— Он невиновен.

Она пожала плечами.

— Или вы так говорите. Даже если друг Зи лгать не может, вы ведь сами не из малого народа? И во всяком случае никого нельзя назвать виновным, пока виновным его не назовет суд. Если это все, что вы хотите мне сказать, я пойду поговорю с мистером

Адельбертсмайтером.

— Можете добыть для меня разрешение побывать в доме О'Доннелла? — спросила я. — Может, я что-нибудь узнаю о подлинном убийце.

И я постучала пальцами по носу. Она задумалась, потом отрицательно покачала головой.

— Вы наняли меня защищать мистера Адельбертсмайтера, но у меня есть определенные обязательства и перед вами. В данный момент не в ваших интересах... и не в интересах мистера Адельбертсмайтера... показывать, что вы не обычный человек. Вы платите мне за работу, поэтому полиция обратит на вас внимание. Надеюсь, они ничего не обнаружат.

— Ничего интересного.

— Никто не знает, что вы можете... меняться?

— Те, кто знает, полиции не скажут.

Она взяла блокнот и снова его положила.

— Если вы читаете газеты или следите за новостями, то в курсе, что против вервольфов подано несколько судебных исков.

Судебные иски. Вероятно, можно сказать и так. Малый народ, приняв систему резерваций, тем самым открыл дорогу попыткам провести через Конгресс закон, лишаящий вервольфов гражданства и связанных с ним конституционных прав. Ирония в том, что законопроект предлагали как поправку к закону об исчезающих видах животных.

Мисс Райан резко кивнула.

— Если станет известно, что вы умеете обращаться койотом, суд может счесть ваши показания неприемлемыми, а это грозит вам серьезными юридическими последствиями. — Потому что они могут решить, что я не человек, а животное, подумала я. — Даже если ваши показания будут приняты, их сочтут неубедительными. Суд не оценит вашу надежность в такой же мере, в какой, по-видимому, ее оценивает Зи. Особенно если вам придется объявить себя представителем особого вида — такое признание в наше время чрезвычайно опасно.

Законопроект о вервольфах не пройдет — влияния Брана в конгрессе для этого хватит, — но ведь я не вервольф и не из малого народа, и на меня такая защита не будет распространяться.

Мисс Райан нахмурилась и беспокойно подвинула блокнот.

— Вы должны знать, что я состою в Обществе Джона Лорена.

Я взглянула на Кайла. Общество Джона Лорена — самое большое и влиятельное из тех, что настроены против малого народа. Хотя внешне это общество старается сохранить респектабельность, появились утверждения, что оно нанимает и наущает студентов колледжей, например, взорвать известный бар в Лос-Анджелесе, который посещали иные. К счастью, компетентность этих ребят уступала их убежденности, и они сумели причинить лишь незначительный ущерб и отправить несколько туристов в больницу с жалобами на отравление дымом. Полиция быстро обнаружила виновных и нашла квартиру с большим запасом взрывчатки. Ребят осудили, но доказательств против головной организации не нашли.

У меня был свой доступ к информации, которая недоступна властям, и я знала, что на счету у этого общества гораздо больше грязных дел, чем подозревает ФБР.

Кайл отыскал юриста, который не просто не любит малый народ, а стремится его уничтожить. Кайл погладил меня по руке.

— Джин не позволит своим личным убеждениям мешать работе. — Он улыбнулся. — И совсем неплохо, если твоего друга будет защищать представитель враждебного общества.

— Я берусь за дело не потому, что считаю его невиновным, — сказала мисс Райан.

Кайл повернулся к ней, и его улыбка стала похожа на оскал акулы. Он редко показывал кому-нибудь эту свою сторону.

— Можешь сказать это газетчикам, присяжным и судье — и все равно они будут думать, что он невиновен, иначе ты не взялась бы за это дело.

Она посмотрела на него с испугом, но не возразила.

Я попыталась представить себе, каково работать вопреки своим убеждениям, и решила, что предпочту орудовать гаечным ключом, во сколько бы раз больше ей ни платили.

— В таком случае, я буду держаться подальше от места преступления, — солгала я.

Я ведь не из малого народа. То, чего не знают полиция и мисс Райан, — не их забота. Койот хитрый зверь и красться умеет. И я не собиралась оставлять судьбу Зи целиком в руках этой женщины.

Я найду убийцу О'Доннелла и постараюсь найти доказательства его виновности. И при этом не должна пытаться объяснять двенадцати людям, что нашла это по запаху.

По дороге домой я купила в ресторане быстрого питания несколько гамбургеров с олениной и жареной картошки. Мой трейлер выглядел настолько элегантно, насколько может узкий дом на колесах производства семидесятых годов, рассчитанный на одиночку [\[24\]](#). Новая обшивка казалась безвкусной, поэтому я перекрасила ее в серый цвет. Сэмюэль предложил украсить дом горшками с цветами, но я не люблю мучить растения, и к тому же я плохой садовник.

«Мерседеса» Сэмюэля на обычном месте не было; должно быть, он еще на «Перекаати-поле». Он предлагал пойти со мной на встречу с адвокатом... Адам тоже. Мне удалось избавиться от них с помощью Кайла: вервольфы не считали его соперником.

Я открыла входную дверь, и от запаха жаркого в горшочке мой желудок одобрительно заурчал.

На кухонном столе рядом с глиняным горшочком лежала записка. Сэмюэль научился писать до того, как пишущие машинки и компьютеры вытеснили из начальной школы искусство каллиграфии. Его записки всегда напоминают официальные приглашения на свадьбу. Трудно поверить, что так может писать врач.

«Мерси, — говорилось в записке, написанной таким красивым почерком, что она казалась произведением искусства, — прости, что меня нет. Я обещал поработать на фестивале до конца ночного концерта. Поешь».

Я последовала его совету и взяла тарелку. Сэмюэль хорошо готовит, а до темноты еще несколько часов.

Адрес О'Доннелла нашелся в телефонном справочнике. Он жил в Кенневике неподалеку от Олимпии в доме среднего размера, с аккуратным двором перед крыльцом и белой изгородью высотой восемь футов, окружавшей задний двор. Один из шлакоблочных домов, обычных в этом районе. Недавно кто-то ошибочно предположил, что, если выкрасить дом синим и поставить на окна жалюзи, он будет меньше похож на «инкубаторский».

Я проехала мимо, заметив желтую ленту, которой полицейские обносят место преступления; миновала и темные дома по сторонам от него.

Какое-то время заняли поиски удобной парковки. В таком районе люди замечают незнакомую машину перед своим домом. Наконец я остановилась на церковной стоянке, сравнительно недалеко.

Достала ошейник с табличкой, где указан телефонный номер Адама и его адрес, как мой домашний. Стоило один раз попасть в приют для бездомных собак, чтобы я не забывала об этой предосторожности. Я не похожа на собаку, но в городе нет разгневанных фермеров, готовых выстрелить в меня раньше, чем увидят ошейник.

Найти место для перемены оказалось труднее. С приютом для собак я бы смирилась, но вот штраф за непристойное поведение платить не хотелось. Наконец я отыскала пустой дом с вывеской «Продается» на двери и забралась в сарай, где хранились садовые инструменты.

Оттуда оставалось только пробежать два квартала до дома О'Доннелла. К счастью, задний двор дома О'Доннелла был полностью закрыт от посторонних глаз. К счастью — потому что мне предстояло снова принять обличье человека и снять с ошейника прикрепленные к нему отмычки.

Лето кончилось совсем недавно, ночь была приятно теплая — неплохо, потому что пришлось нагишом открывать проклятый замок, а это заняло немало времени. Когда мне было четырнадцать, Сэмюэль научил меня вскрывать замки отмычками. Я редко это делала — всего несколько раз, когда забывала ключи в машине.

Открыв дверь, я снова спрятала отмычку в ошейник: липкая лента хорошо ее держала.

Сразу за дверью оказалась раковина и сушка для посуды, на сушке — грязное полотенце. Я взяла полотенце и протерла им дверь, дверную ручку и вообще все, на чем могли остаться мои отпечатки. Не знаю, есть ли возможность снимать отпечатки босых ступней, но я вытерла и пол, на который ступила, а потом бросила полотенце назад на сушку.

Оставив дверь прикрытой, но не запертой, я снова обернулась койотом, ежась под взглядами, которых здесь нет. Я знала, *знала*, что внутри никто меня не видит. Мягкий ветер донес бы до меня запах любого, кто здесь прятался бы. И все равно мне казалось, что кто-то наблюдает за мной, как будто дом знал обо мне. Бр-р.

Поджав хвост, я занялась делом, чтобы иметь возможность побыстрее уйти. Но в отличие от домов иных, в этом доме недавно побывало множество народу.

Полиция, решила я, криминалисты, но и до них здесь побывало немало людей. Я не думала, что у такого неотесанного глупца, как О'Доннелл, много друзей.

Я прошла через первую дверь, оказалась на кухне, и тут количество посетителей сразу сократилось. Три или четыре легких запаха. Здесь был О'Доннелл и еще человек с редкостно гадким одеколоном.

Дверцы шкафа распахнуты, ящики торчат косо. На стойке — груды посудных полотенец.

Может, Человек с Одеколоном — полицейский, обыскивавший кухню, если только О'Доннелл не относился к людям, которые небрежно сдвигают всю посуду на один край, а средства для мытья наваливают грудой, а не укладывают в специальное место под раковиной; сейчас этот шкафчик под раковиной открыт и пуст.

При слабом свете луны (вторая четверть) виден тонкий черный порошок, покрывающий стойку и шкаф; я узнала средство, которым пользуются полицейские для снятия отпечатков пальцев. ТВ неплохо обучает, да и Сэмюэль — любитель шоу и мыльных опер на криминальные темы.

Я посмотрела на пол, но там порошка не было. Может, когда я вытирала место, куда ступила босыми ногами, меня обуяла легкая паранойя?

Первая спальня, в коридоре напротив кухни, очевидно, принадлежала самому О'Доннеллу. Все, кто был в кухне (Человек с Одеколоном тоже), побывали и здесь.

И опять такое впечатление, будто кто-то тщательно осмотрел все уголки. Всюду беспорядок. Содержимое всех ящиков высыпали на кровать, перевернув сами ящики. Все карманы брюк вывернуты.

Пожалуй, полиция не могла оставить все в таком виде.

Я попятилась и перешла в следующую комнату. Тоже спальня, поменьше и без кровати. Три опрокинутых карточных столика. Окно разбито и заклеено полицейской лентой. В этой комнате побывал кто-то очень сердитый, и я готова биться об заклад, что это не полицейские.

По возможности избегая осколков стекла на полу, я внимательнее присмотрелась к оконной раме. Рама новая, виниловая и закрывается движением сверху вниз. Тот, кто что-то бросил в окно, почти целиком вырвал из стены и раму.

Но я ведь знаю, что убийца силен. В конце концов, он ведь оторвал человеку голову.

Я отошла от окна и принялась внимательно разглядывать комнату. Несмотря на беспорядок, смотреть особенно было не на что, кроме трех опрокинутых карточных столов и одиннадцати складных стульев... я взглянула на окно и подумала, что складной стул, если его бросить с большой силой, как раз может так его разбить.

Металлическое устройство, казавшееся странно знакомым, прежде чем упасть на землю, оставило вмятину в стене. Я потрогала его и поняла, что это старая машина для упаковки почты. Кто-то рассылал отсюда обширную корреспонденцию.

Я опустила нос и постаралась прислушаться к тому, что он мне говорит. Во-первых, в этой комнате бывало гораздо больше народу, чем на кухне и в первой спальне; скорее как у задней двери и в коридоре.

У большинства домов есть свой специфический запах — в основном применяемые там средства для мытья и запахи тех, кто там живет. Эта комната пахла иначе, чем остальные. Здесь бывало — я снова посмотрела на разбросанные стулья — человек десять-двенадцать, и они бывали здесь часто, так что оставили не только поверхностный случайный запах.

Это хорошо, подумала я. Принимая во внимание, как О'Доннелл обошелся со мной, всякий, кто знал об этом, мог бы его убить. Однако — я снова посмотрела на окно — среди этих посетителей был представитель малого народа или другое сверхъестественное существо. Я в этом уверена. Человек не может так вышибить окно — или оторвать О'Доннеллу голову.

На всякий случай я запомнила все эти запахи.

В этой комнате я сделала все, что могла. Остается еще одна, последняя. Гостиную я оставила напоследок по двум причинам. Во-первых, если кто-то может меня увидеть, то лишь через большое окно, выходящее на улицу перед домом. Во-вторых, даже человеческий нос говорил мне, что О'Доннелл был убит именно в гостиной, а меня уже начал утомлять вид крови.

Думаю, именно страх перед тем, что я могу обнаружить в гостиной, заставил меня вначале вновь заглянуть в спальню — на самом деле я не думала, будто что-то упустила.

Койот — по крайней мере этот койот — в холке высотой чуть меньше двух футов. Наверное, именно поэтому я не посмотрела на картинки на стенах. Я считала их обычными

постерами; размер и форма у них подходящие, и каждая в дешевой плексигласовой или черной пластиковой раме. К тому же в комнате темно, темнее, чем на кухне, потому что луна — с другой стороны дома. Но теперь, от двери, я внимательно рассмотрела эти картинки.

Действительно, постеры — и весьма любопытные для охранника, работающего в БДМН.

На первом девочка в пышном воскресном пасхальном платье сидит на мраморной скамье в саду. Волосы у нее светлые и кудрявые. Девочка смотрит на цветок в своей руке. Лицо у нее круглое, нос курносый, губы алые. Поверх постера крупными буквами надпись: ЗАЩИТИМ НАШИХ ДЕТЕЙ. Внизу более мелко объявляется, что «Общество светло будущего» восемнадцатого ноября проводит митинг. Два года назад.

Как и Общество Джона Лорена, «Светлое будущее» выступает против малого народа. Организация гораздо меньше ОДЛ и рассчитана на членов и сторонников другого типа. Члены ОДЛ подобны мисс Райан: образованны и относительно богаты. Для сбора средств ОДЛ проводит банкеты и турниры по гольфу. «Светлое будущее» организует собрания, в основном напоминающие старомодные церковные службы, где произносят проповедь, развлекают пришедших, а потом пускают по кругу шляпу.

Остальные плакаты походили на первый, хотя даты различались. Три объявляли о собраниях в Тройном городе, один — в Спокане. Гладкие, глянцевые и профессионально изготовленные. Я решила, что их в большом количестве заготавливают в центре организации, а потом только вписывают черным время и место.

Должно быть, встречались здесь и отсюда отправляли свою почту. Поэтому в доме О'Доннелла и побывало столько народу.

Я задумчиво прошла в гостиную. Думаю, я видела накануне столько крови, что не она изумила меня прежде всего, хотя кровь была разбрызгана повсюду в поразительном количестве.

Прежде всего, сквозь кровь и смерть я ощутила знакомый запах, совершенно неуместный в этой комнате. Что-то пахло так же, как в доме иного-лесовика. Второе, что я поняла, — что за этим запахом, чем бы он ни был, стоит мощнейшая магия.

Но вот найти это что-то оказалось нелегко. Все равно что играть в поиск спрятанного, когда нос и ощущение магии говорят мне, «холодно» или «горячо». Наконец я остановилась перед крепким дорожным посохом, стоявшим в углу за входной дверью, рядом с другой, более высокой, украшенной сложной резьбой палкой для ходьбы, от которой, впрочем, ничем интересным не пахло — только полиуретаном.

Сначала, посмотрев на посох, я сочла его малоинтересным и простым, хотя, очевидно, очень древним. Но тут я поняла, что металлический наконечник вовсе не из стали — он серебряный, и я различила на нем какую-то очень слабую гравировку. Но в комнате было темно, а даже мое ночное зрение имеет свои пределы.

Однако на этом посохе было написано «Ключ к разгадке» так четко, как будто писали яркой флуоресцентной краской. Я долго и напряженно думала, решая, не забрать ли посох с собой, но потом решила, что он вряд ли куда-нибудь денется, если пережил убийство О'Доннелла и нашествие полиции.

От посоха пахло древесным дымом и трубочным табаком: О'Доннелл украл его в доме иного-лесовика.

Я оставила посох и начала обход гостиной.

Стены заняты встроенными книжными полками, на них в основном DVD и видеозаписи

VHS. Одна полка занята журналами для мужчин, которые покупают «ради статей», а смотрят в основном снимки. Журналы на нижних полках, судя по обложкам, не имели даже претензий на художественность.

Еще в одном шкафу нижняя половина полок была закрыта. Верхние открытые полки пусты, если не считать нескольких... камней. Я узнала большой кусок аметиста и очень красивый кристалл кварца. О'Доннелл коллекционировал камни.

На телевизоре рядом с DVD-плеером лежала открытая коробка от «Читти Читти Бэнг». Как такой человек, как О'Доннелл, мог быть поклонником Дика Ван Дайка ^[25]? Я подумала, успел ли О'Доннелл до смерти досмотреть фильм.

Думаю, мне взгрустнулось, и поэтому я услышала скрип половиц под ногами мертвого хозяина дома.

Другие люди — те, в ком нет ничего сверхъестественного, — тоже видят призраков. Может, не так часто и не при свете дня, но видят. Поскольку на местах преступления в резервации никаких призраков не было, я подсознательно решила, что здесь их тоже не будет. И ошиблась.

В гостиную из коридора вошла тень О'Доннелла. Как часто бывает с призраками, О'Доннелл, приближаясь, виделся все отчетливее. Я различала швы на его джинсах, но лица сливалось в неопределенное пятно.

Я заскулила, но О'Доннелл прошел мимо, даже не глянув на меня.

Призраки редко способны общаться с живыми как личности, какими были при жизни. Меня как-то застали за разговором с призраком, причем я не понимала, с кем говорю, пока мать не спросила меня об этом.

Некоторые призраки сохраняют прижизненные привычки. Иногда они даже реагируют, но я очень редко могу с ними разговаривать. Рядом с тем местом, где я росла, каждое утро подбрасывал сена коровам, издохшим полвека назад, призрак ранчера. Иногда он замечал меня и махал рукой или кивал, как будто видел того, с кем был знаком при жизни. Но когда я пыталась с ним разговаривать, он продолжал заниматься своим делом, словно меня нет.

Третий вид призраков — это те, что родились в момент травмы. Они все время переживают свою смерть, пока окончательно не рассеиваются. Некоторые исчезают через несколько дней, другие продолжают умирать много столетий.

О'Доннелл не увидел меня, хотя я стояла прямо перед ним, значит, он не относится к первому, самому полезному виду призраков.

Я могла только смотреть, как он прошел к полкам с камнями и дотронулся до чего-то на самом верху. Этот предмет зазвенел, коснувшись поддельной древесины полки. О'Доннелл постоял, поглаживая пальцами взятое, сосредоточившись на этом небольшом предмете.

На мгновение я испытала разочарование. Если он повторяет то, что делал ежедневно, я ничего не узнаю.

Но вот он выпрямился, думаю, отвечая на неслышимый мне звук, и быстро пошел к входной двери. Я слышала, как открылась дверь, хотя сама дверь, в отличие от привидения материальная, не шелохнулась.

Это не обычный посетитель. Я приготовилась смотреть, как умер О'Доннелл.

Он знал человека у двери. Казалось, визит его не обрадовал, но после недолгого разговора О'Доннелл отступил, приглашая гостя войти. Однако язык тела О'Доннелла становился все более враждебным. Я видела, как тяжело вздымается его грудь; он сделал резкое движение рукой и повернулся лицом к посетителю.

Что-то схватило его за шею и плечи. Я почти видела тень руки убийцы на бледной плоти О'Доннелла. Нападавший показался мне человеком. Но прежде чем я смогла что-нибудь разглядеть, он доказал, что это не так.

Все произошло невероятно быстро. Только что О'Доннелл был цел, а в следующее мгновение его тело лежало на полу, дергаясь и корчась, а голова, прокатившись по неправильной дуге, остановилась в футе от того места, где стояла я. Впервые я отчетливо увидела лицо О'Доннелла. Взгляд его плыл, рот дергался: губы сформировали слово, но произнести его уже не хватило дыхания. На лице охранника был не страх, а гнев, как будто он не успел понять, что произошло.

Я плохо читаю по губам, но тут смогла разобрать.

Шахта.

Я еще несколько минут стояла на месте и дрожала. Призрак О'Доннелла рассеялся. Это была не первая виденная мной смерть: убийство — одно из тех обстоятельств, что порождают призраков. Я однажды видела даже отрезанную голову — только это дает уверенность, что вампир не воскреснет. Но те смерти не были следствием столь грубого насилия, хотя бы потому, что у меня не хватит сил оторвать кому-нибудь голову.

Постепенно я вспомнила: прежде чем кто-нибудь заметит, что на месте преступления бегают койот, нужно кое-что сделать. Я прижала нос к коврику, чтобы узнать, что он мне скажет.

Кровь О'Доннелла впиталась в диванные подушки, стены и ковер, и поэтому различить отдельные запахи было трудно. В углу комнаты я уловила легкий запах дядюшки Майка, но он быстро рассеялся, и, хотя я тщательно обыскала угол, больше я его не почуяла. В комнате, кроме О'Доннелла, побывали также Человек с Одеколоном, Зи и Тони. Не знала, что Тони был среди полицейских, производивших арест. Кого-то вырвало у входной двери, но рвоту затерли, остался только слабый след.

В остальном все было так, словно ищешь след в торговом центре «Колумбия». Здесь побывало чересчур много людей. Выделить один запах я бы могла, но различить такое количество запахов — пустые хлопоты.

Я сдалась и отошла в угол, где перед тем почуяла запах дядюшки Майка: вдруг удастся снова его уловить — или понять, как тот сумел оставить такой слабый след.

Не знаю, сколько времени я пробыла здесь, прежде чем подняла голову и увидела ворона.

Глава пятая

Ворон смотрел на меня из дверей, ведущих в коридор, как будто просто влетел в открытую дверь. Но вороны, несмотря на свой цвет и репутацию, не ночные птицы. Этого одного хватило бы, чтобы я поняла — в этой птице есть что-то необычное.

Но мало того. И даже — прежде того.

Уловив блеск лунного света на перьях ворона, я учуяла его запах — такого здесь раньше не было.

Вороны пахнут падалью, которой питаются; вонь падали перекрывает общий для них с воронами и сороками острый запах плесени. От этого ворона пахло дождем, лесом и жирным плодородным весенним черноземом.

Еще его размер.

В Тройном городе встречаются очень крупные вороны, но ничего подобного этой птице. Он выше меня в обличье койота; величиной с беркута.

Вся шерсть на моем теле встала дыбом в волне магии, которая пронеслась по комнате.

Ворон вдруг прыгнул вперед, и голова его попала в слабый луч света, пробивавшийся сквозь окно. На голове обнаружилось белое пятно, как снежок. Но больше всего меня поразили его глаза: кроваво-красные, точно у кролика-альбиноса, они странно сверкали, глядя прямо на меня... и сквозь меня, словно ворон был слеп.

Впервые в жизни я побоялась опустить глаза. Вервольфы придают большое значение контакту взглядов — и я всю жизнь беззаботно пользовалась этим. Мне легко было потупить взгляд, признавая чье-нибудь превосходство, а потом поступать, как хочу. Когда у вервольфов установлен порядок доминирования, волк-доминант по обычаю может разве что столкнуть меня со своего пути... после чего забыть обо мне и позволить готовить мечь, если я захочу.

Но ворон — не вервольф. Я была уверена, что стоит мне хотя бы шевельнуться, он меня уничтожит — хотя никаких воинственных движений он по-прежнему не делал.

Я уважаю свое чутье и потому оставалась неподвижной.

Ворон раскрыл клюв и хрипло каркнул, словно старые кости встряхнули в деревянном ящике. Потом перестал замечать меня. Прошел в угол и уронил на пол дорожный посох. Взял этот старинный посох в клюв и, даже не взглянув на меня, вылетел прямо сквозь стену.

Пятнадцать минут спустя я была на пути домой — в облике человека вела машину.

Не вполне человек, воспитанная вервольфами, я считала, что повидала всякое: ведьм, вампиров, призраков и с полдюжины других существ, которые считаются не существующими. Но эта птица была самой настоящей, вещественной, как я сама; я видела, как при дыхании вздымается и опадает ее грудь... сама прикасалась к дорожному посоху!

Но впервые видела, чтобы один твердый предмет пролетал сквозь другой твердый предмет — конечно, если не считать весьма выразительных компьютерных эффектов или представлений Дэвида Копперфилда.

Что бы ни показывали в «Зачарованных» и «Мечте джинна»^[26], магия так не действует. Если бы, прежде чем удариться о стену, птица рассеялась, стала бесплотной или сделала еще что-то, я бы сказала: да, это магия.

Может быть — только может быть — я ничем не лучше остального мира,

принимającego малый народ таким, каким тому угодно себя показать. Малый народ, иные ведут себя так, словно они что-то знакомое, словно они ограничены правилами, которые мне понятны и внушают уверенность.

Если кто-то и должен знать правду, так это я. Ведь мне известно, что знания общественности о вервольфах, — лишь отлакированная вершина страшного айсберга. Я знала, что малый народ хранит свои тайны гораздо строже вервольфов. Я больше десяти лет дружу с Зи, но почти ничего не знаю о той стороне его жизни, которая связана с малым народом. Я знаю, что он болеет за «Стилеров»^[27], что его жена-человек умерла от рака незадолго до нашего с ним знакомства и что он любит поливать жареную картошку соусом тартар, — но не знаю, как он выглядит на самом деле — без чар.

Когда я подъехала и остановила свою машину рядом с мерседесом Сэмюэля и незнакомым «фордом эксплорером», в доме горел свет. Я надеялась, что Сэмюэль дома и не спит и я смогу выплакаться ему в жилетку, расскажу, а он выслушает, — но незнакомая машина похоронила эту надежду.

Я посмотрела на нее. Два часа ночи — необычное время для посетителей. Для большинства посетителей.

Я глубоко втянула ноздрями воздух, но не уловила запаха вампира — или еще чей-нибудь. Ночной воздух пах обычно, даже скучнее, чем обычно. Вероятно, последствия частых переходов от человека к койоту и обратно. Человеческое обоняние у меня острее, чем у большинства людей, но далеко не такое чувствительное, как у койота. Когда я из койота становлюсь человеком, я как будто нуждаюсь в «нюховом» аппарате... И все же...

Вампиры могут скрыть от меня свой запах, если захотят.

Я вздрогнула несмотря на теплый ночной воздух. Можно было бы подождать здесь до утра, но я услышала гитарный перебор. Не могу себе представить, чтобы Сэмюэль играл для Марсили, госпожи местной семьи вампиров. Я поднялась по ступенькам и вошла.

В роскошном мягком кресле, которым Сэмюэль заменил купленное мной на блошином рынке, сидел дядюшка Майк. Сэмюэль, как горный лев, полулежал на диване и негромко наигрывал на гитаре. Сэмюэль казался спокойным и расслабленным, но я хорошо его знаю. Единственным действительно расслабленным существом в комнате была кошка, которая мурлыкала на спинке дивана, за головой Сэмюэля.

— Есть горячая вода для какао, — сказал Сэмюэль, не отводя взгляда от дядюшки Майка. — Свари себе. Потом объясни, как Зи пустил тебя по следу их убийцы, чтобы они могли с ним покончить. А потом расскажешь, где провела ночь и почему от тебя несет кровью и магией.

Да, Сэмюэль был сердит на дядюшку Майка.

Я порылась в ящике и нашла запасную пачку какао. Не молочный шоколад с зефиром, а крепкий темный шоколад, приправленный для вкуса халапеньо^[28]. Я не настолько расстроена, чтобы обращаться к такому средству, но приготовление какао дало мне время подумать, как представить все самым мирным путем. Настоящее какао требует молока, поэтому я налила немного в кастрюльку и стала греть.

Утром, когда я уезжала от Сэмюэля и других вервольфов, они знали только, что Зи в тюрьме и нуждается в адвокате. Очевидно, с тех пор кто-то просветил Сэмюэля. И почти несомненно не дядюшка Майк.

Вероятно, и не Уоррен, который может знать о встрече с адвокатом: я разрешила Кайлу пересказать Уоррену все, что говорила адвокату. Но Уоррен умеет хранить тайны.

Да. Но не от Альфы стаи — Адама. А у Адама не было причин не выложить все Сэмюэлю, если тот попросил.

Так всегда с тайнами: стоит поделиться с одним, и неожиданно знают все. Однако если бы я исчезла, мне хотелось бы знать, что вервольфы будут меня искать. Надеюсь, малый народ (в лице дядюшки Майка) это понимает, поэтому мое исчезновение маловероятно. Если Серые Повелители готовы организовать самоубийство Зи, хотя он для них обладает определенной ценностью, мной они пожертвуют не колеблясь. А стая усложнит им эту задачу.

Нагреть молоко недолго; я налила его в чашку и сделала первый горько-сладкий обжигающий глоток; потом присоединилась к мужчинам. Размышления на кухне привели к тому, что я, войдя в комнату, села на диван, но так, чтобы между мной и Сэмюэлем была подушка: тогда Сэмюэль не решит, что я принимаю его сторону в противостоянии, ареной которого стала моя гостиная: ни дать ни взять чернильная поверхность озера Лох-Несс перед появлением чудовища. Спасибо, но мне в гостиной не нужны извержения. Извержения означают кровь и счета за ремонт. Я выросла среди вервольфов и потому опасаясь состязаний в силе и в том, о чем не говорят.

С другим вервольфом демонстрация поддержки могла бы на несколько градусов снизить уровень насилия, потому что вервольф почувствовал бы себя увереннее. Но Сэмюэлю не нужна дополнительная уверенность. Ему нужно знать, что дядюшка Майк правильно поступил, приехав ко мне ночью, каково бы ни было мнение самого Сэмюэля на этот счет.

— Я нашла Зи хорошего адвоката, — сказала я дядюшке Майку.

— Она из общества Джона Лорена, — возразил он. Сейчас он владел собой лучше, чем когда звонил мне. А значит, снова надел маску «добродушного трактирщика». И я не могла понять, доволен он моим выбором адвоката или нет.

— Кайл... — Я замолчала и взяла себя в руки. — Мой друг — лучший адвокат по бракоразводным процессам в городе. Когда я ему позвонила, он предложил эту Джин Райан из Спокана. Сказал, что в суде она барракуда и что ее членство в обществе, настроенном против малого народа, только поможет. Все решат, что она убеждена в абсолютной невинности Зи, раз взялась его защищать.

— Это правда? Она считает его невиновным?

Я пожала плечами.

— Не знаю, но и Кайл и она твердят, что это совершенно неважно. Я постаралась убедить ее.

Я сделала еще глоток какао и пересказала им все, что говорила мне мисс Райан, включая ее совет не совать нос в дела полиции.

При этих словах губы Сэмюэля дрогнули.

— И сколько же ты ждала после ее предупреждения, чтобы отправиться домой к О'Доннеллу?

Я негодуяще посмотрела на него.

— Я не стала бы этого делать до наступления темноты. Слишком многие начали бы звонить в службу контроля за животными, если бы увидели в городе койота, пусть даже в ошейнике. Из приюта для бродячих собак я ничего расследовать не смогу, к тому же летом меня туда однажды уже забирали.

Я взглянула на дядюшку Майка, ломая голову над тем, как бы заставить его выложить

все, что мне нужно узнать.

— Вы знали, что О'Доннелл был связан с «Обществом светлого будущего»? Он сел прямее.

— Я думал, он умней. Если бы в БДМН узнали, он лишился бы работы.

Однако я заметила: он не сказал, что не знал.

— Он как будто не очень опасался, что об этом узнают, — сказала я. — У него в одной комнате все стены увешаны плакатами «Светлого будущего».

— Ну, БДМН обычно не обыскивает дома своих работников. Только что им опять урезали финансирование. Из-за острой ситуации на Ближнем Востоке.

Беды БДМН нисколько не тревожили дядюшку Майка.

Я потеряла усталое лицо.

— Поиски дали гораздо меньше, чем я надеялась. Кроме запаха самого О'Доннелла, я не нашла ни одного из тех, которые были на местах убийств в резервации. Не думаю, что с ним кто-нибудь был, когда он убивал иных. — Кроме Человека с Одеколоном, подумала я. Я не могла сказать, каков настоящий запах этого человека и почему он облился одеколоном, прежде чем убить О'Доннелла, и не душился перед убийствами в резервациях. Вряд ли он ожидал, что убийцу О'Доннелла будет искать вервольф или кто-то вроде меня.

— Значит, твое посещение прошло без происшествий. — Это Сэмюэль, голос у него лишь чуть более напряжен, чем мягкие, как у арфы, звуки, которые он извлекает из гитары. — Почему же от тебя так разит кровью и магией?

— Я не сказала, что без происшествий. Кровь — потому что гостиная в доме О'Доннелла вся ею залита...

Дядюшка Майк слегка поморщился, чему я совсем не поверила. Конечно, я лучше знаю вервольфов, но и малый народ не отличается добротой и мягкостью. Разумеется, то, что Зи попал в тюрьму, должно сильно задеть дядюшку Майка, но кровь никогда не тревожила таких древних существ.

— А магия... — Я пожала плечами. — Может быть несколько объяснений. Я видела убийство.

— Магия? — Дядюшка Майк нахмурился. — Не знал, что ты экстрасенс. Мне казалось магия на тебя не действует.

— Да, это было бы ужасно, — сказала я. — Вообще-то действует, я лишь частично к ней невосприимчива. Чем менее опасна магия, тем меньше шансов, что она на меня подействует. Самая опасная обычно дает о себе знать.

— Она видит призраков, — сказал Сэмюэль, выведенный из терпения моей уклончивостью.

— Я вижу умерших, — возразила я.

Странно, но дядюшка Майк рассмеялся. Не думала, что он тоже любит кино.

— Так призраки сказали тебе что-нибудь?

Я покачала головой.

— Нет. Я видела только «запись» сцены убийства, единственным участником которой был О'Доннелл. Думаю, убийца что-то искал. О'Доннелл ничего не украл у малого народа?

Лицо дядюшки Майка утратило всякую выразительность, и я поняла две вещи: ответ на мой вопрос положительный и дядюшка Майк не собирается рассказывать, что именно украл О'Доннелл.

— Из любопытства, — сказала я, не дожидаясь ответа, — а многие ли иные умеют

оборачиваться вороном?

— Здесь? — Дядюшка Майк пожал плечами. — Пять или шесть.

— В доме О'Доннелла был ворон, и от него так и несло магией.

Дядюшка Майк вдруг хрипло рассмеялся.

— Если ты спрашиваешь, посылал ли я кого-нибудь в дом О'Доннелла, — ответ отрицательный. Если ты считаешь, что О'Доннелла убил кто-то из этих иных, ответ тоже отрицательный. Ни у кого из тех, кто может принять обличье ворона, не хватит физических сил, чтобы оторвать кому-то голову.

— Может, Зи? — спросила я.

Иногда неожиданный вопрос способствует получению ответа.

Брови дядюшки Майка взлетели, акцент стал заметнее.

— Зи, конечно, может. А почему ты спрашиваешь? Разве я не сказал, что он не имеет к этому отношения?

Я покачала головой.

— Я знаю, что Зи его не убивал. Но у полиции есть эксперт, который утверждает, что он мог это сделать. Не сомневаюсь в достоинствах этого эксперта. Однако Зи могло бы помочь, если бы я знала, почему эксперт это утверждает.

Дядюшка Майк тяжело вздохнул и склонил голову набок.

— Это мог бы сделать Темный Кузнец из Дронтхейма^[29], но то было очень давно. За годы холодного железа и христианства мы в большинстве своем утратили прежние способности. Зи, конечно, потерял меньше других. Может, он смог бы это сделать. А может, не смог бы...

Темный Кузнец из Дронтхейма. Нечто подобное он говорил и раньше. Мое любимое занятие — пытаться понять, кем был Зи раньше. Но в данных обстоятельствах у этого драгоценного обрывка сведений был вкус пепла. Если Зи лишат жизни, какая разница, кем он был раньше?

— А сколько иных в резервации... — я подумала и чуть изменила вопрос: — ...или в районе Тройного города способны на такое?

— Мало, — не задумываясь, ответил дядюшка Майк. — Я весь день ломаю голову. Это мог сделать один из наших огров, но будь я католический монах, если понимаю, зачем бы. И огры обязательно откусили бы от него пару кусков. Никто из огров не дружил с жертвами убийств в резервации — и вообще ни с кем, за исключением, может быть, Зи. Еще кое-кто мог бы это сделать в прошлом, но все они устроились в современном мире далеко не так, как Зи.

Я вспомнила силу иного из моря.

— А тот, кого мы встретили в доме селки... — Я посмотрела на Сэмюэля и прикусила язык. Я знала, что происшествие у океана — тайна, да и на судьбе Зи оно никак не могло сказаться. Я не стала вспоминать о нем в присутствии Сэмюэля, и мой незаконченный вопрос повис в воздухе.

— Кого это?

Вопрос Сэмюэля прозвучал спокойно, но тотчас заговорил дядюшка Майк, и его тон был далек от спокойствия и небрежности.

Я почувствовала страх дядюшки Майка, резкий и неожиданный, как его слова. Вот уж не ожидала от него таких эмоций.

Быстро и осторожно оглядев комнату, дядюшка Майк настойчивым шепотом заговорил:

— Не знаю, как тебе удалось... только разговор об этой встрече не принесет тебе добра. Тот, кого ты встретила, мог бы это сделать, но в последние несколько сотен лет он вообще не появлялся. — Он перевел дух и заставил себя успокоиться. — Поверь, Мерседес, О'Доннелла убили не Серые Повелители. Для них он убит слишком некрасиво и неаккуратно. Расскажи мне о вороне, которого ты встретила.

Я какое-то время смотрела на него. Значит, морской иной — Серый Повелитель?

— Расскажи о вороне, — мягко напомнил он.

И я рассказала: начав с того, как нашла посох, и заканчивая тем, как ворон с посохом пролетел сквозь стену.

— Как я мог проглядеть посох?

Дядюшка Майк был явно потрясен.

— Он стоял в углу, — сказала я. — Он ведь из дома одной из жертв, верно? Того, кто курил трубку и чье заднее окно выходит на лес.

Дядюшка Майк как будто взял себя в руки. Внимательно посмотрев на меня, он сказал:

— Ты знаешь слишком много наших тайн, Мерседес.

Сэмюэль отложил гитару и оказался между нами раньше, чем я осознала угрозу в голосе дядюшки Майка.

— Осторожней, — предостерег он с сильным валлийским акцентом. — Осторожней, Зеленый Человек. Она рискует головой, помогая вам... да будет стыдно тебе и всему твоему роду, если она из-за этого пострадает.

— Два, — неожиданно ответил дядюшка Майк. — *Два* Серых Повелителя видели тебя в связи с этим делом, Мерси. Один мог бы забыть, но два — никогда. — Он нетерпеливо махнул рукой Сэмюэлю. — Остановись, волк. Я не обижу твоего щенка. Я говорю только правду. Есть существа, которые менее благосклонно отнесутся к тому, что она знает то, чего ей не следует знать, — и двое уже взялись за дело.

— Двое? — спросила я тише, чем намеревалась.

— Ты встретила не ворона, — мрачно продолжал он. — Это была сама Великая Пожирательница Падали. — Он долго смотрел на меня. — Странно, что она тебя не убила.

— Может, подумала, что я койот, — по-прежнему тихо ответила я.

Дядюшка Майк покачал головой.

— Она, может быть, и слепа, но видит лучше меня.

Наступила короткая пауза. Не знаю, о чем думали они, но я вспоминала, сколько раз за последнее время оказывалась на волосок от смерти. Если вампиры не поторопятся, малый народ или еще кто-нибудь убьет меня раньше, чем это сможет сделать Марсилия. Куда ушли те годы, когда я старалась затаиться и не ввязываться в неприятности?

— Ты уверен, что О'Доннелла убили не Серые Повелители? — спросила я.

— Да, — решительно ответил он и помолчал. — Надеюсь. В противном случае арест Зи задуман сознательно, и сам Зи обречен. Я тоже. — Он погладил рукой подбородок, и этот жест подсказал мне, что когда-то он носил бороду. — Нет, это не они. На кровавое убийство они способны, но ни за что не оставили бы полиции посох. Пожирательница Падали пришла, чтобы посох не попал людям в руки... хотя странно, что она не забрала его раньше. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Мы с Зи в гостиную не заходили, но я уверен, что мы не пропустили бы посох. И вот я думаю...

— Да что это за посох? — спросила я. — Я могу сказать только, что он волшебный, но ничего больше.

— Думаю, тебе это неинтересно, — сказал дядюшка Майк, вставая. — Не об этом нужно думать, когда в дело вмешалась Пожирательница Падали. Здесь деньги... — Я впервые заметила висящую на спинке кресла коричневую кожаную сумку. — Если недостаточно для расходов по делу Зи, дай мне знать.

Он повернулся к Сэмюэлю, приподнял воображаемую шляпу, потом взял мою руку, наклонился и поцеловал.

— Мерси, я бы оказал тебе медвежью услугу, если бы не попросил бросить расследование. Мы высоко ценим то, что ты для нас уже сделала, но больше пользы ты не можешь нам принести. Возникли обстоятельства, о которых я не имею права тебе рассказывать. Если ты не остановишься, ничего нового все равно не узнаешь — а вот если Безымянные узнают, как много ты видела, для тебя это плохо кончится. Их и так уже двое. — Он резко кивнул сначала мне, потом Сэмюэлю. — Доброго утра вам обоим.

И вышел.

— Внимательней приглядывай за ним, Мерси, — сказал Сэмюэль. Он по-прежнему стоял спиной ко мне, глядя в окно на удаляющиеся задние фары машины Майка. — Это не Зи. Он предан только самому себе и больше никому.

— Я ему доверяю, но не теряю осторожности, — согласилась я. Дядюшка Майк по своей воле не станет мне вредить, но... — Знаешь, живя с волками, я кое-что поняла: если собеседник не может тебе солгать, самое интересное, на какие вопросы он *не* отвечает.

Сэмюэль кивнул.

— Я тоже заметил. Этот посох — чем бы он ни был — похищен из дома одной из жертв. И вот об этом он говорить не захотел.

Я дважды зевнула и услышала, как во второй раз у меня щелкнула челюсть.

— Пойду спать. Утром мне нужно пойти в церковь. — Я поколебалась. — Что ты знаешь о Темном Кузнеце из Дронтхейма?

Он улыбнулся.

— Наверно, гораздо меньше тебя. Ведь ты десять лет с ним проработала.

— Сэмюэль Корник! — рявкнула я.

Он рассмеялся.

— Знаешь историю Темного Кузнеца из Дронтхейма?

Я устала, и на меня навалилось слишком многое сразу: Зи, Серые Повелители, Адам Сэмюэль — и ожидание: когда же Марсилия узнает, что Андре убили не его беспомощные жертвы? Однако я годами пыталась разведать что-нибудь о прошлом Зи. Со слишком уж подчеркнутым уважением относились к нему иные, чтобы за этим не стояла какая-то история. Я просто не смогла ее найти.

— Темный Кузнец, Мерси, Темный Кузнец.

Я притопнула, и Сэмюэль сдался.

— Как только я увидел его нож, я подумал, а не Темный ли он Кузнец. Тот самый, что сковал по меньшей мере один меч, способный рубить камень.

— Дронтхейм, — пробормотала я. — Трондхейм? Старая столица Норвегии? Но Зи немец.

Сэмюэль пожал плечами.

— Или притворяется немцем, — а может, то, что я читал, неправда. В тех историях, что я слышал, Темный Кузнец — гений и злобный выродок, сын короля Норвегии. А меч, который он сковал, обладал скверной привычкой оборачиваться против своего владельца.

Я немного подумала.

— Хочешь, чтобы я считала злодеем того, кого многие годы считала героем?

— Все со временем меняются, — ответил Сэмюэль.

Я пристально посмотрела ему в глаза. Он говорил совсем не о Зи.

Между нами всегда несколько футов, но пропасть истории гораздо шире: когда-то я слишком его любила. Мне было шестнадцать, ему — на несколько столетий больше. Я видела в нем нежного защитника, рыцаря, который спасет меня и создаст вокруг меня собственный мир. Видела кем-то, для кого я не буду обузой или лишним обязательством. А он видел во мне женщину, способную родить ему жизнеспособных детей.

Вервольфы, за одним исключением, не рождаются. Их создают. Нужно нечто гораздо большее, чем укус или, как я однажды прочла в комиксе, царапина, оставленная когтями. Человек, который хочет стать вервольфом, должен быть ранен так тяжело, что либо умрет, либо станет вервольфом, и тогда его спасет свойственное вервольфам быстрое выздоровление, которое вервольфу, вспыльчивому чудовищу в мире чудовищ, необходимо, чтобы выжить.

Почему-то женщины выдерживают перемену гораздо хуже мужчин. И при этом не могут вынашивать детей. Они могут зачать, но менструации в полнолуние у них такие сильные, что любая беременность — от человека или от вервольфа — заканчивается выкидышем.

Вервольфы могут скрещиваться с людьми и часто берут в жены обычных женщин. Но и у таких женщин процент выкидышей очень высок, и смертность их детей также высока. У Адама есть дочь, родившаяся после его перемены, но у его жены за время нашего с ней знакомства произошло три выкидыша. Те редкие дети, что выживают, бывают только людьми.

Однако у Сэмюэля есть брат, тоже вервольф. Единственный, как я слышала, ребенок, рожденный вервольфом. Его мать была наделена магией — местной, а не европейской, как большинство наделенных магией людей. Ей удавалось вплоть до рождения Чарльза останавливать свои ежемесячные перемены. Ослабленная этими усилиями, она умерла при родах — но ее опыт заставил Сэмюэля задуматься.

Когда меня, не человека и не вервольфа, отдали в стаю его отца, где мне предстояло расти, Сэмюэль увидел свой шанс. Я не обязательно должна меняться — и даже если меняюсь, перемена не бывает очень тяжелой. Хотя настоящие волки убивают койотов, забредших на их территорию, они могут скрещиваться с ними и рождают жизнеспособное потомство.

Сэмюэль ждал до моих шестнадцати лет, а потом влюбил меня в себя.

— Да, мы все меняемся, — сказала я ему. — Я иду спать.

Я всегда знала, что в мире есть чудовища — чудовища и твари злее чудовищ, но еще я знала, что существует Бог, который держит зло на привязи. Поэтому у меня вошло в привычку по воскресеньям исправно ходить в церковь и молиться. После убийства Андре и одержимого демонами вампира только в церкви я чувствовала себя в безопасности.

— У тебя усталый вид.

Руки у пастора Хулио Арнеза большие, мозолистые, с крупными костяшками. Подобно мне, он, до того как выйти на пенсию и стать нашим пастором, зарабатывал на хлеб физическим трудом: работал лесорубом.

— Я слышал о твоём друге, — сказал он. — Он не будет возражать, если я его навещу?

Зи понравился бы мой пастор — пастор Хулио всем нравится. Может, он даже облегчил бы Зи пребывание в тюрьме. Но приближаться к Зи очень опасно.

Поэтому я помотала головой.

— Он из малого народа, — виновато сказала я. — Они не очень высокого мнения о христианстве. Спасибо за предложение.

— Если я чем-нибудь могу помочь, только скажи, — попросил он. Поцеловал меня в лоб и отправил со своим благословением.

Непрерывно думая о Зи, я, едва добралась домой, позвонила на мобильный Тони: не знала, как добиться свидания с Зи.

Он ответил весело и дружелюбно, совсем не как профессионал-полицейский, так что, должно быть, говорил из дома.

— Привет, Мерседес, — сказал он, — не очень любезно с твоей стороны было напускать на нас мисс Райан. Умно, но неприятно.

— Привет, Тони, — ответила я. — Я бы извинилась. Но Зи очень много для меня значит. А он невиновен, поэтому я обратилась к лучшему, кого смогла найти. Но если тебе от этого легче, мне с ней тоже тяжело.

Он рассмеялся.

— Ну ладно, в чем дело?

— Конечно, это глупо, — сказала я, — но до сих пор я ни разу никого не навещала в тюрьме. Как мне навестить Зи? У вас есть часы посещения или что? Мне подождать до понедельника? И где его держат?

Он помолчал.

— Кажется, посещения только по выходным и вечером. Но прежде чем идти туда, тебе стоит поговорить со своим адвокатом, — осторожно сказал Тони.

— Что плохого в нашей с Зи встрече?

Он повторил только:

— Поговори с адвокатом.

Я так и поступила. На карточке, которую мне дала мисс Райан, был указан ее телефон и служебный адрес.

— Мистер Адельбертсмайтер ни с кем не разговаривает, — сказала Джин Райан ледяным тоном, как будто я была в этом виновата. — Мне трудно будет успешно защищать его, если он не поговорит со мной.

Я нахмурилась. Зи, может быть, упрям, но не глуп. И если молчит, на то есть причина.

— Мне нужно с ним увидеться, — сказала я. — Может, я сумею убедить его поговорить с вами.

— Не думаю, что вы сможете его переубедить. — В ее голосе слышалось легкое самодовольство. — Он не стал со мной говорить. Я сказала, что знаю о смерти О'Доннелла, — все, что вы мне рассказали. И вот тут он единственный раз открыл рот. Мол, вы не имели права раскрывать его тайны посторонним. — Она поколебалась. — Дальше шли угрозы, и я не обратила бы на них внимания, поскольку делу моего клиента это пользы не приносит. Но... думаю, следует вас предупредить. Он сказал: «пусть надеется, что я не выйду» — и что он требует немедленного возврата долга. Вы понимаете, что он имеет в виду?

Я ошеломленно кивнула и только потом поняла, что она этого не видит.

— Я купила у него мастерскую. И все еще не рассчиталась за нее.

Я платила Зи ежемесячно, точно как банку. Но у меня пересохло в горле и защипало глаза не из-за денег.

Он думает, я его предала.

Зи из малого народа: он не может лгать.

— Что ж, — сказала адвокат, — он совершенно ясно дал понять, что не желает с вами разговаривать, после чего снова замолчал. Вы по-прежнему хотите пользоваться моими услугами?

В ее голосе прозвучала надежда.

— Да, — сказала я. Ведь я плачу не из своего кармана: в сумке дядюшки Майка лежит вполне достаточно даже для ее расценок.

— Буду честна, мисс Томпсон: если он со мной не разговаривает, я для него совершенно бесполезна.

— Делайте, что можете, — тупо сказала я. — А я тоже постараюсь кое-что сделать.

Тайны. Я слегка вздрогнула, хотя, вернувшись домой, сразу установила нагрев больше 60 градусов, которые установил Сэмюэль, собираясь на последний день «Перекасти-поля». Вервольфам нравятся более низкие температуры, чем мне. Сейчас в доме 80, достаточно тепло, и нет никаких причин, чтобы меня знобило^[30].

Я стала думать, что из рассказанного мной разозлило Зи: убийства в резервации или то, что с ним был еще один представитель малого народа.

Черт побери, я не сказала мисс Райан ничего такого, что можно рассказать полиции. Если подумать, то мне следовало рассказать это полиции.

Однако прежде чем говорить с полицией или адвокатом, я должна была у кого-то спросить разрешения, это я знала. Таков первый закон стаи: перед посторонними держи язык за зубами.

Мне следовало узнать у дядюшки Майка, что можно рассказывать полиции — или адвокату, а не полагаться на собственное суждение. Я не сделала этого, потому что знала: если полицейские начнут искать настоящего убийцу, они узнают больше, чем готовы им сказать дядюшка. Майк или любой представитель малого народа.

Легче просить прощения, чем разрешения... конечно, если не имеешь дела с малым народом, не склонным прощать. Способность прощать они считают христианским качеством, а к христианству относятся не слишком хорошо.

Я не стала лгать себе и утешаться тем, что Зи справится с собой. Я мало знаю о его прошлом, но его самого знаю хорошо. Он вбирает в себя гнев и делает его таким же вечным, как татуировка у меня на животе. Он никогда не простит мне, что я предала его доверие.

Нужно чем-то отвлечься, что-то делать, чтобы руки и мозг были заняты, чтобы не думать с тоской, что сделала что-то ужасное. К несчастью, в пятницу я позже обычного задержалась в мастерской и выполнила там всю работу, полагая, что следующий день, субботу, проведу на музыкальном фестивале. У меня сейчас нет даже машины-проекта, над какими я обычно работаю. Мой нынешний восстановительный проект — «карманн гиа»^[31] — сейчас проходит стадию обивки сидений.

Тревожно побродив по дому, я испекла печенье с ореховым маслом, отправилась в маленькую третью спальню, служившую мне кабинетом, включила компьютер, соединилась с Интернетом и принесла печенье.

Ответила на письма сестры и матери, потом просто побродила по сети. Печенье оставалась в тарелке. Когда я расстроена, я готовлю. Но это не значит, что я ем.

Нужно чем-то заняться. Я принялась вспоминать разговор с дядюшкой Майком и решила, что он действительно не знает, кто убил О'Доннелла. Хотя совершенно уверен, что это не огры, иначе вообще не стал бы их упоминать. Я знала, что убийца не Зи. Дядюшка Майк считает, что и Серые Повелители ни при чем — и я с ним согласна. С точки зрения малого народа убийство О'Доннелла — большая неприятность, каких Серые Повелители стараются избегать.

Старинный посох, который я нашла в углу гостиной О'Доннелла, имеет какое-то отношение к убийству. И настолько важен, что ворон... нет... как же его назвал дядюшка Майк... Пожирательница Падали явилась забрать его, а дядюшка Майк не хотел об этом говорить.

Я обратилась к поисковой программе, которой пользуюсь, когда захожу в тупик. Набрала *посох* и *волшебство* и нажала клавишу.

И получила ожидаемый результат. Заменяла «волшебство» «*фольклором*», но только после замены на *дорожный посох* (после того как попробовала *волшебный посох* и *волшебная палочка*) я нашла сайт, на котором приводилось множество волшебных сказок и книг о фольклоре.

Я нашла свой дорожный посох — точнее, просто дорожный посох.

Его подарили фермеру, который оставлял на пороге молоко и хлеб для малого народа. Пока он владел посохом, все его овцы приносили по два здоровых ягненка в год и давали фермеру возможность процветать, хотя и скромно. Но (в волшебных сказках всегда есть «но») однажды вечером, когда фермер шел по мосту, он выпустил посох из рук, посох упал в воду, и его унесло течением. Вернувшись домой, фермер увидел, что его поля затопило, а почти все овцы утонули — все то, что дал ему посох, ушло вместе с ним. Он так и не нашел больше этот посох.

Маловероятно, что посох, дающий своему владельцу ежегодно по два ягненка от каждой овцы, стоит того, чтобы из-за него убивать, — особенно если убийца О'Доннелла его не брал. Либо я нашла не тот посох (этот не так важен), либо убийца О'Доннелла искал не его. Единственное, в чем я была уверена, — О'Доннелл взял его в доме убитого иного из леса.

Жертвы, хотя я знала их только по именам, постепенно становились для меня реальными. Коннора, иной из леса, селки... Зи часто говорил мне, что у людей в обычае всему приклеивать ярлыки. Обычно он говорил так, когда я пыталась заставить его рассказать о себе.

Повинуясь неожиданному порыву, я набрала «*темный кузнец*» и «*Дронтхейм*» и нашла историю, рассказанную мне Сэмюэлем. Дважды прочитала ее и откинулась в кресле.

Вообще-то похоже. Я могу себе представить, как Зи кует меч, способный разрубить что угодно — в том числе и своего хозяина.

Но в рассказе не было ни Зибольда, ни Адельберта. Имя Зи Адельбертсмайтер значит «кузнец из Адельберта». Я однажды слышала, как один из малого народа разговаривал с другим, называя Зи «тот самый Адельбертсмайтер». При этом он понизил голос.

Я набрала *Адельберт* и невольно рассмеялась. Первым появился святой Адельберт, миссионер из Нортумбрии^[32], пытавшийся в восьмом веке крестить Норвегию. О нем я смогла узнать только, что он принял мученическую смерть.

Неужели этот Адельберт — Зи?

Зазвонил телефон, прервав мои размышления.

Прежде чем я смогла что-то сказать, очень английский голос произнес:

— Мерси, бегом ко мне.

Фоном был шум — рычание. Звучало оно странно, и я, отведя трубку от уха, убедилась, что слышу его из дома Адама и без телефона.

— Адам? — спросила я.

Бен не удостоил меня ответом, только добавил крепкое словцо и повесил трубку.

Этого оказалось достаточно, чтобы я пронеслась по дому и выскочила, все еще держа в руке телефон. Его я бросила на пороге.

Я перепрыгивала через проволочную изгородь, отделяющую мои три акра от гораздо большего участка Адама, когда мне впервые пришло в голову — почему Бен позвонил именно мне, а не позвал, например, Сэмюэля, который, во-первых, вервольф, а во-вторых, более доминантен, чем Адам?

Глава шестая

Я не стала обегать дом Адама, просто раскрыла черную, кухонную, дверь и вошла. Никого не было.

Кухня Адама устроена с расчетом на *cordon blue*^[33] — дочь Адама Джесси как-то сказала мне, что ее отец очень хорошо готовит, но делает это не часто.

Как и в остальном доме, убранство — заслуга бывшей жены Адама. Мне всегда казалось странным, что, за исключением гостиной, выдержанной в строгих белых тонах, весь остальной дом кажется гораздо более спокойным и приятным, чем была сама экс-супруга Адама. А мой дом украшен тем, что предлагают на дешевых распродажах, и лишь несколько внесенных Сэмюэлем дополнений не дают ему выглядеть кошмарно.

В доме у Адама пахло лимонным очистителем, «винидексом»^[34] и вервольфами. Но мне не нужны были обоняние и слух, чтобы сказать, что Адам в доме — и что он очень сердит. Энергия его гнева обрушилась на меня волной.

Из гостиной я услышала шепот:

— Нет, папа.

И меня несколько не успокоило послышавшееся в ответ низкое рычание. Впрочем, если бы все было в порядке, Бен не позвонил бы. Я очень удивилась, что он вообще мне позвонил: мы с ним не дружили.

На голос Джесси я прошла в гостиную. В большой комнате повсюду сидели вервольфы, но магия Альфы действовала на меня, и я видела только Адама, хотя он стоял лицом не ко мне. И был так прекрасен, что мне потребовались некоторые усилия, чтобы вспомнить: сейчас кризисная ситуация.

В комнате под грозным взглядом Адама на новом старинном викторианском диване, который сменил обломки прежнего старинного викторианского дивана, сжались два человека. На месте Адама я бы не стала тратить деньги на старинную мебель. Хрупкие вещи не слишком хорошо приживаются в доме Альфы.

Одной из этих двоих была Джесси, дочь Адама. Другим — Гэбриэль, подрабатывающий у меня старшеклассник. Он одной рукой обнимал Джесси за плечи и рядом с миниатюрной девушкой казался крупнее, чем на самом деле. С тех пор как я видела ее в последний раз, Джесси выкрасила волосы в голубой цвет, что выглядело приятно, хотя и несколько странно. Обычная обильная косметика стекла с лица, которое расцвели полосы потеков металлически-серебряных теней для глаз, черной туши для ресниц и слез.

В первое мгновение мне пришло в голову самое очевидное. Я ведь предупреждала Гэбриэля, чтобы он был поосторожней с Джесси, и объяснила ему, как опасно приглашать на свидания дочь Альфы. Он выслушал и торжественно обещал вести себя благоразумно.

Но тут я заметила, что под полосками косметики видны еле заметные свежие синяки. А то, что я приняла за краску для ресниц, на самом деле было дорожкой свернувшейся крови, от ноздри до верхней губы. На одном обнаженном плече — красный след от соприкосновения с гравием дороги. Гэбриэль не мог это сделать — а если бы сделал, сейчас был бы уже мертв.

Черт побери, подумала я, холодея. Кто-то сегодня умрет.

Покорная поза Гэбриэля, должно быть, была вызвана тем, что сделал Адам, потому что при виде меня Гэбриэль расправил плечи, поднял голову и посмотрел в лицо отцу Джесси.

Не очень умный ход при встрече с рассерженным Альфой, но храбрый.

— Ты их знаешь, Гэбриэль?

Лица Адама я не видела, но его голос сказал мне, что глаза у него сейчас ярко-золотые.

Я сделала еще один шаг в гостиную и едва не опустилась на колени от волны силы — все волки в комнате повалились на пол. Это заставило меня посмотреть на них, и я поняла, что на самом деле их здесь не так много, как я вначале подумала. У вервольфов есть способность заполнять собой все пространство.

На самом деле их было всего четверо. Хани, одна из немногих женщин в стае Адама, и ее муж держались за руки, сжимая их так, что побелели костяшки.

Даррил сохранял бесстрастное выражение лица, но на его смуглом лбу выступило несколько капель пота. В его жилах текла китайская и африканская кровь, отчего получилась необычайная смесь цветов и особенностей внешности. Днем он исследователь в Тихоокеанской национальной лаборатории, в остальное время — второй в стае после Альфы.

Бен, сидящий рядом с Даррилом, кажется бледным, как его волосы, и очень хрупким, но это впечатление обманчиво: на самом деле Бен крепко спит. Как и Хани, он смотрит в пол, но, опускаясь на пол, он бросил на меня отчаянный взгляд, который я не смогла истолковать.

Бен бежал из Англии в стаю Адама, чтобы уйти от подозрений в многочисленных жестоких изнасилованиях. Я абсолютно уверена, что он не был виновен... но что-то в нем подсказывало мне, что и я первым заподозрила бы его.

— Папа, оставь Гэбриэля в покое, — сказала Джесси с намеком на свою обычную независимость.

Но ни Адам, ни Гэбриэль не обратили внимания на ее протест.

— Если бы я знал, кто они и где их найти, меня бы здесь не было, сэр, — мрачно сказал Гэбриэль; голос у него был как у тридцатилетнего. — Я бы привез Джесси к вам и отправился за ними.

Гэбриэль — самый старший мужчина в доме, где все говорит о бедности. Это вынудило его много трудиться и сделало чересчур взрослым для своих лет. Если раньше я думала, что он проявляет безрассудство, встречаясь с Джесси, то сейчас решила, что Джесси с ним повезло.

— Ты в порядке, Джесси? — спросила я. Мой голос больше, чем я хотела, напоминал рычание.

Она вздрогнула и посмотрела на меня. Потом вскочила с дивана — она старалась держаться не слишком близко к Гэбриэлю, чтобы не давать отцу дополнительных поводов для гнева, — подбежала и уткнулась лицом мне в плечо.

Адам повернулся и посмотрел на нас. Будучи гораздо благоразумнее Гэбриэля (хотя эту свою способность я использую, только когда мне это выгодно), я почти сразу опустила взгляд к волосам Джесси, но увидела я достаточно. Глаза Адама сверкали на стадии перемены, они были желто-ледяными и светлыми, как утреннее морозное солнце. От силы, с которой он стискивал челюсти, по его щекам бежали, чередуясь, белые и красные полосы.

Если когда-нибудь Адама сфотографируют в таком виде, все усилия вервольфов, потраченные в последние годы, пропадут зря. Альфа в таком виде — очень-очень опасное чудовище и никто больше.

Он был не просто рассержен: думаю, в английском языке нет слов, чтобы описать, какой гнев был на его лице.

— Ты должна его остановить, — еле слышно прошептала Джесси. — Он убьет их.

Я могла бы ей сказать, что она может не шептать, когда отец в комнате: он все равно услышит.

— Ты защищаешь их! — сердито взревел он, и я увидела, как остатки человека уступают место зверю. Не будь он доминантом, не будь Альфой, я уверена, он уже переменялся бы. Но и сейчас я видела, как его черты начинают расплываться.

Только этого не хватало.

— Нет, нет, нет, — твердила мне в лицо Джесси; она вся дрожала. — Его убьют, если он причинит им вред. Он не должен... не должен...

Не знаю, на что рассчитывала моя мать, когда по совету уважаемого двоюродного деда, оказавшегося вервольфом, отправила меня на воспитание в стаю. Но ведь я не девушка-подросток, не мать-одиночка, которая работает за жалкие гроши и обнаруживает, что ее новорожденная дочь может превращаться в койота. Со мной все *вышло* неплохо — детство было не хуже, чем у большинства людей. Еще я научилась обращаться с рассерженными вервольфами, и это очень хорошо, часто говаривал мне приемный отец, потому что у меня талант их сердить.

Но все же справляться с ними легче, если их рассердила не я. Первый шаг — привлечь к себе внимание.

— Довольно, — спокойно и решительно сказала я, перекрывая шепот Джесси. Мне не нужны ее предостережения, чтобы понять, что она права. Адам отыщет тех, кто так обошелся с его дочерью, и убьет, не думая о последствиях. Пагубных для него, а возможно, и для всех остальных вервольфов.

Я подняла голову, чтобы посмотреть в яростные глаза Адама, и еще резче продолжила:

— Тебе не кажется, что с нее хватит? О чем ты думаешь? Она здесь столько времени, и никто не занялся ее ранами. Вам всем должно быть стыдно.

Чувство вины — удивительная и очень мощная штука.

Я повернулась и потащила за собой Джесси, которая удивленно спотыкалась на ступеньках. Если бы в комнате не было Даррила, я не смогла бы оставить Гэбриэля. Но Даррил второй после Адама, он умен, и я знала, что он уведет мальчишку с линии огня.

К тому же я не думала, что Адам надолго задержится в гостиной.

Мы преодолели всего три ступеньки, и я почувствовала на шее горячее дыхание Адама. Он молчал, но шел за нами до самой ванной. Мне показалось, что в лестнице стало на сто ступенек больше, чем когда я поднималась по ней в последний раз. Все кажется долгим, когда по пятам за тобой идет вервольф.

Я посадила Джесси на закрытую крышку унитаза и повернулась к Адаму.

— Принеси губку.

Он мгновение постоял в двери, потом повернулся и ударил по дверной панели так, что она прогнулась. Может, мне следовало сказать «пожалуйста»? Я тревожно взглянула наверх, но, кроме небольшого количества пыли, ничего не увидела — потолок казался невредимым.

Адам внимательно смотрел нащепки, окрашенные кровью из его разбитых костяшек, хотя не думаю, чтобы он действительно видел, какой причинил ущерб.

Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть что-нибудь ехидное, вроде: «Вот это действительно помощь» или «Стараешься обеспечить работой местных столяров?». Когда я испугана, становлюсь острой на язык — и это вовсе не достоинство в присутствии вервольфов. Особенно вервольфов, которые так сердиты, что разбивают двери.

Мы с Джесси, замерев, ждали, а он вскрикнул (этот звук больше походил на вой, чем на человеческий крик) и снова саданул по двери. На этот раз он вынес дверь вместе с рамой и проломил стену.

Я рискнула оглянуться. Джесси так испугалась, что я видела белки ее глаз. Думаю, она увидела бы у меня то же самое, если бы не смотрела на отца.

— Говорите после этого о слишком заботливых отцах, — с улыбкой и спокойно сказала я.

Отсутствие страха в голосе меня очень удивило. Кто бы мог подумать, что я такая хорошая актриса.

Адам выпрямился и посмотрел на меня. Я знала, что он не так высок, как кажется, — на самом деле чуть выше меня, — но сейчас он был огромен.

Я встретила с ним взглядом.

— Пожалуйста, принеси мне губку, — как можно любезнее попросила я.

Он повернулся и молча пошел к своей ванной. Как только он скрылся, я поняла, что Даррил все время незаметно следовал за ним и поднялся по лестнице. Он прислонился к стене, закрыл глаза и два раза медленно и глубоко вздохнул. Я сунула похолодевшие руки в карманы джинсов.

— Еле проскочили, — сказал он то ли мне, то ли себе. Выпрямился, расправил плечи и пошел вниз по лестнице, не глядя на меня и перешагивая через две ступеньки — скорее как старшеклассник, чем как доктор физических наук.

Когда я повернулась к Джесси, та дрожащей рукой протянула мне серую губку.

— Спрячь, — велела я ей, — иначе он подумает, что я нарочно его отослала.

Она рассмеялась, на что я и рассчитывала. Смех был неуверенный, дрожащий; он прекратился, когда неожиданно открылась рана на губе. Но все же она смеялась. Все обойдется.

На самом деле мне было все равно, подумает ли Адам, что я отослала его по ненужному поручению. Я взяла губку и старательно промыла царапины на плече Джесси. На ее спине выше джинсов тоже были царапины.

— Расскажешь, что случилось? — спросила я, промывая губку, чтобы избавиться от кусочков гравия.

— Глупость.

Я подняла бровь.

— Что? Ты решила улучшить фигуру и для этого пару раз ударила себя и проехала по тротуару?

Она закатила глаза, и я поняла, что все далеко не так забавно.

— Нет. Я была с подругами на фестивале «Перекасти-поле». Папа меня подвез и высадил. Обрато меня должны были отвезти, но, когда мы пришли на стоянку, оказалось, что в машину Кайлы все мы не помещаемся. Я забыла телефон дома и поэтому пошла искать, откуда можно позвонить.

Она замолчала. Я передала ей губку, чтобы она могла вымыть лицо.

— Я подержала ее под холодной водой, тебе будет легче прикладывать ее к ушибам. Думаю, твой папа почувствует себя лучше, если ты умоешься. Завтра утром ты будешь выглядеть ужасно, но главные синяки еще несколько часов будут незаметны.

Она посмотрела на себя в зеркало, и вопль отчаяния подсказал мне, что ущерб в основном поверхностный. Джесси соскочила с унитаза, открыла аптечку и взяла молочко

для снятия макияжа.

— Неужели завтра Гэбриэль увидит меня такой? — в отчаянии говорила она, стирая со щек краску для ресниц. — Я похожа на пугало.

— Да, — согласилась я.

Она посмотрела на меня, засмеялась, потом ее лицо снова стало серьезным.

— Во вторник я увижу их в школе, — сказала она.

— Это были ученики из Финли? — спросила я.

Она кивнула и продолжила стирать краску с лица.

— Они сказали, что им в школе не нужны уроды. Я знала...

Я громко кашлянула, предупреждая, — и она кое-как улыбнулась. Ее отец может слышать, поэтому лучше не рассказывать ему о нападавших. Если бы они причинили ей серьезный ущерб, я бы тревожилась за них. Но этот случай не стоит того, чтобы из-за него умирали люди. Этих детей надо воспитывать, а не убивать. Но мальчики должны понять, как глупо нападать на дочь Альфы.

— Я этого совсем не ожидала. Не ожидала от них, — сказала она. — Не знаю, что они сделали бы, если бы не увидел Гэбриэль. — Она улыбнулась — настоящей улыбкой — и не перестала улыбаться, когда прижала губку к быстро распухающей губе. — Видела бы ты их. Мы были на маленькой стоянке под галереей живописи, знаешь, той, перед которой гигантские кисти?

Я кивнула.

— Наверно, Гэбриэль шел по дороге под нами и слышал мой крик. Он взбежал на холм и перелетел через изгородь быстрее, чем сумел бы отец.

Я в этом сомневалась — вервольфы очень проворны. В чем я не сомневалась, так это в эффекте героического спасения; а ведь Гэбриэль с его смуглой кожей, черными глазами и мускулистой фигурой и так выглядит привлекательно.

— Знаешь, — сказала я заговорщицким тоном, — наверно, хорошо, что он не знает, кто это был.

— Я узнаю, — пообещал Гэбриэль из-за моего плеча.

Я, конечно, слышала, как он подошел. Может, следовало предупредить ее. Но он заслужил право слышать нотки преклонения перед героем в ее голосе. В коридоре он был не один, но волки, следовавшие за ним, еще не были видны.

Гэбриэль передал мне пузырь со льдом и смотрел, как Джесси приложила к лицу губку, чтобы скрыть смущение. Лицо у него было напряженное.

— Я мог бы их догнать, но я не знал, серьезно ли ранена Джесси. Труссы... — Он хотел плюнуть, но вспомнил, где находится, и передумал. — Подумаешь, мачо: напали на девчонку вдвое мельче их.

Он посмотрел на меня.

— По дороге домой Джесси сказала, что это подстроено. Девушка, та, у которой машина, — она знает одного из этих парней. А парни знали, где подстеречь Джесси. Там не так уж много мест, где можно побить человека так, чтобы тебя никто не увидел. Они утащили ее за большой контейнер для мусора. Кто-то все это спланировал.

Средняя школа Финли не очень велика.

— Хочешь перейти в Кенневикскую среднюю? — спросила я Джесси, зная, что ее отец слушает из спальни. Я его не видела, но чувствовала его внимание и заметила напряженные позы волков. Если мы не будем очень осторожны, вся стая набросится на этих глупых ребят.

— Гэбриэль там учится, и у него много друзей, они не дадут тебя в обиду. А можешь перейти в Ричленд, где работает Ауриэль.

Ауриэль — еще одна из трех женщин в стае Адама, жена Даррила и учительница химии в средней школе.

Джесси вытерла лицо губкой и бросила на меня взгляд, который напомнил, что она дочь своего отца.

— Я им такого удовольствия не доставлю, — холодно сказала она. — Но больше они меня врасплох не застанут. Я дралась, как девчонка, потому что не могла поверить, что они действительно меня ударят. Больше я такой ошибки не допущу.

— В таком случае тебе снова нужно ходить на айкидо, — сказал Адам спокойным, сдержанным голосом, словно несколько минут назад у него не было приступа гнева. — Ты уже три года как бросила. Если ты так уступаешь им в весе, нужно подготовиться.

Он вышел из спальни, держа в руке голубую губку. Если бы глаза у него были темнее, я бы купилась. Каким-то образом ему удалось скрыть весь гнев и всю энергию Альфы. Но холодным желтым глазами я верю больше, чем спокойному голосу. Адам протянул мне губку, но смотрел он на Джесси.

— Да, — сказала она с мрачной решимостью.

— Она их побила, — сказал Гэбриэль. — У одного кровь шла из носа, а второй, убегая, держался за бок. — Он бросил на нее оценивающий взгляд. Я рада, что Адам его не видел. — Ручаюсь, им досталось больше, чем ей.

Даррил кашлянул, а когда Адам посмотрел на него, сказал:

— Пусть в школу и из школы ее сопровождает охрана.

Джесси — всеобщая любимица. Если бы Адам не был так сердит, можно было бы услышать много гневных слов от волков. Да и у Даррила глаза светлее, чем обычно. Золото странно смотрелось на его смуглом лице.

— Пошли с ней вервольфа в волчьем облике, — предложила я. — Первые несколько дней он будет ждать ее на пороге школы, в каком-нибудь очень видном месте.

— Нет, — сказала Джесси, — я не стану устраивать для них представление.

Адам приподнял бровь.

— Ты сделаешь, как тебе скажут.

— Это проблема территории, — объяснила я Джесси. — Даже обычные люди играют в эти глупые игры. Они попытались применить силу, и твой отец не может им спустить. Если он уступит, приставать станут еще сильнее — пока кто-нибудь не погибнет.

Вот и вся политика вервольфов, направленная на сохранение жизни людям! Не зря я на нее жалуюсь.

— Можно позвонить в полицию и в школу и предупредить, — сказала Хани. — И никто не пострадает.

— Устройте шоу и покажите, — предложил Гэбриэль. — Позвоните учителю биологии Джесси. Или у вас есть курс основ безопасности? Это еще лучше. Можно вывести весь класс и поближе познакомиться с вервольфом. Результат тот же, но Джесси будет не так неловко.

Адам улыбнулся, показав множество зубов.

— Это мне нравится.

Джесси чуть повеселела.

— Может, обо мне станут думать лучше.

— Школа на это никогда не пойдет, — вмешался Даррил. — Побойтся, как бы чего не

вышло.

— Я подумаю, — сказал Адам.

Джесси была бледновата, но серьезно не пострадала. Горячий душ поможет ей справиться с ушибами — и пусть постоит под душем, пока отец не успокоится настолько, чтобы понять: ей совсем не нужно называть имена нападавших. Я могу отыскать их по запаху, Адам тоже.

Я сделала знак, приказывающий им всем: Адаму, Гэбриэлю, волкам — уйти.

— Ступайте вниз и все обдумайте, — сказала я им. — Мне нужно получше рассмотреть ушибы Джесси, чтобы знать — вызывать Сэмюэля не нужно.

Я взяла Джесси за руку.

— Мы воспользуемся ванной Адама. — Я не помнила, есть ли у него ванная, но не могла себе представить, чтобы в таком доме не было отдельной хозяйской ванной; к тому же он ведь пришел с губкой в руке. — Поскольку эту Адам решил переоборудовать.

Конечно, звучало это чуть фальшиво — но если Адам рассердится на меня, он не будет думать о том, как найти нападавших на Джесси.

Джесси вслед за мной через коридор, в котором было тесно от собравшихся, прошла в спальню Адама. С одной стороны была открытая дверь, которая могла вести только в спальню. Я втокнула ее туда и закрыла дверь.

И очень-очень тихо прошептала:

— Тебе нужно вымыться и избавиться от запаха, пока отец не подумал об этом... если он еще не подумал.

Глаза ее расширились.

— Одежда? — одними губами спросила она.

— Все, — ответила я.

Она печально посмотрела на свои теннисные туфли, но включила душ и в одежде и обуви встала под него.

— Принесу чистую одежду, — сказала я.

Адам встретил меня в коридоре. Он подбородком показал в сторону ванной, откуда отчетливо слышался плеск.

— Запах, — сказал он.

— У нее одежда была грязная, — ответила я с некоторым самодовольством. — Даже обувь.

— Де... — Он не закончил слово. Адам старше, чем выглядит. Он вырос в пятидесятые годы, когда мужчина не мог в присутствии женщины произнести неприличное слово. — Дела, — без удовольствия поправился он.

— На дворе трава, на траве дрова, — согласилась я. Он оглянулся, поэтому я повторила с должным выражением: — «На дворетрава, на траведрова». Мой приемный отец все время говорил мне это. Он тоже был старомодным волком. И особенно подчеркивал — «траведрова». «Траведрова, Мерседес. У тебя нет здравомыслия, который Господь дает даже мелким яблокам».

Адам закрыл глаза и прислонился лбом к дверной раме.

— Если сломаешь вторую стену, ремонт встанет дорого, — с надеждой предположила я.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

Я развела руками.

— Отлично. Хочешь поддержать профсоюз плотников — твое дело. А теперь пропусти,

я должна отнести Джесси одежду.

Он отодвинулся с преувеличенной вежливостью. Но когда я проходила мимо, шлепнул меня по задку. Больно шлепнул.

— Осторожней. — И проворчал: — Будешь вмешиваться в мои дела — можешь пострадать.

Идя к комнате Джесси, я ласково ответила:

— Последний мужчина, шлепнувший меня так, гниет в могиле.

— Не сомневаюсь.

В его голосе прозвучало удовлетворение.

Я повернулась к нему лицом, пусть у него глаза желтые и все такое.

— Я собираюсь снять кое-какие части для «синхро»^[35]. На моем участке еще полно места.

Какой-нибудь посторонний слушатель решил бы, что мои последние слова не имеют отношения к предыдущему, только не Адам. Я уже несколько лет наказываю его запасными частями для моего «кролика». «Кролик», хорошо видный из окна его спальни, уже лишился трех колес и множества частей. Надпись на нем сделана по предложению Джесси.

Если бы Адамыне был так собран, это бы не подействовало, но Адам относится к тем личностям, у которых «все на месте и у всего свое место». Его это раздражало — и очень.

Он коротко улыбнулся, потом посерьезнел.

— Скажи мне, по крайней мере, что у тебя хватило ума запомнить их запах.

Я приподняла бровь.

— Зачем мне это? Чтобы вместо Джесси ты стал приставать ко мне?

Один из этих парней мне незнаком, но второй... что-то в его запахе словно било в тревожный колокол, но я подожду. Сперва уйду отсюда, а потом разберусь.

Он резко рассмеялся.

— Лгунья.

Сделал два шага ко мне, рукой ухватил за шею и придержал, чтобы удобней было поцеловать. Этого я не ожидала — ведь он был так близок к перемене. Не знаю, почему я не вырвалась.

Первое прикосновение его губ было мягким, осторожным, просительным, в то время как руки оставались требовательными. Он дьявол. Я бы сопротивлялась силе, но поцелуй — совсем другое дело.

Я прижалась к нему: он просил об этом легкими прикосновениями. Адам осторожно отнял губы, приглашая последовать туда, куда он поведет. Тепло его тела в этом чересчур охлажденном доме вознаградило меня, когда я прижалась к нему; вознаграждали жесткие мышцы, к которым я прижалась еще сильнее.

Он словно танцевал. Вел, а не тянул. Он должен был это делать сознательно, должен был стараться, потому что он вожак стаи — как все Альфы. Но Адам не просто вожак — он очень умен. И он жульничает в игре.

Он уже прижал меня к стене, навалившись на меня, когда кто-то... Даррил негромко кашлянул.

Я вырвалась и отскочила на середину коридора.

— Мне нужно отнести Джесси одежду, — сказала я коври, краснея, юркнула в ее комнату и закрыла дверь. Я не против того, чтобы меня заставляли целующейся, но только слишком уж чувственным был этот поцелуй.

Иногда острый слух вовсе не благословение.

— Прошу прощения, — сказал Даррил, хотя в его голосе слышалась улыбка, а не смущение.

— Еще бы, — проворчал Адам. — Черт побери! Это надо прекратить!

Даррил понимающе хохотнул. Я никогда не слышала, чтобы он так смеялся. Обычно Даррил чрезвычайно сдержан.

— Прошу прощения, — повторил он, на этот раз более виновато. — Мне показалось, ты не хотел прекращать.

— Да. — Голос Адама неожиданно прозвучал устало. — Мне давно следовало взять ее. Но после того как Кристи ушла от меня, я не был уверен, что мне нужна другая женщина. А Мерси боится больше моего.

Кристи — это его бывшая жена.

— Потом появился еще один борец за приз — Сэмюэль, — сказал Даррил.

— Я не приз, — прошептала я.

Я знала, что они оба меня слышат, но Адам только заметил:

— Сэмюэль всегда был соперником. Я предпочитаю, чтобы он был здесь. Так я соперничаю с живым мужчиной, а не с воспоминанием.

— Если собираешься за моей спиной говорить обо мне, — сказала я Адаму, — хотя бы делай так, чтобы я тебя не слышала.

Должно быть, они учли мою просьбу, потому что больше я их разговор не слышала. Душ продолжал шуметь. Я села посреди комнаты Джесси, убрав из-под бедра пузырек с лаком для ногтей, и воспользовалась возможностью собраться с мыслями. Адам прав, это слишком затянулось.

Сэмюэль вел себя как ангел — почти всегда, — и Адам тоже. Но мне показалось, что Адам взвинчен больше обычного, и его терпение на исходе.

Это тревожная новость, потому что нрав у Адама горячий и вспыльчивый, даже хуже, чем у большинства вервольфов. Сэмюэль говорил, что Маррок хотел бы чаще использовать Адама в качестве одного из представителей вервольфов. У него подходящая для этого внешность, и он умеет говорить. Адам уже привлек к себе внимание прессы, как консультант и участник переговоров в Вашингтоне, округ Колумбия. Он очень хорошо умеет держать себя в руках, но когда срывается, просто сходит с ума, и Маррок не хотел этим рисковать.

Я была совершенно уверена, что из-за синяков Джесси Адам взорвался бы, но он мог бы лучше контролировать себя, если бы уже не был на грани срыва.

Дверь комнаты Джесси открылась, и вошла Хани. Она плотно закрыла за собой дверь. Хани из тех, кто заставляет меня чувствовать себя неряхой, даже если на мне красивая чистая футболка. Она могла бы послужить моделью для плаката, рекламирующего идеальную жену. Она пугала меня совсем иначе, чем остальные вервольфы, и потребовалось немало времени, чтобы я это преодолела.

Хани осторожно переступила через обычную подростковую грудку вещей. Комната Джесси выглядела еще хуже, чем моя, то есть ну очень плохо.

— Ты должна что-то сделать, Мерседес, — негромко сказала она. Пока остальная стая на первом этаже, нас никто не услышит. — Вся стая встревожена, все раздражены и вспыльчивы... а Адам сегодня едва не сорвался. Тебе пора сделать выбор. Адам или Сэмюэль — неважно. Но не тяни. — Она замаялась. — Когда Адам объявил тебя своей подругой...

Ради моей безопасности, сказал он тогда, и, возможно, был прав. Лесные волки убивают койотов на своей территории, а у вервольфов территориальный инстинкт развит не меньше, чем у их младших братьев.

— Он меня не спрашивал, — с жаром перебила я. — Меня здесь не было, и я узнала, только когда дело было сделано. Это не моя вина.

Хани встряхнула гривой цвета меда и села рядом со мной. Если бы она видела пол, я думаю, она бы не села на него, хотя формально она по статусу ниже меня в стае (из-за того, что Адам объявил меня своей парой); но она слишком аккуратна, чтобы садиться на одежду.

— Я не говорю, что кто-то виноват, — сказала она. — Вина здесь ничего не меняет. Мы все это чувствуем — чувствуем, как слабеет стая. Ты можешь решительно отказаться от него, и положение вернется к норме. Или принять его, и положение тоже изменится — в лучшую сторону. Но до того...

Она пожала плечами.

Легко (даже мне, которая всю жизнь провела с ними) забыть, что в вервольфах есть магия и помимо умения менять облик. Думаю, это потому, что зрительно перемена очень впечатляет, а все остальное — внутреннее дело стаи и больше никого не касается.

Я себя не считаю членом стаи — а до сделанного Адамом объявления не считали и остальные.

Приемный отец говорил мне, что на каком-то уровне он всегда сознает присутствие остальных членов стаи. Вервольфы знают, когда кто-то из них в опасности; знают, когда вервольф умирает. Когда мой приемный отец покончил с собой, его тело долго искали, но стая знала, где искать. И я видела, как Адам призывает к себе стаю не только голосом, видела, как стая помогла ему избавиться от действия серебра, которое в противном случае убило бы его.

Я не сознавала, что Адам не просто так объявил меня своей парой, — не понимала до тех пор, пока не помогла Уоррену обуздать его волка: сам Уоррен был для этого слишком слаб. Тогда я обрадовалась, но не задумалась.

У меня заболела голова: такое со мной бывает от страха.

— Повтори и говори ясней.

— Объявив тебя своей парой, он пригласил тебя присоединиться к нам. Предложил тебе заполнить место, остававшееся пустым. Такое предложение — проявление слабости. Адам все держит в себе, но при этом один страдает от последствий своей слабости. Его волк знает об этой слабости, о месте, откуда может прийти опасность для всех нас, и потому он постоянно настороже, на грани срыва — все время. Мы это чувствуем и реагируем на это. — Она напряженно улыбнулась. — Вот почему я была так нелюбезна с тобой, когда Адам велел мне охранять тебя от вампиров. Я думала, ты играешь, а нас заставишь платить за проигрыш.

Нет. Никаких игр. Просто паника. Кого бы я ни выбрала: Адама или Сэмюэля, — я потеряю второго. А этого я не могла перенести.

— Все мы зависим от Альфы в своей способности жить с людьми, — сказала Хани. — У некоторых волков Адама жены — обычные женщины. Его сила воли помогает нам держать себя под контролем, особенно когда луна становится полной.

Я опустила гудящую голову на колени.

— О чем он думает? Черт побери!

Она потрепала меня по плечу — неловкий жест, который должен был передать сочувствие и желание утешить.

— Вряд ли он думает о чем-нибудь, кроме того, как бы завоевать тебя раньше, чем другой волк сделает это. Или убьет тебя.

Я бросила на нее недоверчивый взгляд.

— Что происходит? Неужели все спятили? У меня лет десять не было свиданий, а теперь Адам, и Сэмюэль, и... — Я вовремя прикусила язык, не назвав Стефана. Я не видела вампира с тех пор, как они с Волшебником убили двух невинных жертв, чтобы Марсилия не обвинила и не убила меня. Ну, Стефан не был моим любимчиком.

— Я знаю, почему Сэмюэль меня хочет, — сказала я Хани.

— Он думает, у вас могут быть дети, — и нельзя упрекать его в том, что ты нужна ему для практической цели. — Что-то в голосе Хани подсказало мне, что Сэмюэль ей нравится; возможно, не только моя «игра» с Адамом и стаяй вызывала ее недовольство. Но выражение ее лица сказало мне больше: она понимала точку зрения Сэмюэля, потому что сама хотела детей.

Не знаю, почему я заговорила с Хани. Я ее недостаточно знаю — и раньше недолюбливала. Возможно, потому, что никто другой не мог меня понять.

— Я не виню Сэмюэля за то, что он понял: меняющая облик и не зависящая при этом от луны может стать хорошей подругой, — очень тихо заговорила я. — Но он заставил меня влюбиться, не сказав, зачем я ему нужна. Не вмешайся Маруок, к шестнадцати годам я, вероятно, стала бы его подругой.

— В шестнадцать лет? — переспросила она.

Я кивнула.

— Питер намного старше меня, — сказала она, имея в виду своего мужа. — Было очень трудно. Но все же мне было не шестнадцать и... — Она задумчиво помолчала. Потом покачала головой. — Никогда не слышала, сколько лет Сэмюэлю, но он старше Чарльза, а Чарльз родился во времена Льюиса и Кларк^[36].

В ее голосе, по-прежнему очень тихом, чтобы не услышали другие вервольфы, прозвучали гневные нотки. Этот голос для меня был как бальзам, и я решилась сказать ей кое-что еще.

— Я довольна своей жизнью, — сказала я. — Случай с Сэмюэлем заставил меня порвать со стаяй и жить в мире людей. Я независима, моя работа мне нравится. Она, конечно, не слишком престижная, но мне нравится чинить вещи своими руками.

— И все же... — сказала она, выражая мою мысль.

Я кивнула.

— Совершенно верно. И все же... что, если бы я приняла его предложение? Конечно, я не нарастила бы такую личность, но Сэмюэль не из тех, кто до основания стирает личность своей жены. Я сама попала в беду подростком — конечно, он помог мне в нее попасть, но он же меня и вытащил.

— И ты была бы женой врача и могла бы поступать, как хочешь, — потому что Сэмюэль не такой ненормальный, как другие волки-доминанты.

Вот оно. Нет, не Сэмюэль. Она, как и большинство, видит в нем то, что хочет видеть. Мягкого, ласкового Сэмюэля. Ха.

Я всегда дивилась тому, что Хани так вышла замуж: ее муж в самом низу иерархии стаи, в то время как она доминантна и в этом отношении уступает только двум-трем самым сильным волкам. Поскольку на нее распространяется статус мужа, она оказалась в «пирамиде власти» гораздо ниже, чем если бы взяла в напарники Питера. Подчиненных

волков вообще не так уж много. Чтобы пережить перемену, нужен очень сильный характер, а это всегда связано с доминированием.

— Сэмюэль такой же ненормальный, как все они. Только лучше это скрывает, — сказала я. — А реальность такова, что он закутал бы меня в вату и оберегал от всего мира. Я никогда бы не выросла, не стала бы такой, как сейчас.

Она вздернула бровь.

— Не стала бы механиком? Ты зарабатываешь меньше минимума. Я видела чеки у Гэбриэля — он получает больше тебя.

Я ошиблась. Она никогда не поймет.

— Я владею собственным бизнесом, — сказала я, хотя понимала, что попытки объяснить, что это значит, напрасны. Я отвергла все, чего она хочет от жизни: статус — и в мире волков, и в мире людей — и деньги. — Я могу взять то, что не работает, и починить. Я способна стоять наравне с Адамом, а не падать на колени и смотреть в землю. Я сама ежедневно решаю, куда пойду, — да хоть на охоту за проклятым одержимым демоном-вампиrom, который едва не убил Уоррена. Я не сравниваю себя с вервольфами, но ты должна признать, что только я смогла с ним справиться. Вервольфы не могли. Вампиры и малый народ не смогли. Что, если бы я не смогла его убить? Сэмюэль никогда не позволил бы своей жене так рисковать.

И тут я кое-что поняла. Как ни страшно это было (а у меня есть тому доказательство — постоянные ночные кошмары), как безрассудно, а может, и смертельно опасно я ни поступила — я гордилась тем, что убила этих двух вампиров. Никто не мог это сделать. Только я.

Сэмюэль никогда не позволил бы мне ничего подобного.

Я не получила бы Сэмюэля, не отдав взамен то, что ценю превыше всего. Впервые в жизни я взглянула правде в глаза и поняла, что Сэмюэль никогда не станет моим.

Вопрос в том, будет ли Адам лучше в этом отношении. Если я выберу Адама, Сэмюэлю придется уйти. Часть меня все еще любит Сэмюэля, и я не готова отказаться от него.

Все так запуталось.

— Думаешь, Адам разрешил бы тебе пойти за этой тварью, если бы ты была его подругой? — недоверчиво спросила Хани.

Может быть.

— Голая не выйду, — тихо сказала Джесси.

И я поняла, что уже некоторое время в душе не шумит вода. И как Джесси подошла, я не слышала.

Джесси закуталась в одеяло, но дверь за собой закрыла очень быстро. Бросив осторожный взгляд на Хани, она забыла о ней.

— Я слышала последние слова, — сказала она. — Папа не велит мне лезть в его дела. Но, думаю, ты должна знать. Недавно он мне сказал: «Если время от времени не падать из самолета, никогда не научишься летать».

— Он приставил ко мне телохранителей, — сухо сообщила я.

Одним из них была Хани.

Джесси закатила глаза.

— Он неглуп. Но если тебе нужно будет что-то сделать, он тебя поддержит.

Я недоверчиво посмотрела на нее, и она снова закатила глаза.

— Ну хорошо, хорошо, он пойдет первым. Но он не погонит тебя за собой. Он так не

тратит ресурсы.

Когда Джесси исчезла, а Адам был слишком тяжело ранен, чтобы делать что-либо, он буквально приказал мне найти ее, хотя знал, что именно похитители едва не убили его. По какой-то причине это воспоминание помогло мне снова дышать свободно.

Зная все это, я не могла причинить боль Сэмюэлю. Мне казалось, однако, что отказ от Адама сломает меня.

Я вскочила.

— Я подумаю, — сказала я Джесси и сменили тему. — Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась и вытянула руку. Рука не дрожала.

— Все в порядке. Ты была права: горячий душ очень помог. Есть синяки, но в остальном все хорошо. И Гэбриэль помог. Он прав. Я защищалась лучше, чем они ожидали. Я понимаю, что теперь придется следить за ними и... — Ее улыбка стала шире, и рана на губе едва снова не разошлась. — Папа приставляет ко мне телохранителей.

Она произнесла это с таким же раздражением, как я.

Глава седьмая

Мне кажется, что иногда расстояние между домом Адама и моим меняется. Час назад или чуть раньше мне потребовались мгновения, чтобы добраться до него от своих дверей. Сейчас я долго шла домой — в расстроенных чувствах.

Сэмюэля я не выберу. Не потому, что не верю ему, — напротив, я доверяю ему абсолютно. Он окружит меня любовью и заботой, а потом я отгрызу себе руку, чтобы освободиться... и при этом я не одна буду страдать. Сэмюэль и без меня достаточно настрадался.

Когда я расскажу ему о своих чувствах, он уйдет.

Я надеялась, что он еще не вернулся, но его машина стояла рядом с моим выкрашенным в цвет ржавчины «кроликом». Я остановилась на подъездной дороге, но было уже поздно. Он знает, что я снаружи.

Сегодня я ему не скажу, подумала я. Сегодня я его не потеряю. Но скоро. Очень скоро.

Уоррен и Хани правы. Если вскоре ничего не сделать, прольется кровь. Доказательством удивительного самообладания Адама и Сэмюэля было то, что это не произошло до сих пор. В глубине души я знала: если дойдет до схватки, один из них умрет.

Новую утрату Сэмюэля я перенесу, но не перенесу, если стану причиной его смерти. Я была уверена, что в схватке с Адамом погибнет именно Сэмюэль. Не потому, что Адам более сильный боец. Я однажды видела, как Сэмюэль сражается с десятью, и он знал, что делал. Но у Адама есть безжалостность, которой не хватает Сэмюэлю. Адам солдат, убийца, а Сэмюэль — целитель. Он будет сдерживаться, пока не станет слишком поздно.

Забранная решеткой дверь дома скрипнула, и я посмотрела в серые глаза Сэмюэля. Он не красавец, но в его продолговатом лице и каштановых волосах красота гораздо более глубокая.

— Почему у тебя такой вид? — спросил Сэмюэль. — Что-нибудь неладно в доме Адама?

— Несколько нетерпимых подростков побили Джесси, — сказала я. Я не солгала. Сэмюэль не поймет, что я отвечала на его второй вопрос, а не на первый.

На мгновение на его лице появилось гневное выражение: ему тоже нравится Джесси. Но вернулся самоконтроль, и доктор Корник был готов исполнять свои профессиональные обязанности.

— С ней все в порядке, — сказала я, прежде чем он успел о чем-нибудь спросить. — Несколько синяков и оскорбленные чувства. Мы слегка тревожились, потому что Адам был готов убить, но, думаю, сейчас он успокоился.

Сэмюэль спустился с порога и коснулся моего лица.

— Несколько неприятных минут, и все. Пожалуй, лучше схожу посмотрю на Джесси.

Я кивнула.

— А я что-нибудь приготовлю на ужин.

— Нет, — сказал он. — Судя по твоему виду, тебе стоит взбодриться. Адам в ярости, Зи за решеткой — и все в один день. Многовато, пожалуй. Приведи себя в порядок, и я отведу тебя туда, где пицца и общество.

Пиццерия была забита людьми с музыкальными инструментами. Я взяла стакан

шпички, пиво для Сэмюэля и отправилась на поиски двух мест, пока он расплачивался.

Заканчивался вечер субботы — последний вечер фестиваля. «Перекасти-поле» закрылось, и все участники и организаторы собрались здесь, пообщаться в последний раз. Они пригласили Сэмюэля, а Сэмюэль — меня. Толпа производила внушительное впечатление, и свободных мест было мало.

Пришлось садиться за занятый стол, где нашлось два свободных стула. Я наклонилась и приблизила губы к уху мужчины, сидевшего ко мне спиной. Жест слишком интимный для незнакомца, но выбора не было. Человеческое ухо не расслышало бы мои слова в общем гуле.

— Эти места не заняты? — спросила я.

Мужчина поднял голову, и я поняла, что он мне знаком, причем на двух уровнях. Во-первых, это тот, кого не устроил валлийский Сэмюэль, Тим Как-его-бишь, с центральноевропейской фамилией. Во-вторых, он из числа тех, кто побывал в доме О'Доннелла. Человек с Одеколоном.

— Нет-нет, — громко ответил он.

Возможно, это совпадение. В Тройном городе тысяча мужчин может пользоваться таким одеколоном; может, иным этот запах кажется не таким скверным, как моему носу.

Это тот самый человек, который знает эльфийский язык Толкина и валлийский (хотя хуже, чем ему кажется, судя по тому, что он критиковал Сэмюэля). Вряд ли подходящие качества для фанатика, ненавидящего малый народ. Скорее это поборник малого народа, один из тех, кто приносит кучу денег владельцам баров для малого народа в резервации Уолла-Уолла; именно такие люди превратили резервации в Неваде во второй Лас-Вегас.

Я поблагодарила его и села на стул поближе к стене, оставив другой для Сэмюэля. Может, этот Тим не из друзей О'Доннелла из «Светлого будущего». Может, он убийца — или полицейский.

Я вежливо улыбнулась и внимательнее пригляделась к нему. Он в хорошей форме, но определенно человек. И без топора обезглавить другого человека не может.

Значит, он не из «Светлого будущего», не убийца. Либо у него такой же дурной вкус к одеколону, как у того, кто побывал в доме О'Доннелла, либо он полицейский.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Меня зовут Тим Миланович, — он почти кричал, чтобы перекрыть общий гул. Протягивая руку к пиву и пицце, он представил своего соседа: — А это мой друг Остин Саммерс.

— Мерседес Теймпсон.

Я пожала руку ему и второму молодому человеку. Этот второй — Остин Саммерс — оказался интереснее Тима Милановича.

Будь он вервольфом, был бы среди доминантов. В нем есть притягательность опытного политика. Он не настолько красив, чтобы это бросалось в глаза, но выглядит неплохо — как опытный футболист. Недлинные каштановые волосы чуть светлее моих; карие глаза завершают картину. Он на несколько лет моложе Тима, подумала я, но понятно, почему Тим держится его.

Было слишком тесно, чтобы я могла хорошо разобрать запах Остина, сидящего за столом напротив меня, но я зачем-то поднесла руку, которой пожимала его руку, поближе к носу — и неожиданно вечер превратился во что-то гораздо более интересное, чем средство позабыть о своих горестях.

Этот человек был в доме О'Доннелла — и теперь я знала, почему запах одного из нападавших на Джесси показался мне знакомым.

Запах — очень сложное явление. Это обозначение одного-единственного носителя и одновременно смесь большого числа запахов. Большинство людей постоянно пользуется одинаковыми шампунями, дезодорантами и зубной пастой. Они моют квартиры одинаковыми средствами; при стирке пользуются одними и теми же стиральными порошками и ополаскивателями. Все это входит в их индивидуальный запах и делает его отличимым.

Нападал на Джесси не Остин. Он для этого недостаточно молод, уже по крайней мере несколько лет как окончил школу, но он живет в том же доме. Любовник или брат, подумала я и поставила на брата.

Остин Саммерс. Это имя я не забуду и постараюсь выяснить адрес. А не мальчиком ли по, фамилии Саммерс увлеклась Джесси в прошлом году? До того вервольфы перестали скрывать свое существование. Когда Адам считался всего лишь более-менее состоятельным бизнесменом. Джон, Джозеф... что-то библейское... Джейкоб Саммерс. Это был он. Неудивительно, что Джесси так расстроилась.

Я отпила шипучки и посмотрела на Тима, который ел пиццу. Готова поставить последний грош, что он не полицейский — он не ведет себя как полицейский, и не привык носить пистолет. Даже без оружия полицейские всегда немного пахнут порохом.

А то, что Тим Человек с Одеколоном, сводило к нулю вероятность того, что он полицейский. Что же любитель кельтских народных песен и языков делал в доме человека, ненавидевшего кельтский малый народ?

Я улыбнулась Тиму и искренне сказала:

— На самом деле, мистер Миланович, мы встречались в эти выходные. Вы говорили с Сэмюэлем о его выступлении.

В некоторых местах меня могли бы запомнить из-за туземного цвета кожи, но только не в Тройном городе, где меня не отличить от недавно появившихся латиноамериканцев.

— Зовите меня Тим, — сказал он, лихорадочно стараясь вспомнить меня.

От полного замешательства его спасло появление Сэмюэля.

— Вот ты где, — сказал он, вежливо извинившись перед кем-то, пытавшимся протиснуться в противоположном направлении. — Прости, Мерси, что так долго, но пришлось тут кое с кем поговорить. — Он поставил на стол, рядом с пиццей Тима маленький красный пластиковый флажок с черным числом 34. — Мистер Миланович, — сказал он, садясь рядом со мной. — Рад снова вас видеть.

Конечно, Сэмюэль помнит, как зовут Тима: он такое не забывает. Тиму польстило, что его узнали; это было написано у него на лице.

— А это Остин Саммерс, — сказала я очень громко — без всякой необходимости, потому что у Сэмюэля слух не хуже моего. — Остин, познакомьтесь с народным исполнителем и врачом доктором Сэмюэлем Корником.

Я вчера слышала, как его так представляли, и видела, что ему это очень не понравилось. Теперь я могла это использовать.

Сэмюэль раздраженно посмотрел на меня и с улыбкой повернулся к тем, с кем мы делили столик.

Я продолжала невинно улыбаться, скрывая торжество из-за того, что сумела ему досадить, а Сэмюэль и Тим углубились в обсуждение общих тем в английских и валлийских

народных песнях; Сэмюэль был очарователен, Тим педантичен. Чем дольше они беседовали, тем меньше говорил Тим.

Я заметила, что Остин наблюдает за своим другом и Сэмюэлем с тем же приятным выражением на лице, что и у меня, и подумала: что скрывается под этим выражением?

Рослый мужчина влез на стул и громко свистнул; такой свист заставил бы замолчать и гораздо большую толпу. Когда все затихли, он приветствовал нас и сказал несколько слов благодарности людям, ответственным за проведение «Перекасти-поля».

— Ну ладно, — продолжал он. — Вы все слушали «Мошенников»... — Человек наклонился, поднял бодран, полил его водой из бутылочки, а потом с небрежным видом, всегда привлекающим внимание, побрызгал водой собравшихся. — «Мошенники» поют у нас с самого первого «Перекасти-поля» — и я знаю о них кое-что такое, чего вы не знаете.

— Что? — закричал кто-то из толпы.

— У их главной певицы Сандры Хеннеси сегодня день рождения. И не просто день рождения.

— Ну я тебе покажу, — послышался женский голос. — Берегись, Джон Мартин!

— Сегодня Сандре исполняется сорок лет. Думаю, она заслужила песню в такой день, как вы считаете?

Толпа разразилась аплодисментами, которые быстро сменились выжидательной тишиной.

— *С днем рожденья! С днем рожденья!*

Он пропел это на мотив первых нот «Дубинушки» — пропел великолепным глубоким басом, который не нуждался в микрофоне, чтобы разнестись над толпой, а потом ударил в барабан небольшим симметричным молотом. *БАМ.*

Это твой день рождения.

БАМ.

Мрак, тоска, отчаянье,

Жизни окончание,

С днем рождения!

БАМ.

С днем рожденья!

И вся толпа, включая Сэмюэля, с энтузиазмом подхватила мрачный траурный мотив.

В помещение набилось больше ста человек, большинство — профессиональные музыканты. Весь ресторан вибрировал, как камертон: глупая песня превратилась в торжественный хорал.

Начавшись, музыка не смолкала; к барабану присоединились гитары, банджо, скрипки и пара ирландских свистков. Как только кончалась одна песня, кто-нибудь вставал и запевал другую, а толпа хором подхватывала.

У Остина оказался приятный тенор. Тим не попал бы в такт, даже если бы от этого зависела его жизнь, но вокруг было столько поющих, что это не имело никакого значения. Я пела, пока не приняли нашу пиццу, потом стала есть, а все продолжали петь.

Наконец я отправилась снова наполнить стакан содовой, а когда вернулась, Сэмюэль у кого-то занял гитару и первым затянул в дальнем конце помещения разудалую соленую песню пьяниц.

За столом оставался только Тим.

— Нас все бросили, — сказал он. — Вашего доктора Корника попросили поиграть, а Остин пошел к машине за гитарой.

— Я кивнула.

— Стоит ему запеть... — я неопределенно показала в сторону Сэмюэля, — это надолго.

— Вы встречаетесь? — спросил он, повертел в пальцах расписную чашку и поставил ее на стол.

Я повернулась и посмотрела на Сэмюэля, который теперь пел один. Его пальцы летали по грифу гитары, на лице была широкая улыбка.

— Да, — солгала я. Хотя это никогда не будет правдой. Но проще сказать «да», чем объяснять нашу ситуацию.

— Он очень хороший музыкант, — сказал Тим. И, понизив голос так, чтобы я не могла услышать, добавил: — Некоторым достается все.

Я повернулась к нему и спросила:

— О чем это?

— Остин тоже очень хороший гитарист, — торопливо заговорил он. — Он пытался меня научить, но у меня обе руки левые.

Он улыбнулся, как будто это совершенно неважно, но складки у глаз говорили о горечи и зависти.

Интересно, подумала я. Нельзя ли это использовать, чтобы вытянуть из него информацию?

— Я понимаю, что вы чувствуете, — призналась я, прихлебывая шипучку. — Я в общем-то выросла с Сэмюэлем. — Конечно, он во много раз меня старше. — Я могу сыграть на пианино, если меня заставят. Могу даже спеть в такт. Но сколько бы я ни упражнялась... — на самом деле нисколько, — ...у меня никогда не получалось так хорошо, как у Сэмюэля. А ведь у него не было никакой практики. — Я позволила прозвучать в голосе нотке зависти — точно такой, как у него. — Ему все достается легко.

Зи запретил мне помогать ему.

Дядюшка Майк велел не соваться в это дело.

Но я никогда не слушалась приказов — спросите кого угодно.

Тим посмотрел на меня, и я поняла, что он впервые увидел во мне личность.

Я спросила, где он научился валлийскому, и он оживленно принялся рассказывать.

Как все, у кого мало друзей, он не владел искусством общения, но был умен и при этом одержим и забавен. Огромные познания и очарование Сэмюэля заставили Тима замкнуться. Но благодаря Некоторому подбадриванию и, пожалуй, двум стаканам пива Тим расслабился и бросил попытки произвести на меня впечатление. Но прежде чем я это поняла, я обнаружила, что совсем забыла о своих тайных намерениях и увлеклась спором о сказаниях о короле Артуре.

— Все эти истории исходят от двора Элеоноры Аквитанской^[37], — убежденно говорил Тим. — Они должны были научить людей цивилизованному поведению.

Кто-то в другом углу громко, но фальшиво пропел: *«Король Луи был французским королем до ре-во-лю-ции!»*

— Конечно, — сказала я. — Например, как обмануть мужа с его лучшим другом. Или что единственный способ найти любовь — адюльтер. Ах, эта добродетель цивилизованных.

Тим улыбнулся моей шутке, но вынужден был подождать, пока вся толпа не проорала:

— *Вей холл эвей, хол эвей Джо!*

— Конечно, нет, — сказал он, — но все же люди должны стараться самосовершенствоваться и поступать правильно.

— *Но потом ему отрубили голову и приняли конституцию!*

Пришлось поторопиться, чтобы успеть сказать раньше, чем грянет хор:

— Например, спать с сестрой и самому вызывать свое падение.

— *Вей холл эвей, хол эвей Джо!*

Он раздраженно фыркнул.

— Сюжет о короле Артуре во всем Артуровом цикле не единственный и даже не самый важный. Более популярными были Парсеваль, Гавейн и с полдесятка других.

— Ну хорошо, — сказала я. Мы постепенно привыкали друг к другу, и музыка перестала нам мешать. — Согласна, героические деяния описаны достойно, но то, как рисуют женщин, полностью соответствует тогдашнему мнению церкви. Женщина уводит мужчину с праведного пути и предаст тебя, как только ты ей доверишься. — Он начал что-то говорить, но я еще не высказала мысль и не стала останавливаться. — А женщин-то не виноваты — они так поступают по врожденной слабости.

На самом деле я знала, что это вздор, но мне нравилось дразнить его.

— Это упрощение, — горячо сказал он. — Может быть, популярная версия, которая пересказывалась в середине двенадцатого века, в основном игнорирует женщин. Но почитайте оригинальных авторов вроде Гартмана фон Ауэ или Вольфрама фон Эшенбаха. Их женщины реальные личности, а не просто отражение церковных идеалов.

— Эшенбах — согласна, — сказала я. — Но фон Ауэ — нет. Его «Ивейн» — роман о рыцаре, который отказался от приключений из любви к жене и должен за это заплатить. Поэтому он освобождает женщин, чтобы вернуть себе подлинно мужской статус. Пф! Ни одна из этих женщин не в состоянии освободиться сама. — Я помахала рукой. — И вы не можете отрицать, что весь артуровский цикл основан на истории короле Артура, который женится на самой прекрасной в мире женщине. А она спит с его лучшим другом — и тем самым приводит к гибели двух величайших рыцарей и вызывает падение Камелота, точно так же как Ева вызвала грехопадение человека. Дева Мэрион спасается от сэра Гая Гисборна; она убегает, убивает оленя и обманывает Робина, переодевшись мужчиной^[38].

Он рассмеялся, и этот привлекательный звук как будто удивил его самого не меньше, чем меня.

— Ладно. Сдаюсь. Гинебра была неудачницей.

Его улыбка медленно погасла, он посмотрел за меня

Сэмюэль положил мне на плечо руку и склонился ко мне.

— Все в порядке?

Голос его звучал чуть напряженно, и это заставило меня повернуться и с опаской посмотреть на него.

— Я пришел спасти тебя от скуки, — сказал он, глядя на Тима.

— Мне не скучно, — заверила я, похлопав его по руке. — Иди пой.

Тогда он посмотрел на меня.

— Иди, — твердо сказала я. — Тим меня развлекает. Я знаю: у тебя мало возможностей поиграть с другими музыкантами. Иди.

Сэмюэль не из тех, кто выставляет свои чувства напоказ. Поэтому он застал меня врасплох, когда наклонился и поцеловал в губы. Начинался этот поцелуй, конечно, ради

Тима, но так было очень недолго.

Однажды Сэмюэль сказал, что, когда живешь долго, есть время попрактиковаться.

От него пахло Сэмюэлем, чистотой и свежестью, и, хоть он давно не был в Монтане, — домом. Гораздо лучше, чем одеколон Тима.

И все же... все же...

Только сегодня днем, разговаривая с Хани, я признала, что у моих отношений с Сэмюэлем нет будущего. И это признание прояснило еще кое-что.

Я любила Сэмюэля. Любила всем сердцем. Но не хотела навсегда связывать с ним свою жизнь. Даже не будь Адама, я чувствовала бы то же самое.

Почему же я так долго этого не признавала?

Потому что Сэмюэль нуждался во мне. За пятнадцать лет, отделявших тот день, когда я убежала от него, прошлой зимы, когда я снова его увидела, что-то в Сэмюэле сломалось.

Старые вервольфы очень уязвимы. Многие сходят с ума, и их приходится убивать. Другие чахнут, отказываются есть — а голодный вервольф чрезвычайно опасен.

Сэмюэль по-прежнему все говорил и делал правильно, но иногда мне начинало казаться, что он следует какому-то сценарию. Как будто думает, что вот это меня тревожит, или об этом следует позаботиться, и начинает действовать, но недостаточно энергично или с небольшим опозданием. А когда я в обличье койота, острое чутье говорит мне, что Сэмюэль нездоров.

Я до смерти боялась, что, если скажу ему, что никогда не приму его в качестве пары, он уйдет куда-нибудь и умрет.

Отчаяние заставило меня ответить на его поцелуй чересчур страстно.

Я не могу потерять Сэмюэля.

Он с легким удивлением во взгляде оторвался от меня. В конце концов, он ведь вервольф: он, несомненно, учуял мою печаль. Я протянула руку и коснулась его щеки.

— Сэм, — сказала я.

Он очень важен для меня, и я его потеряю. Сейчас или позже, когда погублю нас обоих, выбираясь из мягкой заботы, которой он меня окружил.

У него было торжествующее выражение, но оно сменилось более мягким, когда я произнесла его имя.

— Знаешь, ты единственная так меня называешь — и только когда расчувствуешься, — прошептал он. — О чем ты думаешь?

Иногда Сэмюэль слишком умен и проницателен.

— Иди играй, Сэм, — я оттолкнула его. — Все будет в порядке.

Я надеялась, что говорю правду.

— Хорошо, — негромко согласился он и все уничтожил, самодовольно улыбнувшись Тиму. — Поговорим позже.

Обозначил свою территорию перед самцом-соперником.

Я с виноватой улыбкой повернулась к Тиму, но улыбка замерла, когда я увидела, что он смотрит так, будто его предали. Он тут же скрыл это выражение, но я уже поняла.

Будь оно все проклято.

Я ведь ввязалась в беседу с определенной целью, но разговор заставил меня начисто забыть, чем я занимаюсь. Иначе я была бы осторожнее. Мне нечасто выпадает возможность достать свой диплом историка и стряхнуть с него пыль. Тем не менее мне следовало понять, что для Тима этот разговор значит гораздо больше, чем для меня.

Он считал, что я сним флиртую, тогда как я просто развлекалась. Ас такими людьми, как Тим, неловкими и непривлекательными по большинству мерок, заигрывают нечасто. И они не знают, насколько серьезно это воспринимать.

Будь я красоткой, могла бы спохватиться скорее или была бы более осторожна — или Тим был бы больше настороже. Но моя смесь крови не дала таких результатов, как у Даррила, второго в стае после Адама: Даррил африканец по отцу и китаец по матери, а у меня смешались кровь англосаксов и кровь туземная, североамериканская. У меня лицо матери, и оно кажется странным при темной коже, унаследованной от отца.

Тим неглуп. Как все люди, которые не очень вписываются в окружение, он, должно быть, еще в школе понял, что если кто-то красивый уделяет тебе внимание, дело нечисто.

Я неплохо выгляжу, но я не красива. Я могу привести себя в порядок, но обычно не забочусь об этом. Сегодня у меня чистая одежда, но никакой косметики, и причесывалась я не слишком старательно, лишь бы волосы в лицо не лезли.

Должно быть совершенно ясно, что разговор мне нравится — до того, что я даже забыла о своей цели: собрать информацию о людях из «Светлого будущего».

Все это пронеслось у меня в голове за то время, которое потребовалось Тиму, чтобы убраться с лица выражение боли и гнева. Впрочем, все это неважно. Я по-прежнему не представляю себе, как выйти из положения, не обидев его — он этого не заслуживает.

И он мне нравится. Стоит ему преодолеть свои комплексы (на что потребовались и некоторые усилия с моей стороны), он становится забавным, умным и готов уступать мне без спора — особенно когда я считаю, что прав он. Это делает его лучше меня.

— Немного собственник? — сказал он. Голос звучал небрежно, но глаза оставались пустыми.

На столе лежал засохший кусочек сыра; я повертела его в пальцах.

— Обычно с ним комфортно, но мы слишком давно знакомы. Он понимает, когда мне хорошо. — Вот, подумала я, подачка твоему эго. — У меня с самого колледжа не было таких бесед.

Ведь я не могла объяснить ему, не смущая нас обоих, что не заигрывала с ним специально. Такое объяснение ближе всего к истине.

Он бледно улыбнулся, хотя до глаз улыбка не дошла.

— Большинство моих друзей не отличат де Труа от Мэлори.

— Я никогда не читала де Труа. — Вероятно, самый знаменитый из средневековых авторов, писавших об Артуре. — Я изучала средневековую Германию, а де Труа француз^[39].

Он пожал плечами... потом покачал головой и глубоко вздохнул.

— Простите. Я не хотел выплескивать на вас свое дурное настроение. Вчера убили одного моего знакомого. Мы не были близки или что-нибудь, но... Никак не подумаешь, что человека могут так убить. Остин привел меня сюда, потому что считал, что нам обоим это не помешает.

— Вы знали охранника из резервации? — спросила я.

Теперь нужна осторожность. Не думаю, чтобы мои отношения с Зи стали общеизвестны, но и лгать не хочется. Не хочу обижать его больше, чем уже успела.

Он кивнул.

— Хоть он и был придурок, но такой смерти не заслуживал.

— Я слышала, взяли кого-то из малого народа. Считают, что он виноват. Ужасная история. Любого выбьет из колен.

Он посмотрел мне в лицо, кивнул.

— Послушайте, — сказал он, — вероятно, мне нужно забрать Остина и уходить. Уже почти одиннадцать, а ему завтра к шести на работу. Но если вам интересно, мы с друзьями собираемся по средам вечером, в шесть. На этой неделе все необычно — раньше мы встречались у О'Доннелла. Мы говорим об истории и фольклоре. Думаю, вам понравится. — Он поколебался и торопливо добавил: — Это местное отделение общества «Светлое будущее».

Я откинулась на спинку.

— Ну, не знаю...

— Мы не громим бары. Ничего такого, — сказал он. — Просто разговариваем и пишем своим конгрессменам... — он неожиданно улыбнулся, и улыбка осветила его лицо, — а также конгрессменкам. Проводим исследования.

— Разве не странно? — спросила я. — Я хочу сказать, вы знаете валлийский и, совершенно очевидно, разбираетесь в фольклоре. А те из Общества, кого я знаю, обычно...

— Обычно любят малый народ, — закончил он деловым тоном. — Они едут в отпуск в Неваду, толкуются в барах для малого народа и платят проституткам из иных, чтобы те дали им ненадолго почувствовать себя не вполне людьми.

Я подняла брови.

— Жестокая характеристика.

— Они идиоты, — ответил он. — Читали когда-нибудь оригинал братьев Гримм? Малый народ — это вовсе не большеглазые добрые садовники и домовые, жертвующие собой ради детей, которых им поручили беречь. Они живут в лесу в пряничных домиках и поедают детей, которых заманивают к себе. Они увлекают корабли на скалы и топят уцелевших моряков.

«Вот и мой шанс, — подумала я. — Проверить эту группу, чтобы узнать что-нибудь полезное для Зи? Или ловко уклониться и не травмировать этого хрупкого — и знающего человека?»

Зи мой друг, и он погибнет, если кто-нибудь что-нибудь не предпримет. Насколько мне известно, я единственная, кто в состоянии хоть что-то сделать».

— Это все сказки, — сказала я с необходимой толикой нерешительности.

— Библия тоже, — серьезно ответил он. — И любая из прочитанных вами исторических книг. Эти сказки передавались из уст в уста людьми, не умевшими ни читать, ни писать, в качестве предупреждения. Эти люди хотели, чтобы их дети поняли: малый народ опасен.

— Нет ни одного доказанного случая убийства или вообще причинения людям вреда малым народом, — сказала я, повторяя официальное утверждение. — Ни разу за все годы с тех пор, как они официально заявили о себе.

— Хорошие адвокаты, — задумчиво сказал он. — И подозрительные самоубийства иных, которых нельзя держать за железной решеткой.

Он убедителен — потому что прав.

— Послушайте, — сказал он. — Малый народ не любит людей. Мы для него ничто. До появления христианства и доброй стали мы были недолговечными куклами, склонными усиленно размножаться. А после стали опасными недолговечными куклами. У них сила, Мерси, у них магия, способная творить невероятные вещи. И все это есть в сказках.

— Тогда почему они нас не перебили? — спросила я. Вопрос не пустой. Я долгое время над этим думала. По словам Зи, Серые Повелители необычайно могущественны. Если

христианство и железо для них такое проклятие, почему нас всех не извели?

— Мы им нужны, — ответил он. — Малый народ размножается с трудом, если вообще на это способен. Чтобы сохранить свою расу, им нужны смешанные браки. — Он положил обе руки на стол. — И именно за это они ненавидят нас больше всего. Они горды, высокомерны и ненавидят нас. Потому что мы им нужны. А как только эта необходимость исчезнет, они избавятся от нас, как мы избавляемся от тараканов или мышей.

Мы посмотрели друг на друга — и он понял, что я ему верю, потому что достал из заднего кармана небольшой блокнот и вырвал из него листок.

— Встреча в среду у меня на квартире. Вот адрес. Думаю, вам следует прийти.

Он взял мою руку и вложил в нее листок.

Когда его рука легла на мою, я почувствовала приближение Сэмюэля. Он положил руку мне на плечо.

Я кивнула Тиму.

— Спасибо за компанию. Вечер был очень интересный. Еще раз спасибо.

Прежде чем отпустить мое плечо, Сэмюэль сильнее сжал его. И пошел за мной, когда я направилась к выходу из пиццерии. Открыл передо мной дверцу своей машины, потом сел на место шофера.

Молчать было не в его характере — и это меня встревожило.

Я начала что-то говорить, но он поднял руку: просьба помолчать. Он не был сердит, и это меня удивило: значит, перед Тимом он играл. Но он не заводил мотор и не трогался с места.

— Я люблю тебя, — сказал он наконец с несчастным видом.

— Знаю. — В животе появились тугие узлы, и я забыла о Тиме и «Светлом будущем». Мне не хотелось делать это сейчас. Не хотелось никогда. — Я тоже тебя люблю.

Мой голос звучал не бодрее, чем его.

Он вытянул шею, и я слышала, как щелкнули позвонки.

— Так почему я прямо сейчас не разорву этого обтрепанного ублюдка на куски?

Я с трудом сглотнула. Ловушка? Есть ли верный ответ на этот вопрос?

— Хм-м. Ты не кажешься сердитым, — заметила я.

Он ударил по приборному щитку своей очень дорогой машины так стремительно, что я не увидела движение его руки. Не будь обивка кожаной, он разорвал бы ее.

Я хотела сказать что-нибудь забавное, но решила, что момент неподходящий. С шестнадцати лет я кое-чему научилась.

— Вероятно, я ошиблась.

Нет. Ничему я не научилась.

Он медленно повернул ко мне голову, его глаза стали жесткими осколками льда.

— Ты смеешься надо мной?

Я зажала рот рукой, но ничего не могла сделать. Плечи у меня задрожали, потому что я неожиданно поняла ответ на его вопрос. И это объяснило мне, почему его так беспокоит отсутствие припадка смертоносного гнева. Как и мне, Сэмюэлю сегодня вечером было откровение — и ему оно не понравилось.

— Прости, — сказала я. — Провал, верно?

— Что?

— Ты разработал замечательный план. Пробираешься в мой дом и старательно соблазняешь меня. Но ты не настолько хочешь меня соблазнить. На самом деле ты хочешь

только, чтобы мы обнимались, играли и дразнили друг друга. — Я улыбнулась ему, и он должен был почувствовать охватившее меня облегчение. — Я не любовь всей твоей жизни; я только из твоей стаи — разве это тебя не злит?

Включая двигатель, он произнес что-то очень неприличное — старое английское слово. Я захихикала, и он снова выругался.

То, что на самом деле он не рассматривает меня как пару, отвечает на множество вопросов. И еще говорит мне, что Бран, хоть он и Маррок и отец Сэмюэля, не знает всего, пусть все окружающие считают, что знает. Это Бран сказал мне, что волк Сэмюэля выбрал меня себе в пару. Он ошибался: я утру ему нос, когда увижу в следующий раз.

Теперь я знала, почему Сэмюэль мог сдерживаться столько месяцев и не нападал на Адама. Я относилась самоконтроль Сэмюэля на счет того, что он более доминантный волк, чем большинство волков на этой планете. А подлинный ответ заключался в том, что я — не Пара Сэмюэлю. И поскольку он доминантнее Адама, ему, если он не хотел драться, гораздо лучше Адама удавалось удерживаться от этого.

Сэмюэль хотел меня не больше, чем я хотела его — хотел не так. Нет, физическое влечение присутствовало, много искр и шипения. Удивительно!

— Эй, Сэм, — спросила я, — если ты не хочешь меня в пару, почему твой поцелуй меня зажигает?

Почему теперь, когда первый порыв облегчения миновал, я вдруг обиделась: чего это он не хочет меня себе в пару?

— Будь я человеком, огня между нами вполне хватило бы, — сказал он. — Проклятый волк пожалел тебя и решил остановиться.

Полная чушь!

— Не поняла?

Он посмотрел на меня, и я осознала, что он еще сердит: в его глазах сверкала ледяная ярость. У волка Сэмюэля снежно-белые глаза, приводящие людей в ужас.

— На что ты сердишься?

Он остановил машину на обочине и долго сидел, глядя на большой хозяйственный магазин.

— Послушай, я знаю: мой отец подолгу убеждает новых волков, что человек и волк — две половинки одного целого, но на самом деле это неправда. Просто с таким убеждением легче жить, да и потом почти всегда так и есть, поэтому особого значения не имеет. И все же мы разные: человек и волк. Мы думаем по-разному.

— Понимаю.

Это я могла понять. Мои инстинкты койота часто сопротивляются тому, что я собираюсь сделать. Он закрыл глаза.

— Когда тебе было четырнадцать, и я понял, какой дар упал мне в руки, я показал тебя волку, и он одобрил. Оставалось только убедить тебя — и себя. — Он повернулся, посмотрел мне прямо в глаза, коснулся рукой щеки. — Для настоящего спаривания даже неважно, любит ли человеческая часть. Взгляни на моего отца. Он презирает свою пару, но его волк решил, что достаточно долго пробыл в одиночестве. — Он пожал плечами. — Может, он и прав: когда умерла мать Чарльза, я думал, что и отец умрет от тоски.

Все знают, как Бран любил свою жену-индианку. Наверно, отчасти поэтому его нынешняя пара, Ли, бесится.

— Значит, пару подбирает волк, — сказала я. — И тащит за собой человека, хочет тот

или нет.

Он улыбнулся.

— Ну, не все так плохо — пожалуй, кроме случая с отцом, хотя он никогда слова против Ли не сказал. И никому не позволял и не позволяет плохо говорить о ней в его присутствии. Но мы о ней просто не говорим.

— И ты нацелил своего волка на меня, — сказала я, — когда мне было *четырнадцать*.

— Не дожидаясь, пока тебя заберет кто-нибудь другой. Я был не единственным старым волком в стае отца. А четырнадцать лет в старину — вполне подходящий возраст, чтобы выйти замуж. Я не хотел соперничества. — Он опустил окно и позволил прохладному ночному воздуху проникнуть в дорогую машину. Шум дорожного движения сразу стал намного громче. — Я ждал, — прошептал он. — Я знал, что ты слишком молода, но... — Он покачал головой. — Когда ты убежала, это было сущее наказание. Мы оба это знали, волк и я. Однажды в полнолуние я обнаружил, что я за Портлендом — туда нас увел волк. *Потребность*... мы бежали до самого Техаса, чтобы не было случайной встречи. Без этой дальней пробежки... не знаю, позволил бы я тебе уйти или нет.

Значит, Бран все-таки был прав относительно Сэмюэля. Я не могла видеть выражение его лица и накрыла его руку своей.

— Прости, — сказала я.

— Тебе нечего просить прощения. Ты не виновата. — Улыбка Сэмюэля стала кривой, и он почти до боли сжал мою руку. — Обычно все получается гораздо лучше. Волк терпелив и способен приноравливаться. Обычно он ждет, пока человеческая часть не влюбится в кого-нибудь, тогда и он предъявляет свои претензии. Иногда годы спустя после женитьбы. Я сознательно отступился и наказан за это. Но это не твоя вина. Я знал все заранее.

Есть что-то очень тревожное, когда ты обнаруживаешь, что ты считала себя докой в чем-то, а на самом деле ничего не знаешь. Я выросла с волками — но все, что он говорил, было для меня ново.

— И твой волк больше меня не хочет?

Звучало очень жалко. Мне не нужен был его смех, чтобы удостовериться.

— Тупица, — сказала я, пихая его.

— А я считал, что ты выше этого девчоночьего вздора, — сказал он. — Ты ведь не хочешь меня в пару, Мерси, почему же тебя расстроило то, что волк наконец признал свое поражение?

Если бы он понимал, как отчетливо его последние слова показали мне: ему очень больно оттого, что я его отвергла, — он прикусил бы язык. Что лучше, говорить об этом или просто смолчать, опустить?

Эй, я, может, и механик и не часто пользуюсь косметикой, но я все равно девушка. Пора этим воспользоваться.

Я толкнула его.

— Я тебя люблю.

Он скрестил руки на груди и откинулся, чтобы смотреть на меня, не поворачивая шеи.

— Да?

— Да. Ты страстен, ты прекрасно целуешься. Если бы твой отец не вмешался, я бы много лет назад убежала с тобой.

Улыбка исчезла с его лица. Я не могла понять, о чем он думает. Не помогали ни глаза, ни нос — обычно мой лучший подсказчик. Возможно, он смущен не меньше меня.

— Но сейчас я совсем другая, Сэмюэль. Я слишком долго заботилась о себе сама, чтобы переложить это на другого. Девушка, которую ты знал, верила, что ты создашь для нее мир, где ее место, — и не ошиблась бы. — Следует говорить точно и определенно. — Но я сама сотворила свой теперешний мир и при этом сильно изменилась. Стала такой, как сейчас. Я не из тех, с кем ты можешь быть счастлив, Сэмюэль.

— Я счастлив с тобой, — упрямо сказал он.

— Как сосед по квартире, — ответила я. — Как товарищ по стае. Но как пара пары ты был бы несчастен.

Он засмеялся.

— Пара пары?

Я помахала рукой.

— Ну ты понимаешь, что я имею в виду.

— Ты влюблена в Адама, — сказал он негромко, с легким намеком на смех в голосе. — В присутствии Адама тебе не стоит заигрывать с этим одержимым.

Я вздернула подбородок: не собираюсь чувствовать себя виноватой. К тому же я сама недостаточно хорошо понимаю свои чувства к Адаму, чтобы говорить о них.

— А ты в меня не влюблен. — Я поняла кое-что еще, и это заставило меня улыбнуться Сэмюэлю. — С волком или без волка, но ты в меня не влюблен — иначе тебе бы не доставляло такого удовольствия дразнить Адама.

— Я не дразню Адама, — обиженно сказал он. — Я ухаживаю за тобой.

— Ничего подобного, — сказала я, садясь на место. — Ты изводишь Адама.

— Нет.

Он тронул машину и агрессивно вклинился в поток машин.

— Превышаешь скорость, — самодовольно заметила я.

Он повернул голову, собираясь что-то сказать, и в это мгновение сзади зажгла фары патрульная машина.

Мы уже почти подъехали к дому, когда он решил, что хватит обижаться.

— Ну хорошо, — сказал он, расслабив лежащие на руле руки. — Хорошо.

— Не знаю, из-за чего ты так рассердился, — сказала я. — Тебя даже не оштрафовали. Превышение скорости на двадцать миль, а ты отделался предупреждением. Хорошо быть врачом.

Как только женщина-полицейский узнала его, она стала воплощенная любезность. Вероятно, он лечил ее брата после автомобильной аварии.

— Я чинила машины нескольким копам, — задумчиво заговорила я. — Если бы я с ними пофлиртовала...

— Я с ней не флиртовал, — перебил Сэмюэль.

Обычно его не так легко достать. Я приготовилась позабавиться.

— Но она-то определенно заигрывала с вами, доктор Корник, — сказала я, хотя ничего подобного не было. И все же...

— Нет.

— Ты опять превышаешь скорость.

Он заворчал.

Я потрепала его по ноге.

— Видишь, тебе совсем не нужно ограничиваться мной в качестве пары.

Он сбросил скорость, когда автострада пошла по Кенневику, и какое-то время нам пришлось ехать по городским улицам.

— Ты ужасна, — сказал он наконец.

Я усмехнулась.

— Ты обвинил меня в том, что я заигрывала с Тимом.

Он фыркнул.

— Заигрывала. То, что я не разорвал его на части, вовсе не означает, что ты не рыбачишь в опасных водах, Мерси. Если бы с тобой был Адам, парня сожрали бы рыбы — или волки. Я не шучу.

Я снова потрепала его по ноге и перевела дух.

— Я нечаянно. Просто увлеклась разговором. Но с таким уязвимым мальчиком, как он, следовало быть осторожней.

— Он не мальчик. Я удивлюсь, если он моложе тебя хотя бы на пять лет.

— Некоторые остаются мальчишками дольше других, — ответила я. — Мальчишка и его друг оба были в доме О'Доннелла незадолго до того, как его убили.

Я рассказала Сэму всю историю: от звонка Зи до того, как взяла листок у Тима. Если что-то и упустила, так только потому, что считала это неважным. За одним исключением. Я не сказала, что Остин Саммерс, вероятно, брат одного из мальчишек, побивших Джесси. Сэмюэль не так вспыльчив, как Адам, но без малейших угрызений совести убьет обоих сорванцов. В его мире не бьют девочек. Я за достойное наказание, но не думаю, что кто-то должен умереть. Конечно, если они перестанут приставать к Джесси.

Это единственное, что я упустила. Зи и дядюшка Майк предоставили меня самой себе в этом расследовании. Ну, велели мне не вмешиваться. Что одно и то же. Расследование без помощи малого народа более рискованно, к тому же Зи сердит на меня за то, что я кое-что рассказала. Ладно, больше я его уже не разозлю. Время, когда я могла держать их тайны только при себе, миновало.

Если я кое-что и поняла за последние несколько интересных (в смысле старинного китайского проклятия «Чтоб ты жил во времена перемен!») месяцев, то вот что: когда пахнет жареным, важно, чтобы кто-нибудь знал то же, что знаешь ты. Таким образом, если я по глупости буду убита, у кого-то будет отправная точка для поисков моего убийцы.

К тому времени как я закончила рассказ, мы сидели в гостинной и пили горячий шоколад.

Сэмюэль прежде всего сказал:

— У тебя настоящий талант попадать в неприятности. Когда ты ушла из стаи, я забыл об этом.

— Разве это моя вина? — горячо возразила я.

Он вздохнул.

— Не знаю. Какая разница, кто виноват, когда сидишь на раскаленной сковороде? — Он неодобрительно взглянул на меня. — Как говорит мой отец, ты слишком часто находишь дорогу на сковородку, чтобы это было случайностью.

Я подавила порыв защититься. Десять лет я умудрялась жить своим умом, оставаясь на периферии общества вервольфов (и то лишь потому, что Адам по просьбе Маррока решил вмешаться еще до того, как построил дом за моим участком). Все началось с неприятностей Адама. Тогда я оказалась в долгу перед вампирами из-за того, что помогла Адаму. А отдавая этот долг, я оказалась в долгу у малого народа.

Но я устала. Завтра мне рано вставать и отправляться на работу, и если я сейчас начну объясняться, пройдет несколько часов, прежде чем мы придем к полезным заключениям.

— И вот, снова угодив на сковороду, я пришла к тебе за советом. Может, ты скажешь, почему ни дядюшка Майк, ни Зи не хотели говорить о морском обитателе или как за задним двором или за ванной могут оказаться лес или океан? И имеет ли это какое-то отношение к смерти О'Доннелла?

Он посмотрел на меня.

— Ну послушай, — сказала я. — Я видела твое лицо, когда рассказывала о странностях в резервации. Ради Бога, ты ведь валлиец. Ты знаешь о малом народе.

— А ты индианка, — ответил он пискляво. Думаю, так он передразнивал мой голос. — Ты знаешь, как обращаться с животными и как разжечь костер из веток.

Я бросила на него высокомерный взгляд.

— Я на самом деле все это могу. Меня научил другой индеец — Чарльз.

Он помахал рукой. Я узнала один из собственных жестов. Потом он рассмеялся.

— Ну хорошо. Хорошо. Но я не специалист по малому народу, хоть и родился в Уэльсе.

— Так объясни мне это свое «ага», когда я рассказывала о лесе.

— Если ты побывала в Подхолмье, то подтвердила теорию отца о том, что делает малый народ в резервациях.

— О чем ты?

— Когда иные впервые предложили правительству отвести им места под резервации, мой отец сказал, что, по его мнению, малый народ пытается восстановить территорию, какая была в Великобритании и вообще в Европе до того, как христианство возникло и понастроило церквей и соборов. Якоря в этом мире малый народ не ценит, потому что его магия лучше действует в Подхолмье. Иные не защищали свои земли, пока не стало слишком поздно. Папа считает, что последние врата Подхолмья исчезли в середине шестнадцатого века, отрезав малый народ от большей части его силы.

— Поэтому малый народ бросил новые якоря, — сказала я.

— И снова нашел Подхолмье. — Сэмюэль пожал плечами. — А почему они не говорили о морском ином... Ну, если он могуч и опасен... нельзя просто так говорить о таких созданиях и даже называть их, чтобы не привлечь их внимание.

Я немного подумала над этим.

— Я понимаю, почему они хотят сохранить все в тайне, если сумели найти новый путь к своей силе. Так какое отношение это имеет к поискам убийцы О'Доннелла? Он что-то разнюхал? Украл у них что-то? И что он у них украл?

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Ты по-прежнему хочешь найти убийцу, хотя Зи ведет себя как последняя сволочь.

— А как бы ты поступил, если бы я, желая защитить тебя от ложного обвинения, рассказала адвокату, что ты сын Маррока?

Он поднял брови.

— Ну, это не то, что рассказать об убийствах в резервации.

Я с несчастным видом пожала плечами.

— Не знаю. Мне следовало поговорить с ним или с дядюшкой Майком, прежде чем распускать язык.

Он нахмурился, но спорить не стал.

— Эй, — сказала я со вздохом, — поскольку мы друзья и из одной стаи, а вовсе не

потенциальная пара, может, дашь мне займы, чтобы я могла расплатиться с Зи за гараж? — Зи не просто угрожал. Если он сказал адвокату, что требует оплаты, он говорил серьезно. — Я смогу отдавать тебе по частям, как ему. Лет за десять ты получишь назад всю сумму с процентами.

— Я уверен, что-нибудь можно придумать, — ласково ответил Сэм, словно понял — я сменила тему, потому что сыта по горло разговорами о Зи и о своей глупости. — У меня кредит тебе всегда открыт — и у папы тоже, а у него карманы гораздо глубже. Ты ужасно выглядишь. Ложись спать.

— Хорошо, — сказала я.

Сон? Заманчиво. Я встала и застонала: мышцы, растянутые вчера на тренировке по карате, протестующе ныли.

— Я выйду на пару минут, — сказал он слишком уж небрежно — и я остановилась по дороге в спальню.

— Нет, не выйдешь.

Его брови поднялись к самой линии волос на лбу.

— Что?

— Ты не расскажешь Адаму, что он может спокойно меня получить.

— Мерси. — Он подошел ко мне, наклонился и поцеловал в лоб. — Ты ничего не можешь сделать, это касается только меня и Адама.

Он ушел, мягко закрыв за собой дверь. А я осталась — с неожиданным жутковатым ощущением, что лишилась лучшей защиты от Адама.

В спальне было темно, но я не стала зажигать свет. Мне есть о чем беспокоиться, кроме темноты.

В ванной я приняла горячий душ. К тому времени как нагретая вода закончилась и я вышла из-под душа, я поняла несколько вещей. Во-первых, у меня совсем немного времени до того, как придется посмотреть в лицо Адаму. Иначе он бы уже ждал меня, и моя спальня не была пуста. Во-вторых, я до завтра ничего не могу предпринять ни относительно Зи, ни относительно Адама, так что лучше выспаться.

Я расчесала и высушила волосы, так что они оставались лишь чуть влажными. Потом заплела, чтобы расчесать утром.

Дернула одеяло и уронила на пол посох, лежавший на кровати. До того как у меня поселился Сэмюэль, летом я спала не укрываясь. Но он включал кондиционер, так что становилось даже холодно, особенно по ночам.

Я легла, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Почему у меня на кровати лежал посох?

Я села и посмотрела на пол, на дорожный посох. Даже в темноте я видела, что это тот самый посох, который я нашла в доме О'Доннелла.

Стараясь не наступить на него, я встала и зажгла свет.

Серый кривой посох неприметно лежал на серых носках и грязной футболке. Я присела и осторожно коснулась его. Древесина под пальцами жесткая и прохладная, ни следа магии, какую этот посох излучал в доме О'Доннелла. На мгновение мне показалось, что это самый обычный посох, но тут я ощутила легкую волну магии, которая, впрочем, сразу исчезла.

Я нащарила телефон и позвонила по номеру, с которого звонил дядюшка Майк. Трубку сняли очень нескоро.

— Бар дядюшки Майка, — отозвался веселый незнакомый голос, едва различимый сквозь какофонию «тяжелого металла», голосов и неожиданного грохота, как будто кто-то уронил поднос с тарелками. — *Merde*. Убери. Что вам нужно?

Я решила, что мне адресовано только последнее высказывание.

— Дядюшка Майк здесь? — спросила я. — Передайте ему, что звонит Мфси и что у меня есть для него кое-что интересное.

— Подождите.

Кто-то произнес несколько слов по-французски, потом крикнул:

— Дядюшка Майк, к телефону!

Вслед за тем очень низкий бас произнес:

— Попробуй убрать отсюда этого тролля. Я съем твоё лицо и выплюну зубы.

И тут же послышался жизнерадостный ирландский голос дядюшки Майка:

— Дядюшка Майк у телефона. Чем могу быть полезен?

— Не знаю, — ответила я. — Кто-то оставил на моей кровати некий дорожный посох.

— Правда? — очень тихо спросил он. — Посох?

— Что мне с ним делать? — спросила я.

— То, что он позволит тебе сделать, — очень странным тоном ответил он. Потом откашлялся и заговорил своим обычным добродушным голосом: — Я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Думаю, мне следует кое-кому позвонить и узнать, что им нужно. Вероятно, к

тебе придут и снова его заберут. Но сейчас уже поздно ждать визита. Просто выставь посох наружу. Ничего страшного, если кто-нибудь его заберет. Если его заберут, то не станут тревожить ни тебя, ни волка.

— Вы уверены?

— Да, девочка, А теперь мне пора заняться троллем. Оставь посох снаружи.

И он повесил трубку.

Я оделась и вынесла посох наружу. Сэмюэль пока не вернулся, и в доме Адама еще горел свет. Я несколько минут смотрела на посох, гадая, кто оставил его у меня на кровати и зачем. Наконец прислонила его к новой обшивке своего дома на колесах и вернулась в кровать.

Когда я вышла на следующее утро, посох исчез, а Сэмюэль спал. Я едва не разбудила его, чтобы узнать, что он рассказал Адаму или не видел ли он, кто забрал посох... но он ведь работает в приемном покое больницы скорой помощи, и там ему достается. И если он не проснулся, когда я на него смотрела, значит, сон ему необходим. Я и так скоро узнаю, что произошло.

Я подъехала к мастерской. У входа стояла спортивная машина Адама. Я припарковалась как можно дальше от нее, на дальней стороне стоянки — там я обычно паркуюсь.

Когда я подъезжала, он вышел из машины и ждал меня, прислонившись к ней.

Никогда не видела вервольфа, который был бы не в форме или слишком тучным: для этого волк слишком подвижен. И все же Адам был намного круче других, хотя без угловатости и неловкости. Кожа у него светлее моей, но сильно загорелая, а длина темно-каштановых волос лишь чуть выходит за рамки военных стандартов. Скулы широкие, поэтому рот кажется узковатым, но это не портит красоту лица. Адам не похож на греческого бога... но если бы существовали славянские боги, у него оказались бы серьезные недоброжелатели. Сейчас эти узкие губы были изогнуты в улыбке.

Я подходила осторожно: хотелось бы знать, что сказал ему Сэмюэль. Начала что-то говорить, и вдруг заметила, что с дверью что-то не то. Прежний замок на месте, а вот рядом с ним новая черная коробка кодового замка! Адам молча ждал, пока я разглядывала сверкающие серебряные кнопки.

Я скрестила руки на груди и повернулась к нему.

Через несколько минут Адам улыбнулся, хотя его взгляд оставался напряженным.

— Ты жаловалась на охрану, — объяснил он.

— Почему ты установил систему сигнализации, не спросив меня? — сдержанно поинтересовалась я.

— Это не просто система сигнализации, — сказал он; улыбка сошла с его лица, словно ее никогда не было. — Безопасность — мой хлеб с маслом. Тут много камер, и внутри гаража тоже.

Я не стала спрашивать, как он вошел. Он ведь сказал, что безопасность — его бизнес.

— По-моему, ты обычно работаешь по заказам правительства. И с более важными объектами, чем мастерская, где чинят фольксвагены. Наверно, кто-нибудь может вломиться и обчистить сейф. Взять долларов пятьсот, если повезет. А может, захотят стащить трансмиссию для «жука» семьдесят второго года? Как ты думаешь?

Он и не подумал ответить на мой саркастический вопрос.

— Если откроешь дверь, не используя кодовый ключ, сработает сигнал тревоги и об

этом сразу узнает один из моих людей. — Он говорил быстро, деловым тоном, так, словно я вообще ничего не сказала. — У тебя две минуты на переустановку. Потом мои люди позвонят, чтобы убедиться, что это сделала ты или Гэбриэль. Если ты не переустановишь код, они тут же известят полицию и меня.

Он помолчал, словно дожидаясь ответа. Поэтому я подняла бровь. Вервольфы вечно всем недовольны. Я много лет жила с ними, но так и не привыкла.

— Код состоит из четырех чисел, — сказал он, — Если наберешь день рождения Джесси — месяц-месяц-день-день, отключишь сигнал тревоги. — Он не спросил, знаю ли я дату ее рождения. Конечно, я знала. — Если наберешь свой день рождения, это насторожит моих людей, и они позвонят мне. Я пойму, что у тебя неприятности, но ты не хочешь, чтобы об этом знала полиция.

Я стиснула зубы.

— Мне не нужна охранная система.

— Далее камеры, — продолжал он, не обращая внимания на мои слова. — Пять на стоянке, четыре в мастерской и две в офисе. С шести вечера до шести утра камеры включаются от датчиков движения и начинают снимать, только если что-нибудь движется. С шести утра до шести вечера камеры отключены — но это можно изменить, если захочешь. Запись идет на DVD. Тебе придется раз в неделю менять диски. Сегодня во второй половине дня я пошлю кого-нибудь показать тебе и Гэбриэлю, как все это работает.

— Можешь прислать, чтобы все сняли, — сказала я.

— Мерседес, — сказал он. — Сейчас ты мне не нравишься. Не доводи меня.

Какое у него право быть мной недовольным?

— Ну и прекрасно! — рявкнула я. — Ты мне тоже не нравишься. Все это мне не нужно.

Я показала на камеры и щиток с кнопками.

Адам оттолкнулся от машины и пошел ко мне. Я знала, что он недостаточно сердит, чтобы ударить меня, но на всякий случай попятилась — и наткнулась на дверь гаража. Он уперся руками по обе стороны от меня и нагнулся, так что я ощутила на лице его дыхание.

Никто не скажет, что Адам не умеет припугнуть.

— Может быть, я ошибаюсь, — холодно начал он. — Возможно, Сэмюэль неверно тебя понял, и ты не занята расследованием для малого народа без их сотрудничества и даже без одобрения Зи и дядюшки Майка, которые в противном случае могли бы за тобой присматривать.

Тепло его тела не должно быть таким приятным. Он сердит, все его мышцы напряжены. Как будто ко мне прислонился очень тяжелый теплый кирпич. Чрезвычайно сексуальный кирпич.

— Может быть, Мерседес, — продолжал он ледяным тоном, — ты не пойдешь, завтра вечером на встречу со «Светлым будущим»? Ведь ты связана с недавними насильственными событиями настолько, что малый народ, который за тобой следит, будет очень озадачен — особенно потому, что ты вынюхала некоторые его тайны. Я уверен, малый народ сильно порадует, когда узнает: ты рассказала сыну Маррока все, что знаешь о резервации, — то, что должна была хранить в тайне.

К тому времени как он умолк, холод из его голоса исчез, и он чуть ли не рычал мне в лицо.

— Хм-м, — сказала я.

— Даже в лучшие времена малый народ не склонен к сотрудничеству, но даже он не

решился что-нибудь сделать с тобой, если вмешаемся Сэмюэль или я. Надеюсь, ты доживешь до нашего вмешательства.

Он наклонился еще ниже и крепко поцеловал меня. Поцелуй кончился, едва начавшись. Собственнический и почти карательный. Ничего такого, что могло бы заставить мое сердце так биться...

— И не думай, что я забыл о вампирах: у них ведь тоже есть основания быть очень недовольными тобой.

И Адам снова поцеловал меня.

Как только его губы коснулись моих во второй раз, я поняла, что Сэмюэль, пересказав Адаму все услышанное от меня, добавил, что он больше не интересуется мной как своей возможной парой.

Я не понимала, как сильно Адаму приходилось до сих пор сдерживаться.

Когда он отодвинулся, лицо у него было красное, и дышал он так же тяжело, как я. Протянув левую руку, он нажал четыре кнопки.

— Рядом с твоей кассой — буклет с инструкцией, если захочешь прочесть. Или мой человек ответит на твои вопросы, когда придет.

Голос его стал слишком низким, и я поняла, что он вот-вот утратит самоконтроль. Когда он отошел и сел в свою машину, мне полагалось бы испытать облегчение.

Я стояла неподвижно, прислонившись к стене, пока не перестала слышать его машину.

Если бы он захотел взять меня прямо сейчас и здесь, я бы позволила. Я сделала бы все ради его прикосновения, все, чтобы доставить ему удовольствие.

Адам пугал меня больше вампиров, больше малого народа. Потому что Адам мог отобрать у меня больше, чем жизнь. Адам — единственный Альфа из всех известных мне, включая самого Маррока, кто способен заставить меня действовать по его желанию вопреки моей воле.

Вставить ключ в скважину я смогла только с третьей попытки.

Понедельник у меня самый занятой день, и этот не стал исключением. Мои клиенты знают, что неофициально мастерская почти всегда открыта по выходным и уикендам. Сотрудник фирмы Адама — кстати, не волк, — пришел вскоре после ланча. Он показал мне и Гэбриэлю, как менять DVD.

— Они гораздо лучше кассет, — сказал он мне с детским энтузиазмом, которого я не ожидала от пятидесятилетнего мужчины с татуировкой морского пехотинца на руках. — Люди обычно недостаточно часто меняют кассеты, так что изображение получается слишком плохое и не может помочь или регистрируются незначительные происшествия. DVD гораздо лучше. Эти диски переписать нельзя. Когда диск заполнен, происходит автоматическое переключение на запасной. Так как вы активируете их, только когда вас нет, вероятно, за неделю весь первый-диск не заполнится. Просто меняйте их раз в неделю — большинство делает это по понедельникам или пятницам. Храните диски несколько месяцев, прежде чем выбросить. Если что-то случится с вашей системой здесь, у босса тоже автоматически производится запись.

Ему определенно нравилась его работа.

Добавив несколько дополнительных указаний и рекламных замечаний, человек Адама ушел, помахав нам рукой.

— Не волнуйся, — сказал Гэбриэль, — я сам буду их менять.

Он был рад новой игрушке не меньше, чем техник.

— Спасибо, — кисло ответила я. Слова «у босса тоже автоматически производится запись» мне не понравились. — Займись этим, а я попробую ликвидировать течь в «пассате»^[41].

Когда около двух поток посетителей иссяк, Гэбриэль пришел в гараж. Я время от времени учила его. Конечно, он пойдет в колледж и не станет механиком, но ему нравилось учиться.

— Какая ты недовольная для человека, который только что потратил кучу денег на установку системы безопасности, — сказал он. — Может, есть неприятности, о которых мне следует знать?

Я отбросила с глаз прядь волос, несомненно оставив след смазки, которая покрывала каждый дюйм этого тридцатилетнего двигателя и уже начала покрывать каждый дюйм моего тела.

— Не те неприятности, что должны тебя тревожить, — ответила я немного погодя. — Если возникнут проблемы, я предупрежу. Просто Адам действует слишком энергично.

Вот уж точно — слишком, решила я, после того как все утро обдумывала положение. Только умственно отсталый способен поверить, что я вступаю в «Светлое будущее», чтобы протестовать против малого народа, — и почему-то я была уверена, что такой глупый иной долго не проживет. Если поговорят с дядюшкой Майком или Зи (пусть он на меня сердит), сразу поймут, что я по-прежнему пытаюсь снять обвинение с Зи.

Я, конечно, знаю о малом народе такое, чего не должна знать, но если бы иные хотели моей смерти, я была бы уже мертва.

Гэбриэль присвистнул.

— Отец Джесси установил эту систему, даже не спросив тебя? Очень напористо. — Он озабоченно посмотрел на меня. — Он мне нравится, Мерси. Но если он подсматривает за тобой...

— Нет. — Он уйдет, если я попрошу. — Он считает, есть основания.

Я вздохнула. Положение становится все более запутанным. И я не могу вовлекать Гэбриэля в эту путаницу.

— Это имеет какое-то отношение к аресту Зи? — Гэбриэль рассмеялся, увидев мое лицо. — Джесси вчера предупредила меня, что ты будешь занята. Конечно, Зи ни при чем.

Уверенность в его голосе свидетельствует, насколько Гэбриэль невинен: ему и в голову не приходит, что Зи не убил О'Доннелла исключительно потому, что кто-то убил его раньше.

— Адам боится, что я разворошила осиное гнездо, — сказала я. — И, вероятно, он прав.

На самом деле я была не против этой системы. Просто слишком дорого для меня, а идея действительно хорошая.

Я всегда сержусь, когда мне страшно, а Адам приводит меня в ужас. Когда он рядом, я с трудом удерживаюсь от того, чтобы бегать за ним и ждать приказов, как хорошая овчарка. Но я не хочу становиться овчаркой. И надо отдать ему должное — Адам тоже этого не хочет.

Этого говорить Гэбриэлю не нужно.

— Прости, что брюзжу. Меня беспокоит Зи, а система безопасности дала мне повод поворчать.

— Все в порядке, — сказал Гэбриэль.

— Ты пришел помочь мне с двигателем или просто поговорить?

Гэбриэль посмотрел на машину, над которой я работала.

— В ней есть двигатель?

— Где-то внутри, — вздохнула я. — Занимайся бумагами. Я позову, если понадобится помощь, но если ты мне не нужен, тебе нет причин пачкаться.

— Да я не возражаю, — сказал он.

Гэбриэль никогда не жалуется, какую бы работу я ему ни предложила.

— Все в порядке. Я справлюсь.

Минут пятнадцать спустя зазвонил мой телефон, но руки у меня были слишком грязные, поэтому я решила прочесть сообщение потом, когда достаточно очищу двигатель и пойму, где протекает масло.

Уже пора было закрывать, и я отправила Гэбриэля домой, когда в раскрытые двери гаража вошел Тони.

— Привет, Мерси, — сказал он.

Тони наполовину итальянец, наполовину венесуэлец и может быть тем, кем в данный момент хочет. Обычно он работает под прикрытием, потому что он хамелеон. Однажды он выполнял задание в кенневикской средней школе, выдавая себя за ученика на десять-пятнадцать лет моложе, и Гэбриэль, который хорошо знал Тони, потому что мама Гэбриэля работает в полиции диспетчером, тем не менее Тони не узнал.

Но сегодня Тони был воплощенным копом. Сдержанное выражение лица означало, что он здесь по делу. Высокая женщина в джинсах и футболке взяла Тони под руку. В другой руке у нее был поводок золотистого ретривера. Собаки иногда доставляют мне неприятности. Наверно, чуют койота — но собаки-поводыри слишком дружелюбны и добродушны, чтобы быть проблемой. Пес помахал хвостом и принялся.

У женщины светло-каштановые волосы, мягкие, волнистые, длиной до плеч. Лицо ничем не примечательное, если не считать непрозрачных очков.

Она слепа, и она из малого народа. Угадайте, с кем из слепых малого народа я недавно встречалась. Она не похожа на ворона, но и я ведь не похожа на койота.

Я ждала волны силы, которая в тот раз пришла от ворона, но ничего подобного не произошло. Для всех моих органов чувств женщина то, чем старается быть.

Плечом рабочего комбинезона я вытерла пот со лба.

— Привет, Тони. Что случилось?

— Мерседес Томпсон, позволь представить тебе доктора Стейси Олтман с кафедры народного творчества Орегонского университета. Она наш консультант по этому делу. Доктор Олтман, это Мерседес Томпсон. Она, несомненно, пожала бы вам руку, если бы не была вся в смазке.

— Рада познакомиться.

Снова.

— Мисс Томпсон, — сказала она. — Я попросила Тони познакомить нас. — Называя его имя, она потрепала его по руке. — Мне сказали, что вы не считаете виновным иного, задержанного полицией. Хотя у него был и мотив, и средства, и возможность — и он был схвачен возле только что убитой жертвы.

Я поджала губы. Не понимаю, какую игру она ведет, но я не дам ей отправить Зи за решетку.

— Совершенно верно. Я слышала это от другого представителя малого народа, который в то время находился с ним. Зи не обалдуй без опыта. Если бы он убил О'Доннелла, никто бы

об этом не узнал.

— Полиция застала его врасплох. — Голос у нее холодный и внятный, с легким акцентом. — Кто-то из соседей услышал стрельбу и вызвал полицию.

Я подняла брови.

— Если бы это был Зи, соседи ничего не слышали бы, а если бы слышали, Зи исчез бы оттуда задолго до появления полиции. Зи не делает глупых ошибок.

— На самом деле, — с легкой улыбкой сказал Тони, — сосед, который нам позвонил, видел, что машина Зи подъехала уже после того, как он позвонил в полицию и сказал, что в доме кричат.

Женщина-доктор, она же Серый Повелитель, не знала о соседе до того, как Тони рассказал нам обоим. Я увидела, как она гневно поджала губы. Тони она, должно быть, не нравилась: с теми, кто ему нравится, он такую шутку никогда бы не сыграл.

— Почему вы так стараетесь обвинить Зи? — спросила я у нее. — Разве полиция не должна найти настоящего виновника?

— А почему вы так стараетесь его защитить? — ответила она. — Потому что он был вашим другом? Он как будто не ценит ваши усилия.

— Потому что он не виноват, — ответила я, словно удивившись такому глупому вопросу. Судя по тому, как она напряглась, вывести ее из себя так же легко, как Адама. — А вы о чем беспокоитесь? Кому будет хуже, если полиция немного поработает дополнительно? Или вы считаете, что оставить одного из малого народа в руках полиции лучше, чем искать в резервации истинного виновника?

Ее лицо напряглось, волна магии пронеслась в воздухе. Именно поиски в резервации она старается предотвратить, подумала я. Ей нужна быстрая казнь — например, Зи должен повеситься и спасти всех от неловкости открытого суда — когда полиция начнет совать нос в дела резервации. Она здесь, чтобы побыстрее закрыть это дело и не допустить никаких утечек.

Как и я.

Я обдумала все это и повернулась к Тони.

— Вы приставили к Зи постоянную охрану? Малый народ плохо переносит металлические решетки.

Он покачал головой. Доктор Олтман поджала губы.

— Доктор Олтман сказала, что мистер Адельбертсмайтер гремлин, а значит, легко переносит железо. Но если ты считаешь, что нужно постоянное наблюдение, я его организую.

— Пожалуйста, — сказала я. — Я очень тревожусь.

Конечно, гарантии нет, но так им будет труднее убить его.

Тони очень внимательно посмотрел на меня, потом перевел взгляд на доктора Олтман. Он слишком хороший полицейский, чтобы не заметить подводных течений между нами. И, вероятно, даже, понял, что меня беспокоит вовсе не самоубийство.

— По-моему, вы говорили, что у вас есть несколько вопросов к Мерседес Томпсон, доктор Олтман? — спросил он с обманчивой мягкостью.

— Конечно, — ответила она. — Местная полиция как будто уважает ваше мнение о малом народе, но не знает, на чем она основывается — только на том, что вы работали с мистером Адельбертсмайтером?

Ага, попытка дискредитировать меня. Если она пробует вывести меня из равновесия,

она плохо меня знает. Каждой женщине-механику известно, как отвечать на такие попытки.

Я искренне улыбнулась ей.

— Я — дипломированный историк и много читаю, доктор Олтман. Например, я знаю, что никаких гремлинов не существовало, пока Зи не решил так назваться. Если вы меня извините, я лучше вернусь к работе. Я обещала сегодня закончить эту машину.

Я повернулась, чтобы заняться работой, и споткнулась о лежавший на земле посох.

Тони подхватил меня под руку и не дал упасть.

— Лодыжку не вывихнула? — спросил он.

— Нет, все в порядке, — ответила я, глядя на дорожный посох малого народа, неожиданно оказавшийся на полу в моем гараже. — А вам лучше уйти, если не хотите запачкаться.

— Ничего. Немного грязи производит впечатление на новичков.

— Что случилось? — спросила доктор Олтман, как будто ее слепота действительно не давала ей понять, что случилось. Я была уверена, что это не так. И заметила, что ее собака пристально смотрит на посох. Может, именно через собаку она все видит.

— Она споткнулась о трость. — Тони, который оставил доктора Олтман, чтобы подхватить меня, наклонился, взял посох и положил на стойку. — Прекрасная работа, Мерси. Что этот старинный посох делает на полу в твоём гараже?

Будь я проклята, если знаю.

— Он не мой. Кто-то оставил его в мастерской. Я пытаюсь вернуть его владельцу.

Тони снова посмотрел на посох.

— Выглядит очень старым. Владелец с огромной радостью вернет его себе.

В его голосе звучал вопрос — едва ли доктор Олтман его расслышала.

Не знаю, насколько Тони чувствителен к магии, но он умен, и его пальцы быстро нащупали кельтский рисунок на серебре.

Я встретила с ним взглядом и коротко кивнула. Иначе он держал бы посох так долго, что даже слепая из малого народа поняла бы, что он заметил гораздо больше, чем должен.

— Да, наверно, — сказала я. — Но посох еще здесь.

Он задумчиво улыбнулся.

— Если у доктора Олтман все, мы тебя оставим, — сказал он. — Мне жаль, что Зи недоволен тем, как ты его защищаешь. Но я прослежу, чтобы его не засадили.

Или не убили.

— Будь осторожен, — сказала я ему совершенно серьезно.

Не делай глупостей.

Он приподнял бровь.

— Я осторожен не меньше, чем ты.

Я улыбнулась и вернулась к работе. Что бы я ни говорила владельцу, до завтра работу не закончить. Я закрыла машину чехлом, вымыла руки и взяла телефон. Я пропустила два звонка. Второй от Тони: он звонил из участка, прежде чем привести консультанта по малому народу. Первый был с незнакомого номера, и это был междугородний звонок.

Когда я набрала номер, ответил Тед, сын Зи.

Тед был моим первым подносчиком инструментов, но потом он поступил в колледж и бросил меня — точно так же, как через год или два сделает Гэбриэль. Именно Тед когда-то меня нанял. Он работал один, когда я заехала в мастерскую, потому что моему «кролику» понадобилась новая ременная передача (я только что провалила интервью в средней школе

Паско: там нужен был тренер. А я-то думала, их беспокоит, как в школе преподают историю), и я помогла ему с клиентами. Думаю, тогда ему было лет девять. Его мать только что умерла, и Зи перенес это плохо. В следующем месяце Тед еще трижды нанимал меня, пока Зи не смирился со мной — женщиной и, как он сначала думал, человеком.

— Мерси, где ты была? Я с утра субботы пытаюсь связаться с тобой. — Он не дал мне возможности ответить. — Дядюшка Майк сообщил, что отец арестован за убийство. Я смог вытянуть из него только, что это связано с убийствами в резервации и что по приказу Серых Повелителей я должен оставаться на месте.

Мы с Тедом одинаково не любим власти и не доверяем им. Вероятно, у него в руке билет на самолет.

— Не приезжай, — сказала я после короткого напряженного размышления. Серым Повелителям нужен виновник, и им все равно, кто это будет. Они хотят, чтобы дело быстро закрыли, и всякий, кто встанет между ними и их целью, окажется в опасности.

— Но что случилось? Я ничего не могу узнать?

Судя по голосу, он злился не меньше, чем я.

Я рассказала ему, что знала, начиная с просьбы Зи вынюхать убийцу и заканчивая слепой женщиной, только что побывавшей у меня с Тони, не умолчав и о том, что Зи недоволен мной — слишком много рассказала полиции и адвокату. Мой взгляд упал на посох. Я и его добавила к общей путанице.

— *Человек* убивал иных? Минутку, минутку. Убитый охранник, этот О'Доннелл, он был смуглый, рост примерно пять футов десять дюймов? И его звали Томас?

— Да, так он выглядел. Не знаю, как его звали.

— Я говорил ей, что она играет с огнем, — сказал Тед. — Черт возьми. Она считала забавным, что он делает ей такое одолжение, а она его обманывает. Он ее забавлял.

— Кто она? — спросила я.

— Коннора... библиотекарь резервации. Она не любила людей, а этот О'Доннелл был просто ужасен. Ей нравилось играть людьми.

— Он убил ее, потому что она с ним играла? — спросила я. — Но за что он убил остальных?

— Вот почему его не рассматривали как убийцу. Он никак не был связан со вторым убитым. К тому же Коннора не владела большой магией. Человек мог ее убить. А вот Хендрика...

— Кто такой Хендрик?

— Парень с лесом на заднем дворе. Он из Охотников. Его смерть, по сути, исключает людей из круга подозреваемых. Он был очень силен. — Послышался громкий треск. — Прости. Проклятый проводной телефон. Я стащил его со стола. Минутку. Минутку. Посох? И все время оказывается у тебя?

— Верно.

— Можешь описать его?

— Примерно четыре фута длиной, из какой-то узловатой древесины, серый наконечник. Внизу серебряное кольцо, вверху серебряный набалдашник с кельтским рисунком. Не понимаю, зачем кто-то все время приносит его мне.

— Не думаю, что тебе его кто-то приносит. Думаю, он сам следует за тобой.

— Что?

— У старых вещей бывают неожиданные свойства. Сила рождает силу и все такое.

Некоторые из этих вещей созданы тогда, когда мы были гораздо сильнее, и теперь их поведение непредсказуемо. Они делают то, чего не должны делать.

— Например, повсюду таскаются за мной. Думаешь, посох шел за О'Доннеллом до его дома?

— Нет! О нет. Я думаю, это исключено. Дорожный посох создан для тех людей, которые помогают малому народу. Он следует за тобой, вероятно, потому, что ты пытаешься помочь папе, когда все остальные зажали нос.

— Значит, О'Доннелл украл его.

— Мерси... — Он словно подавился. — Черт побери, Мерси, я не могу тебе сказать. Мне запрещено. Заклятие. Как сказал дядюшка Майк, чтобы защитить малый народ, меня и тебя.

— Это связано с нынешним положением твоего отца? — Я напряженно думала. — Этот дорожный посох... Были украдены другие вещи? Может кто-нибудь сказать мне? Кому я могу позвонить и спросить?

— Послушай, — медленно заговорил он, словно ждал, что его снова остановит закливание, — в Ричленде, в молле Верхнего города, есть антикварный книжный магазин. Попробуй поговорить с его владельцем. Он может помочь тебе узнать об этом посохе больше. Но обязательно скажи, что тебя прислал я... и подожди, пока он не останется в магазине один.

— Спасибо.

— Нет, Мерси, тебе спасибо. — Он помолчал и голосом девятилетнего ребенка, каким я его впервые увидела, сказал: — Мне страшно, Мерси. Они ведь хотят выставить его убийцей, правда?

— Да, — сказала я, — но, думаю, они опоздали. Полиция не принимает улики на веру, а мы нашли ему очень хорошего адвоката. Я немного покопаюсь в других делах О'Доннелла.

— Мерси, — негромко сказал он, — черт возьми, Мерси, ты понимаешь, что выступаешь против Серых Повелителей? Ты ведь знаешь, кто эта слепая? Ее послали, чтобы убедиться, что все будет так, как они хотят.

— Малому народу все равно, кто это сделал, — ответила я. Как только полиция решила, что О'Доннелла убил кто-то из малого народа, Серым Повелителям поимка убийцы стала не нужна. Им нужно, чтобы кого-нибудь поскорее наказали, тогда они сами смогут искать настоящего убийцу, не привлекая к этому внимание всего человечества.

— И хоть мой отец сделал все, чтобы уговорить тебя отказаться от поисков, ты не собираешься их бросать, — сказал он.

Конечно. Конечно.

— Он старается держать меня в стороне, — прошептала я.

Наступила короткая пауза.

— Не говори, что он правда на тебя рассердился.

— Он требует отдать долг, — ответила я, чувствуя, как медленно рассасывается комок боли. Зи знал, как поступит малый народ, и пытался удержать меня в стороне.

Как он выразился? *Ей лучше надеяться на то, что я не выйду.* Потому что если я его вытащу, Серые Повелители будут недовольны мной.

— Конечно. Мой отец умен, он старше земли, но он безрассудно боится Серых Повелителей. Он считает, что остановить их невозможно. И как только он понял, откуда ветер дует, постарался удержать всех остальных подальше от опасности.

— Тед, оставайся в колледже, — сказала я. — Ты ничего не можешь сделать, только сам попадешь в неприятности. Серые Повелители надо мной не властны.

Он фыркнул.

— Хотел бы я посмотреть, как ты скажешь им это. Только мне ты больше нравишься живая.

— Если приедешь сюда, тебя убьют — и чем тогда ты поможешь отцу? Порви билет, а я постараюсь сделать, что смогу. Не одна. Адам знает, что происходит.

Тед уважает Адама. Я надеялась, что сделала верный ход.

— Хорошо. Я останусь здесь. Пока. Давай посмотрим, не могу ли я тебе еще немного помочь. И далеко ли заходит заклятие, которое наложил на меня дядюшка Майк.

Наступила долгая пауза: он думал.

— Ладно. Думаю, можно рассказать тебе о Нимейн.

— О ком?

— Дядюшка Майк назвал ее Пожирательницей Падали, верно? Думаю, что он говорил не просто о птицах, которые живут на островах и питаются падалью. Нет, он говорил о самой Пожирательнице.

— Да. Кажется, важно, что у нее на голове три белых пера.

— Значит, это Нимейн.

В его голосе звучало удовлетворение.

— А это хорошо?

— Очень, — ответил он. — Есть такие Серые Повелители, которые первым делом убивают всех, кто связан с проблемой. Нимейн не такая.

— Ей не нравится убивать?

Тед вздохнул.

— Иногда ты ужасно наивна. Не знаю никого из малого народа, кто на каком-нибудь уровне не наслаждался бы кровопролитием, а ведь Нимейн из числа Морриган, кельтских богинь войны. Ее задачей было наносить смертельный удар героям, умирающим на поле битвы, чтобы прекратить их страдания^[42].

— Звучит не очень оптимистично, — прошептала я.

Тед услышал.

— Особенность старых воинов в том, что у них есть чувство чести, Мерси. Бессмысленная или несправедливая смерть для них под запретом.

— Она не станет убивать твоего отца, — сказала я.

Он мягко поправил:

— Она не станет убивать тебя. Боюсь, что в отличие от тебя мой отец — приемлемая потеря.

— Я попробую это изменить.

— Достань книгу, — сказал он и закашлялся. — Нелепое проклятие! — В его голосе звучал искренний гнев. — Если это будет стоить мне отца, я все равно поговорю с дядюшкой Майком. Раздобудь книгу, Мерси, и попробуй найти что-нибудь такое, из-за чего можно будет поторговаться.

— Ты останешься?

— До пятницы. Если ты до тех пор ничего не добьешься, я вернусь домой.

Я с трудом воздержалась от возражений и просто попрощалась. Тед — сын своего отца; мне еще повезло, что он согласился ждать до пятницы.

Молл Верхнего города — это множество заведений, объединенных в торговый центр. Здесь есть пекарня, где жарят пончики, галантерея, бары, рестораны и даже магазин домашних животных. Найти книжный оказалось нетрудно.

Я была здесь два-три раза, но так как мои читательские вкусы скорее склоняются к дешевым книжкам в мягких обложках, чем к коллекционным книгам, этот магазин не из тех, куда я хожу регулярно. Я смогла припарковаться прямо перед входом, рядом с местом, отведенным для инвалидов.

Вначале мне показалось, что магазин уже закрыт. Шел седьмой час, и снаружи магазин казался пустым. Но дверь легко отворилась под мелодичный звон колокольчиков.

— Минутку, минутку, — сказал кто-то из-за полка.

— Не беспокойтесь, — ответила я и глубоко вдохнула, чтобы понять, что говорит мне нос, но запахов было слишком много, чтобы разделить их: ничто так не сохраняет запахи, как бумага. Я чуюла сигареты, различные сорта трубочного табака и духи.

Человек, вышедший из-за полка, оказался выше меня. Лет ему было что-нибудь между тридцатью пятью и пятьюдесятью. Тонкие светлые волосы с проседью. Выражение лица веселое, но сразу сменилось профессиональной доброжелательностью, когда он увидел незнакомку.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Мой друг Тед Адельбертсмайтер сказал, что вы можете помочь мне решить одну проблему, — сказала я и показала посох, который прихватила с собой.

Он пристально взглянул на него и побледнел, утратив всякую доброжелательность. Запер входную дверь, повернул старинную табличку надписью «ЗАКРЫТО» наружу и закрыл ставни на окнах.

— Кто вы? — спросил он.

— Мерседес Томпсон.

Он бросил на меня острый взгляд.

— Вы не из малого народа.

Я покачала головой.

— Я механик по «фольксвагенам».

На его лице мелькнуло понимание.

— Подопечная Зи?

— Верно.

— Могу я взглянуть на него? — спросил он, протягивая руку к посоху.

Но я не отдала.

— А вы из малого народа?

Его лицо стало холодным и бесстрастным — что само по себе было ответом, верно?

— Малый народ не считает меня своим, — резко ответил он. — Но дед моей матери был из них. Во мне совсем немного от малого народа, только легкая магия прикосновения.

— Что такое магия прикосновения?

— Я могу дотронуться до предмета и узнать, насколько он старый и кому принадлежал раньше. Такого рода вещи.

Я протянула ему посох.

Он взял его и долго осматривал. Наконец покачав головой и вернул мне.

— Никогда раньше его не видел. Только слышал о нем. Это одно из сокровищ фей.

— Для фермера, разводящего овец, может быть, — сухо сказала я.

Он рассмеялся.

— Вы правы, тот самый. Хотя иногда старые вещи способны удивить. Во всяком случае, это магия, на которую они больше неспособны, магия, навсегда меняющая действительность. Поэтому такие вещи малый народ считает драгоценными.

— А о чем, по мнению Теда, вы можете мне рассказать?

Он покачал головой.

— Если вы знаете историю этого песта, то знаете не меньше меня.

— Так что вам сказало прикосновение к нему?

Он рассмеялся.

— Ничего. Моя магия действует только на обычные предметы. Я просто хотел немного подержать посох. — Он помолчал. — Тед вам сказал, что я могу найти сведения о нем? — Он внимательно посмотрел на меня. — И это не имеет никакого отношения к неприятностям его отца? Конечно, нет. — Глаза его улыбались. — Думаю, я точно знаю, что должен узнать для вас. Чего хотел башковитый Тед. Идемте.

Он провел меня в небольшую нишу, где книги стояли в закрытых шкафах.

— Здесь я держу самое ценное — книги с автографами и старинные редкости.

Он вытащил скамью и встал на нее, чтобы открыть самую верхнюю полку, почти пустую, вероятно, потому что до нее трудно добраться.

С этой полки он снял толстую книгу в светлом кожаном переплете с золотым тиснением.

— Наверно, у вас не найдется тысячи четырехсот долларов, чтобы заплатить за это?

Я сглотнула.

— В данный момент нет. Но за несколько дней я могла бы собрать...

Он покачал головой и протянул мне книгу.

— Не надо. Только обращайтесь с ней бережно и не забудьте вернуть, когда закончите. Книга лежит у меня пять или шесть лет. Не думаю, что на следующей неделе на нее вдруг объявится покупатель.

Я взяла книгу осторожно: не привыкла обращаться с книгами, которые стоят дороже моей машины (конечно, я не хочу сказать, что у меня такая уж дорогая машина). На переплете и на корешке золотом вытиснено название «Сделано магией».

— Я одалживаю вам эту книгу, — медленно заговорил он, тщательно подбирая слова, — потому что в ней немного рассказывается о дорожном посохе... — Он помолчал и со значением добавил: — И еще о кой-каких интересных предметах.

Если посох был украден, могли быть украдены и другие вещи. Я крепче сжала книгу.

— Зи мой друг. — Он закрыл книжный шкаф, слез со скамьи и убрал ее на прежнее место. Потом с явной непоследовательностью небрежно добавил: — Вам, конечно, известно, что некоторые темы нам запрещено обсуждать. Но я знаю, что здесь есть история дорожного посоха. Можете начать с нее. Кажется, она в пятой главе.

— Понимаю.

Он оказывал мне помощь, какую мог, не нарушая правила.

Он провел меня через магазин к выходу.

— Поосторожней с этим посохом.

— Я пытаюсь его вернуть, — ответила я.

Он повернулся и отступил на несколько шагов, не отрывая взгляда от посоха.

— Правда? — тут он тихо рассмеялся, покачал головой и снова пошел к выходу. — Иногда эти старые вещи поступают по-своему.

Он открыл передо мной дверь, и я задержалась на пороге. Если бы он не сказал мне, что отчасти принадлежит к малому народу, я бы поблагодарила его. Но признание долга перед иным может иметь неожиданные последствия. Я достала одну из карточек, напечатанных для меня Гэбриэлем.

— Если у вас будут неприятности с машиной, загляните ко мне. Я работаю в основном с немецкими машинами, но обычно могу заставить хорошо мурлыкать и другие.

Он улыбнулся.

— Может быть. Удачи.

Когда я вернулась, Сэмюэля не было, но он оставил записку, что ушел на работу и что еда в холодильнике.

Я открыла холодильник и увидела накрытую фольгой стеклянную банку с энчиладами^[43]. Я поела, накормила Медею, вымыла руки и с книгой пошла в гостиную.

Я не думала, что найду в ней страницу с текстом «Вот кто убил О'Доннелла», но все было ничего, не будь каждая страница этого шестисотстраничного тома исписана от руки поблекшими чернилами, мелким почерком. Но, по крайней мере, по-английски.

Полтора часа спустя я вынуждена была остановиться: в глазах плыло.

Я сразу открыла пятую главу и с трудом одолела примерно десять страниц и три истории. Первая как раз о дорожном посохе, чуть подробнее, чем я прочла в Интернете. Там так же подробно описывался посох. Автор явно принадлежал к малому народу, и я впервые читала книгу, написанную с точки зрения иных.

Вся пятая глава посвящалась вещам вроде дорожного посоха, то есть подаркам малого народа. Если О'Доннелл украл посох, он мог украсть и что-нибудь еще. А убийца, возможно, в свою очередь украл эти вещи у него.

Я отнесла книгу в спальню и положила в сейф с оружием. Не лучшее место для хранения, но вероятность, что ее заберет случайный вор, стала чуть меньше.

Потом я мыла посуду и размышляла о книге. Не столько о ее содержании, сколько о том, что мне пытался сказать о ней Тед.

Человек из книжного магазина сказал, что малый народ высоко ценит эти вещи, пусть даже в современном мире они бесполезны.

Это я могла понять. Для малого народа обладать тем, что связано с утраченной магией, означает силу. Сила для малого народа — это безопасность. Если у иных есть перечень таких волшебных вещей, Серые Повелители могли следить за их сохранностью и распределять среди тех, кого выберут. Но малый народ любит тайны. Не могу себе представить, чтобы иные составили список и передавали его друг другу.

Я выросла в Монтане, где старое незарегистрированное ружье ценится гораздо выше нового, происхождение которого можно проследить. Конечно, это не значит, что все владельцы незарегистрированных ружей в Монтане собирались совершать преступления — просто им не нравится, когда федеральное правительство знает о каждом их шаге.

Так что если... если О'Доннелл украл несколько магических предметов и никто не знает, у кого они были или даже что они такое? Потом кто-то из малого народа понял, что украл О'Доннелл. Кто-то с таким же чутьем, как мое, или тот, кто видел охранника, а может, следил за ним до самого дома. Этот иной мог убить О'Доннелла и присвоить украденное им.

Может, убийца специально рассчитал все так, чтобы поймали Зи: он понимал, что Серые Повелители будут довольны, если отделаются одной жертвой.

Найти бы убийцу и украденные им вещи... Тогда я могла бы сделать эти вещи своими заложниками и добиться оправдания и освобождения Зи.

Я понимала, зачем посох малому народу, но зачем он О'Доннеллу? Может быть, он не знал точно, что это такое. Но он должен был что-то знать, иначе зачем взял? Собирался продать назад малому народу? Но вряд ли кто-то давно знакомый с малым народом может надеяться долго прожить, воруя у него.

Конечно, О'Доннелл мертв, верно?

Кто-то постучал в мою дверь — а я не слышала, чтобы кто-нибудь подъехал. Может, кто-то из вервольфов пришел от дома Адама. Я глубоко вдохнула, но дверь помешала учуять какой-нибудь запах.

Я открыла дверь: на пороге стояла доктор Олтман. Ее глаза — собака — исчезла, и на подъездной дороге не было машины. Она сюда прилетела?

— Вы пришли за посохом? — спросила я. — Можете забрать его.

— Могу я войти?

Я мешкала. Я была уверена, что заклятие порога действует только на вампиров, но кто знает...

Она напряженно улыбнулась, сделала шаг вперед и остановилась на коврике.

— Отлично, — сказала я. — Входите.

Взяла старый посох и протянула ей.

— Почему вы это делаете?

Я сознательно истолковала ее вопрос неверно.

— Потому что он мне не принадлежит, да и овец у меня нет, так что он мне не нужен.

Она раздраженно посмотрела на меня.

— Я не про посох. Я хотела спросить: зачем вы суете нос в дела малого народа? Вы подорвали мой авторитет в глазах полиции — а для полиции это в конечном счете может оказаться опасно. Моя работа — охранять безопасность людей. Вы не понимаете, что происходит, и можете причинить столько неприятностей, что сами не справитесь.

Я рассмеялась. Не смогла сдержаться.

— Мы с вами обе знаем, что Зи не убивал О'Доннелла. Я только позволила полиции понять, что в убийстве виновен кто-то другой. Я не бросаю своих друзей на виселице.

— Серые Повелители не позволят вам слишком много узнать о нас.

Агрессивная напряженность ее плеч прошла, женщина расслабилась, уверенно прошагала по гостиной и села в большое мягкое кресло Сэмюэля.

А когда снова заговорила, в ее голосе звучал чуть слышный кельтский акцент.

— Зи упрямый болван, и я тоже его люблю. Больше того, не так уж много осталось тех, над кем не властвует холодное железо, чтобы мы могли его потерять. В любом другом случае я могла бы делать что заблагорассудится и спасла бы его. Но когда вервольфы заявили о себе, они вызвали новую волну страха, и мы не можем допустить, чтобы положение ухудшилось. Быстро раскрытое преступление, закрытое разбирательство, согласие полиции держать в секрете состояние жертвы — все это не вызовет большого шума. Зи это понимает. Если вы знаете столько, сколько полагаете, вы должны знать, что иногда жертва необходима для безопасности всех остальных.

Зи предложил в жертву себя. Он хотел обозлить меня, чтобы я оставила его гнить за

решеткой, потому что знал: иначе я никогда не сдамся, никогда не соглашусь, чтобы его принесли в жертву, чего бы это ни стоило малому народу.

— Сегодня я пришла за Зи, — сказала гостя искренне, глядя сквозь меня слепыми глазами. — Не осложняйте его положение. Не допустите, чтобы это стоило жизни и вам.

— Я более или менее знаю, кто вы, Нимейн, — сказала я.

— Тогда вы должны знать, что немногие получают предупреждение, прежде чем я ударю.

— Я знаю, что вы предпочитаете правосудие убийству.

— Я предпочитаю, чтобы выжил мой народ, — сказала она. — И если придется устранить несколько невиновных, но очень упрямых личностей, это не отяготит мою совесть.

Я ничего не ответила. Не предам Зи, не могу его предать. Если я скажу ей это, она убьет меня на месте. Я чувствовала, как вокруг нее собирается сила, точно грозовая туча. Я смотрела на нее и видела, как эта туча разрастается слой за слоем.

Я не стану лгать, а правда меня убьет — и никто тогда не сможет помочь Зи.

В это мгновение по гравию подъездной дороги зашуршали шины. Машина Сэмюэля.

Я поняла, что должна сделать, но будет ли этого достаточно? И чего это будет стоить?

— Я знаю, кто вы, Нимейн, — прошептала я. — Но вы не знаете, кто я.

— Вы ходящая, — ответила она. — Вы меняете облик. Зи объяснил мне это. Осталось не так уж много местных сверхъестественных существ. Вы ни к кому не принадлежите. Вы не малый народ, не вервольф, не вампир — никто. Вы одна.

Выражение ее лица не менялось, но я чувствовала ее печаль и сочувствие. Она тоже одна. Не знаю, хотела ли она, чтобы я поняла это, или не знала, что я могу понять по ее запаху.

— Я не хочу вас убивать, но убью.

— Не думаю. — Слава богу, подумала я, слава богу, что я все рассказала Сэмюэлю. Ему не придется догадываться. — Зи рассказывал вам обо мне, но не все. — Может, подумал, что она не станет убивать меня, узнав о моем одиночестве. — Вы правы, я не знаю других таких, как я, но я не одна.

И в этот миг Сэмюэль открыл дверь. Глаза его покраснели, выглядел он усталым и грязным. Я чуюла запахи крови и дезинфектантов. Сэмюэль остановился на пороге, разглядывая доктора Олтман.

— Доктор Олтман, — вежливо сказала я, — позвольте представить вам доктора Сэмюэля Корника, живущего в моем доме. Сэмюэль, познакомьтесь с доктором Олтман, консультантом полиции, Пожирательницей Падали. Малому народу она известна как Нимейн.

Глаза Сэмюэля сузились.

— Вы вервольф, — сказала Нимейн. — Сэмюэль Корник. — Пауза. — Маррока зовут Бран Корник.

Я продолжала смотреть на Сэмюэля.

— Я как раз объясняла доктору Олтман, почему со стороны малого народа было бы неразумно устранять меня, хотя я и сую нос в их дела.

В его глазах вспыхнуло понимание, и он посмотрел на Нимейн.

— Убийство Мерси было бы ошибкой, — зарычал он. — Мой отец вырастил Мерси в своей стае и не мог бы любить ее больше, даже будь она его родной дочерью. За нее он

объявит малому народу открытую войну и пошлет к дьяволу все последствия. Можете позвонить ему и спросить, если сомневаетесь в моих словах.

Я ожидала, что Сэмюэль будет защищать меня: малый народ не посмеет тронуть сына Маррока, если ставки не поднимутся еще выше. Я считала, что таким образом обеспечу безопасность Сэмюэля и в то же время лишу его возможности вмешиваться. Но Маррок...

Я всегда считала, что раздражаю его: ведь я единственная, на чье безусловное повиновение он не может рассчитывать. Да, он защищал меня и защищает до сих пор — именно инстинкт защищать и делает его доминантом. Я считала себя лишь одной из многих, о ком он заботится. Но невозможно усомниться в словах Сэмюэля, как невозможно поверить в то, что он ошибается насчет Брана.

Я была рада, что Сэмюэль смотрит на Нимейн, которая встала, когда он заговорил. Пока я утирала с глаз дурацкие слезы, она оперлась на посох и спросила:

— Это так?

— Адам Хауптман, Альфа стаи бассейна Колумбии, назвал Мерси своей парой, — мрачно продолжил Сэмюэль.

Нимейн неожиданно улыбнулась, и эта улыбка придала ее лицу тонкую красоту, которой я не замечала раньше.

— Вы мне нравитесь, — обратилась она ко мне. — Вы ведете тонкую незаметную игру — и, как койот, сотрясаете основы мира. — Она рассмеялась. — Настоящий койот. Это хорошо. Хорошо для вас. Не знаю, во что еще вы ввяжетесь, но я передам Остальным, с кем мы имеем дело. — Она дважды ударила посохом по полу. И как будто про себя пробормотала: — Может быть... может быть, катастрофы и не будет.

Она подняла посох и в знак приветствия коснулась его концом своего лба. Сделала шаг вперед и исчезла для всех моих чувств — между одним мгновением и следующим.

Вечером в среду я поужинала в своем любимом китайском ресторане в Ричленде и поехала к дому Тима. Поскольку убийца О'Доннелла почти несомненно из малого народа, я не знала, что даст мне собрание «Светлого будущего», но, может, кто-нибудь знает что-нибудь важное. Доказать невиновность Зи я должна до пятницы, иначе рискнет жизнью и Тед.

Чем больше я об этом думала, тем больше смысла приобретало возвращение Теда. Ближе к разгадке я точно не подойду. А Тед, сам из малого народа, может отправиться в резервацию и задать вопросы — если Серые Повелители не убьют его за неповиновение. Может, мне удастся убедить Нимейн, что возвращение сына Зи и его участие в попытках спасти отца — на руку малому народу. Может быть.

Тим жил в Западном Ричленде, в нескольких минутах от Кайла. Квартал был такой новый, что перед несколькими домами еще не было лужаек, а в следующем квартале я видела строящиеся здания.

Половина фасада из бежевого кирпича, другая окрашена в цвет овсяной каши.

Выглядит добротно и дорого, но нет мелочей, которые делают дом Кайла скорее поместьем, чем домом. Ни витражного стекла, ни мрамора, ни дубовых дверей.

Но все равно на несколько порядков лучше моего старого трейлера, даже с его новой обивкой.

На подъездной дорожке стояли четыре машины и некогда красный «Мустанг-72», с желто-зеленым левым крылом. Я остановилась за ним, потому что трудно найти машину, рядом с которой мой «кролик» выглядит хорошо.

Выходя из машины, я помахала женщине, которая смотрела на меня из-за занавески в окне дома через улицу. Женщина сразу опустила жалюзи.

Я позвонила в дверь и подождала, пока человек в чулках пропрыгал вниз по лестнице и открыл. Когда дверь отворили, я не удивилась, увидев девушку лет девятнадцати-двадцати. У нее женский шаг — мужчины топают, бухают ногами в пол или, как Адам, движутся так тихо, что их едва слышно.

На девушке тонкая футболка с рисунком скрещенных костей, как на пиратском флаге, но над костями вместо черепа поблекший панда с косыми крестиками вместо глаз. Девушка чуть полновата, однако легкая полнота ей идет, лицо округляется, смягчаются резкие черты. Под отчетливым запахом «Джуси фрукт»^[44] я узнала запах дома О'Доннелла.

— Я Мерси Томпсон, — сказала я девушке. — Меня пригласил Тим.

Она оглядела меня и приветливо улыбнулась.

— А я Кортни. Он сказал, что вы можете прийти. Мы еще не начали — ждем, когда вернутся Тим и Остин с покупками. Заходи.

Она была из тех женщин, на которых лежит проклятие детского голоса. У нее и в пятьдесят будет голос тринадцатилетней.

Поднимаясь вслед за ней по лестнице, я вежливо сказала:

— Не хочется мешать вашей встрече. Тим рассказал мне, что один из ваших товарищей был недавно убит.

— Выбрать более подходящую жертву не могли, — легко ответила она, но потом остановилась на ступеньке. — Ну ладно, не стоило так говорить. Я не хотела, чтобы вы

чувствовали себя неловко.

Я покачала головой.

— Я его не знала.

— Ну, он создавал наше отделение «Светлого будущего», и парням тут лафа, но женщины были нужны ему только для одного, и я устала от него отбиваться. — Она впервые внимательно посмотрела на меня. — Эй... Тим сказал, что вы испанка, но ведь это не так?

Я снова покачала головой.

— Мой отец был индейцем и выступал в родео.

— Да?

В ее голосе прозвучал ненавязчивый вопрос. Ей хотелось знать больше, но не хотелось быть слишком назойливой.

Мне она начинала нравиться. Я была совершенно уверена, что где-то под пузырями этой жвачки скрывается острый ум.

— Да.

— Участник родео? Здорово! Он еще выступает?

Я покачала головой.

— Нет. Он умер до моего рождения. Оставил мою мать-подростка беременной и незамужней. Я выросла с в... — Я слишком много времени провожу с волками Адама, а не с обычными людьми, подумала я, торопливо заменяя «вервольфов» на «вполне консервативных белых американцев». К счастью, девушка не была вервольфом и не могла учуять ложь.

— Хотела бы я быть коренной американкой, — сказала она чуть печально и стала опять подниматься по лестнице. — Тогда все парни увивались бы вокруг меня. У индейских женщин есть такая загадочная особенность, знаете?

На самом деле ничего подобного, но я засмеялась, потому что она ждала от меня этого.

— Во мне нет ничего загадочного.

Она покачала головой.

— Может, и нет, но если бы индианкой была я, то была бы загадочной.

Она ввела меня в большую комнату, где в глубине уже сидело кружком на стульях пятеро мужчин. Они были заняты разговором и даже не посмотрели в нашу сторону. Четверо из них молоды, моложе даже Тима и Остина., Пятый выглядел точь-в-точь как университетский профессор, вплоть до бородки и коричневого спортивного пиджака.

Несмотря на присутствие людей, воздух в комнате был такой, как будто здесь давно не дышали. А вся обстановка была словно только что со склада или из магазина. Стены и берберский ковер — той же расцветки, что и весь дом.

Я вспомнила живые краски дома Кайла и пару каменных статуй в человеческий рост, подражание грекам, в холле. Кайл называл их Дик и Джейн и очень любил, хотя они перешли к нему от прежнего владельца дома.

Одна статуя изображала мужчину, другая женщину; оба с романтическим выражением смотрели в небо — хотя тело мужчины ясно свидетельствовало, что мысли у него совсем не о небесном.

Наготу Джейн Кайл прикрыл короткой полосатой юбкой и оранжевой рубашкой. А Дик обычно щеголял только в шляпе, да и то не на голове. Вначале это была обычная шляпа, но потом Уоррен купил в магазине подержанных вещей шапочку аэропортового носильщика, свисающую на два фута и с шестидюймовой кисточкой на конце.

В доме Тима, напротив, было не больше личного, чем в съемных квартирах, как будто Тим не доверял своему вкусу и не мог сделать дом своим. Даже за то короткое время, что я с ним знакома, я поняла, что в нем есть не только бежевое и коричневое. Не знаю, что думают другие, но по мне его дом буквально кричал о своем желании соответствовать.

От этого он мне нравился больше: я знала, каково это — не соответствовать.

Возможно, комната не радуется, но приятная. Все хорошего качества, хотя не чрезмерно дорогое. Один угол комнаты обставлен как рабочий кабинет. Большой холодильник рядом с хорошей работой, хотя и стандартным компьютерным столом из дуба. На стене против двери — телевизионный экран, такой большой, что понравился бы даже Сэмюэлю, с обеих сторон колонки. Удобные с виду стулья и диван (все обито искусственной замшей) расставлены как в домашнем кинотеатре.

— Сара сегодня не смогла прийти, — говорила Кортни, как будто я знала, кто такая Сара. — Я рада, что вы пришли, иначе я была бы тут единственной женщиной. Эй, парни, это Мерси Томпсон — помните, Тим говорил, что она может прийти? Та, кого он встретил на музыкальном фестивале в прошлые выходные.

Ее голос подействовал — в отличие от нашего появления — и мужчины подняли головы. Кортни подвела меня к ним.

— Мистер Файдел, — сказала она, представляя старшего из них.

Вблизи его лицо выглядит моложе, чем можно предположить, глядя на седину. Кожа загорелая, здоровая, глаза ярко-голубые и живые, как у шестилетнего.

В доме О'Доннелла его запаха не было, но очевидно, что в этой группе ему нравится — должно быть, здесь он завсегдатай.

— Эйден, — добродушно поправил он Кортни.

Она рассмеялась и сказала:

— Я просто не могу. — Мне она объяснила: — Он вел у нас экономику — и потому навсегда запечатлен в моем сердце как мистер Файдел.

Если бы я не обменялась с ним рукопожатием, я бы не заметила ничего необычного в его запахе. Хотя я редко ассоциирую с людьми запах соленой воды, возможно, передо мной любитель морских аквариумов.

Но его рукопожатие вызвало у меня ощущение легкого гудения магии. Конечно, с магией может быть связан не только малый народ: ведьмы, вампиры, кое-кто еще. Но от магии малого народа особое ощущение — и я готова была биться об заклад, что этот мистер Файдел такой же иной, как Зи... или по крайней мере как владелец книжного магазина.

Я удивилась: что он делает на сходке «Светлого будущего»? Возможно, следит за их действиями. А может, он полукровка и даже не знает, кто он такой. Капля крови малого народа может объяснить эти молодые глаза на лице пожилого человека и слабое ощущение магии.

— Рада познакомиться, — сказала я.

— Значит, теперь вы знаете, чем я зарабатываю на хлеб, — ответил он хрипло, но дружелюбно. — А вы чем занимаетесь?

— Я автомеханик.

— Как удачно, — провозгласила Кортни. — Мой «мустанг» в последние несколько дней издает какие-то странные звуки. Может, посмотришь? Сейчас у меня нет денег — только что заплатила за новый семестр.

— Я в основном занимаюсь «фольксвагенами», — сказала я, доставая из сумки

карточку и протягивая ей. — Тебе лучше обратиться к механику по «фордам», но если хочешь, пригони машину ко мне в мастерскую. Только я не могу работать бесплатно. У меня почасовой тариф ниже, чем во многих других местах, но так как я не часто работаю с «фордами», могу провозиться чуть дольше.

Я услышала, как открылась входная дверь, и мгновение спустя вошли Тим и Остин с ящиком пива и большими пакетами с чипсами. Их встретили приветственными возгласами и набросились на пиво и еду.

Тим поставил свою ношу на столик у двери и шарахнулся, чтобы его не погребли под собой ринувшиеся за пивом молодые люди. Потом без улыбки посмотрел на меня.

— Я думал, вы приведете своего друга.

— Он больше не мой дружок, — ответила я, и облегчение, проступившее на его лице, заставило меня улыбнуться.

Кортни увидела мое облегчение и неверно его истолковала.

— Ой, зайка, — сказала она. — Он из этих? Лучше без них. Берите пиво.

Я отрицательно покачала головой, смягчая отказ улыбкой.

— Пиво мне никогда не нравилось.

Я хотела сохранить всю остроту ума, чтобы не пропустить ни одного намека, хотя мои и так не слишком большие надежды с каждой минутой таяли. Я-то думала, что проникну в организованную группу ненавистников, а попала на вечеринку студентов и их препода.

И готова была поклясться, что уж здесь-то убийцы нет.

— Хочешь диетической коки? — дружески спросил Тим. — У меня в холодильнике была упаковка имбирного эля и еще одна — пива, но эти лузеры давно все выпили.

Ответом стала множество возмущенных возгласов, и это ему как будто понравилось. Молодец, подумала я и перестала жалеть его за то, что у него нет пурпурных стен или статуи в шляпе. *Найди свою нишу, куда можешь вписаться.*

— Диетическая кока вполне подойдет, — сказала я. — Твой дом производит впечатление.

Это понравилось ему даже больше, чем возгласы приятелей.

— Я построил его после смерти родителей. Не мог больше жить в старом доме.

Так как Тим остался разговаривать со мной, коку принесла Кортни. Отдала мне и потрепала Тима по голове.

— Тим не говорит тебе, что его родители были богаты. Они погибли несколько лет назад в автоаварии и оставили Тиму состояние и страховку, которой ему на всю жизнь хватит.

Такое заявление перед совершенно незнакомым человеком смутило Тима.

— Я предпочел бы родителей, — сказал он напряжённым голосом, хотя, по-видимому, горе уже пережил: сейчас от него пахло только раздражением.

Кортни рассмеялась.

— Я знала твоего отца, зайчик. Никто не предпочел бы твоего папочку его деньгам. Но мама у тебя была милая.

Вначале он хотел рассердиться, но пожал плечами и передумал.

— Мы с Кортни кузены. Из тех, что целуются ^[45], — объяснил он мне. — Это делает ее раздражительной, а я учусь ее переносить.

Кортни улыбнулась и отпила большой глоток пива.

Через ее плечо я видела, что остальные усаживаются полукругом рядом со

стратегически расставленными столиками с едой.

Кто-то придвинул стул для Тима, тот сел и пригласил меня сесть рядом; Кортни отправилась за стулом для себя.

Дом принадлежал ему, и я думала, хозяин и начнет, но встал Остин Саммерс и громко свистнул.

Лучше бы он меня предупредил. У меня в ушах еще звенело, когда он заговорил.

— Начнем. У кого сегодня есть сообщения?

Потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, что верховодит здесь Остин. Я могла представить его тамадой на вечеринке с пиццей, но сейчас предпочла бы поговорить с Тимом, а не слушать Остина. Здесь роль Остина была такой же определенной, как роль Альфы в стае.

Вторым в группе — или третьим после Кортни — оказался преподаватель, Эйден Файдел. Мне трудно было понять эту расстановку, потому что они сами с трудом ее понимали. Судя по их неуверенности, я поняла, что место предводителя ранее занимал О'Доннелл. Лидерство Остина мелкий тиран типа О'Доннелла не принял бы с готовностью. Будь Остин из малого народа, я бы поместила его на первое место в списке подозреваемых, — но он был в большей степени человек, чем я.

На протяжении всей встречи Тим оставался незаметным. Не потому что ничего не говорил, а потому, что его никто не слушал, если только его высказывания не повторяли Кортни или Остин.

Немного погодя из отдельных случайных замечаний у меня начала складываться картина.

Возможно, О'Доннелл и основал отделение «Светлого будущего» в Тройном городе, но это у него получалось не очень, пока он не встретил Остина. Они познакомились несколько лет назад в городском колледже. О'Доннелл пользовался программой БДМН: дальнейшее образование для охранников резерваций. А Остин учился в университете штата Вашингтон, работал в Канадской радио- и телевещательной корпорации и должен был вскоре получить диплом компьютерщика.

Тим, которому не нужно было искать работу, был старше большинства остальных.

— Тим получил диплом специалиста в компьютерных науках в университете штата Вашингтон, — шепотом сказала мне Кортни. — Он и с Остином познакомился в компьютерном классе. Тим по-прежнему в каждом семестре посещает в университете несколько курсов. Это дает ему занять себя.

Остин, Тим и большинство студентов входили в клуб колледжа; клуб имел отношение к созданию компьютерных игр. Мистер Файдел был факультетским куратором в этом клубе^[46]. Остин заинтересовался «Светлым будущим» и увел за собой членов клуба. Когда стало ясно, что деятельность группы радикально изменилась, университет от нее отказался, но мистер Файдел продолжал изредка заходить.

На этой встрече прежде всего говорили об отправке букета на похороны О'Доннелла, когда их организует семья. Тим без звука согласился заплатить за цветы.

Затем один молодой человек встал и принялся излагать способы, которые позволят надежно защититься от малого народа; среди этих способов были соль, гвозди в подошвах и надевание белья наизнанку.

Последовал обмен вопросами и ответами. Я наконец не выдержала:

— Вы говорите так, словно весь малый народ одинаков. Я знаю, что среди них есть

такие, которые не боятся железа, а обитателям моря, вроде селки, не страшна соль.

Выступавший, рослый молодой человек, улыбнулся и ответил с гораздо большим жаром, чем во время самого выступления:

— Вы, конечно, правы. Отчасти проблема в том, что, как мы знаем, некоторые истории о малом народе перевраны до неузнаваемости. А сам малый народ не торопится рассказывать нам о себе: процесс их регистрации — это насмешка. О'Доннелл, у которого был доступ ко всем регистрационным документам в резервации, говорил, что точно знает: один из трех, отвечая, кто он есть, лгал. Мы по-прежнему стараемся просеять этот мусор, чтобы найти золото.

— Мне казалось, малый народ не может лгать, — сказала я.

Он пожал плечами.

— Вот уж не знаю.

Заговорил Тим.

— Многие из них, заполняя документы, использовали слова, звучащие по-гаэльски и по-немецки. Если я скажу о себе, что я хеерсберкер, то не солгу, поскольку только что придумал это слово. А по договору об устройстве резерваций нельзя при оформлении задавать никакие уточняющие вопросы.

К концу встречи я была убеждена, что никто из этих ребят не имеет отношения ни к убийственному разгулу О'Доннелла, ни к последующему убийству самого О'Доннелла. Я никогда раньше не посещала собрания групп ненавистников: полуиндианка и не совсем человек, я везде была бы не ко двору. Но я не ожидала такого накала страстей, словно в шахматном клубе. Ну ладно, гораздо меньшего, чем в шахматном клубе.

Я даже была согласна с большей частью того, что они говорили. Кое-кто из малого народа мне нравится, но я знаю достаточно, чтобы опасаться этого народа в целом. Трудно винить этих ребят, если они не верят политикам и спичрайтерам. Как сказал мне Тим, для этого достаточно прочесть истории о малом народе.

После встречи Тим проводил меня до машины.

— Спасибо, что пришла, — сказал он, открывая для меня дверцу. — Ну, что скажешь?

Я напряженно улыбнулась, чтобы скрыть недовольство тем, что он взялся за мою дверцу раньше меня. Хотя Сэмюэль и Адам, оба продукты более раннего воспитания, открывали для меня дверцу и меня это не беспокоило.

Но я не хотела его обижать, поэтому сказала только:

— Твои друзья мне понравились... и, надеюсь, ты неправ относительно того, что малый народ представляет угрозу.

— Ты ведь не считаешь нас невеждами, бегающими с криком «Небо падает»?

— Похоже на цитату.

Он чуть улыбнулся.

— Прямо из «Геральда».

— Ого! Нет, не считаю.

Я наклонилась, садясь в машину, и увидела, что дорожный посох вернулся, лежит на двух передних сиденьях. Мне пришлось сдвинуть его, чтобы сесть.

Сдвинув посох, я посмотрела на Тима, но он его как будто не узнал. Может, О'Доннелл не показывал его во время встреч «Светлого будущего», а может, и сам посох не показывался. И Тим не заметил ничего необычного в том, что у человека, который ездит в машине, на сиденьях лежит палка для ходьбы. Люди вообще считают механиков

«фольксвагенов» странными.

— Послушай, — сказал он, — у меня тут нашлось время поработать над артуровскими легендами, после нашего разговора я почитал де Труа и Мэлори. И... может, поужинаешь со мной завтра?

Тим хороший человек. Можно не беспокоиться о том, что он попробует подчинить меня с помощью какой-нибудь магии вервольфов и вообще контролировать. Он никогда не разъярится и не вцепится собеседнику в горло. Не убьет двух невинных жертв, чтобы защитить меня от ненависти госпожи вампиров. Стефана с того случая я не видела, но я не вижу вампиров месяцами.

На короткое мгновение я подумала, как хорошо было бы встречаться с нормальным человеком, таким, как Тим.

Конечно, остается небольшая проблема — сказать ему, кто я. И сообщить незначительный факт, что я вовсе не стремлюсь оказаться в его постели.

Но главное, конечно, то, что я почти влюблена в Адама, хотя он меня и пугает.

— Прости, нет, — сказала я, качая головой. — У меня только что закончились отношения. И я не готова начинать новые.

Его улыбка стала шире и казалась болезненной.

— Как ни странно, я тоже. Мы встречались три года. Я отправился в Сиэтл покупать кольцо. Положил кольцо в карман, отвел ее в наш любимый ресторан, и тут она мне сказала, что через две недели выходит замуж за своего босса. И уверена, что я пойму.

— Ой! — сочувственно сказала я.

— Она вышла замуж в июне, прошло уже несколько месяцев, но я все еще не готов снова начать отношения.

Очевидно, устав стоять согнувшись, он сел рядом с машиной на корточки, так что его голова оказалась чуть ниже моей. Протянув руку, он коснулся моего плеча. На пальце было простое серебряное кольцо с поцарапанной, стертой поверхностью. Я удивилась: он не был похож на человека, носящего кольца.

— Так зачем приглашать меня на ужин? — спросила я.

— Потому что я не собираюсь становиться отшельником. В смысле: «Не позволяй ублюдкам править тобой». Так почему бы нам не поесть вместе и не поговорить? Никаких обязательств, и я не собираюсь завершить встречу в постели. Только разговор. Ты, я и «Le Morte d'Arthur»^[47]. — Он криво улыбнулся. — И добавочный бонус: я учился на разных кулинарных курсах.

Еще один вечер разговоров о создателях артурианы и средних веках — звучит забавно. Я открыла рот, собираясь согласиться, но ничего не сказала: нечего глупить.

— Как насчет семи тридцати? — продолжал он. — Я знаю, это поздно, но до шести у меня занятия, а я хотел бы к твоему приходу приготовить ужин.

Он встал, закрыл дверцу, похлопал по ней и направился к дому.

Неужели я согласилась на свидание с ним?

Ошеломленная, я тронулась с места и направилась по автостраде домой. Я думала обо всем, что следовало бы сказать. Позвоню ему, как только вернусь и разыщу номер. Спасибо, но нет.

Мой отказ обидит его, но если пойти, может быть еще хуже. Адаму не понравится, что я ужинаю с Тимом. Совсем не понравится.

Проехав поворот на «Торговый центр Колумбия», я поняла, что за мной едет машина

Эйдена Файдела. Он отъехал от дома Тима одновременно со мной — как и еще трое. Я заметила его только потому, что он ездит на «Порше 911», широкой машине, какую мне всегда хотелось, хотя ярко-желтому цвету я предпочла бы черный или красный (пусть это и более обычно). Кто-то в городе водит лиловую — у меня от нее слюнки текут.

Мимо прошел «бьюик», и в свете моих фар стала видна наклейка на бампере: *«Некоторые подобны слинки. Ни на что не годны, но я все равно улыбаюсь, когда вижу, как они спускаются по лестнице».*

Я улыбнулась и перестала думать об оказавшемся за мной «порше». Файдел, вероятно, живет в Кенневике и сейчас просто едет домой.

Но вскоре вернулось ощущение, что меня преследуют: я это чувствовала затылком. Файдел по-прежнему висел у меня на хвосте.

Файдел — из малого народа, но главная у них доктор Олтман, а она знает, что нападение на меня не сойдет им с рук. У меня нет причин нервничать.

Можно позвонить дядюшке Майку — если он не разделяет мнение Зи и ответит на мой звонок.

Дядюшка Майк может сказать, действительно ли я попусту впала в панику из-за Файдела. Я достала телефон, раскрыла его, но огонька не увидела. Экран телефона оставался темным. Должно быть, забыла зарядить.

Рискуя получить штраф за превышение скорости, я повела «кролика» быстрее. Ограничение скорости здесь пятьдесят пять миль, и полиция часто патрулирует шоссе, так что движение практически идет на шестидесяти или около того. И с облегчением вздохнула, когда фары Файдела исчезли за каким-то минивэном.

Автострада вывела меня на Канал-стрит, и я сбросила скорость до городской. *Должно быть, сегодня мой вечер глупостей.*

Вначале приняла приглашение поужинать с Тимом — по крайней мере не отказалась. Потом запаниковала, увидев машину Файдела. Черт побери!

Я хорошо знала, что приглашение Тима принимать не следует. Каким бы славным ни был разговор, он не стоит неприятностей с Адамом. Нужно было сразу же отказать. Теперь сделать это будет труднее.

Странно, но не мысль о нраве Адама приводила меня в отчаяние — зная, что он по той или иной причине рассердитш, я обычно специально выводила его из равновесия. Провоцировала его при каждой возможности. Что-то в нем, когда он сердится и становится опасен, зажигает мою кровь. Кажется, с моим инстинктом выживания что-то неладно.

Если я отправлюсь к Тиму домой на ужин вдвоем (а что бы ни говорил Тим, ужин вдвоем — это свидание), Адаму будет больно. Гнев — это в порядке вещей, но делать Адаму больно я не хотела.

На Вацингтон-стрит горел красный свет. Я остановилась возле грузовика с двумя двигателями. Мы ждали, когда проедет несуществующий поток машин; мой «кролик» дрожал: рядом работал мощный мотор грузовика. Мы поехали; я обогнала грузовик и посмотрела в зеркало заднего обзора, прежде чем перейти в правую полосу, а потом свернуть на Кемикал-драйв. Грузовик отстал, и сразу за ним я увидела «порше»: машина блестела в уличных огнях, как лютик.

Меня охватил неожиданный, неразумный страх, свело желудок, и я пожалела о выпитой кока-коле. То, что настоящей причины бояться не было, не уменьшало страх. Койот решил, что я его игнорирую, и что ему грозит опасность.

С трудом дыша сквозь зубы, я дожидалась, пока волна паники схлынет и сменится настороженностью, готовностью к действиям.

Я готова была поверить, что домой нам по дороге. Этот небольшой участок шоссе — самый быстрый путь к восточной части Кенневика, к тому же отсюда можно попасть в Паско и Бербанк, хотя по федеральной дороге на противоположном берегу реки было бы быстрее.

Но когда я свернула на Кемикал-драйв, откуда можно проехать только к Финли, Файдел повернул следом, а я никогда раньше не видела в Финли такой «Порше 911». Он преследует меня.

Я невольно снова потянулась за телефоном, но когда достала его из сумки, вся рука у меня стала мокрой. И тут я поняла, что запах соленой воды становится все сильнее. Я бросила бесполезный телефон и поднесла руку ко рту. Вкус тины и соли — скорее соленое болото, чем морская вода.

Хотя наши с Адамом участки разделены общей изгородью, поворачивать к нему с улицы ладо на полмили раньше, чем ко мне. Я не могла вспомнить, работает ли сегодня ночью Сэмюэль, но даже если Адама нет дома, кто-нибудь там есть обязательно. И этот кто-то — вервольф.

Конечно, в доме будет и Джесси, но Джесси способна защититься еще меньше моего.

Я свернула на Финли-роуд, чтобы иметь возможность подумать. Объезд длинный, и мне придется вернуться на Кемикал, чтобы попасть домой, но я сегодня натворила немало глупостей, и мне еще нужно решить, такая ли прекрасная мысль — привести этого иного, каковы бы ни были его намерения, к дому Адама.

Волноваться не стоило. Когда я проезжала «Парк Двух Рек», где дорога пуста, а дома стоят вразброс, мой «кролик» закашлялся, захлебнулся и остановился.

Обочины не было, поэтому я просто свела машину с асфальта, надеясь на лучшее. Если оставить ее на дороге, какой-нибудь бедняга, возвращаясь позже домой, может наткнуться на нее и погибнуть. «Кролик» подпрыгнул на нескольких камнях, что не пошло на пользу моей подвеске, и остановился на относительно ровном месте.

В машине я чувствовала себя как в западне, и поэтому выбралась из нее, едва только перестали вращаться колеса. «Порше» остановился и урчал на дороге.

Пока я возвращалась, совсем стемнело, и свет фар слепил меня — один из недостатков хорошего ночного зрения. Я отвернула голову, и поэтому, когда Файдел вышел из машины, я это скорее услышала, чем увидела.

— Странно видеть иного на «порше», — холодно сказала я. — Блок цилиндров может быть из алюминия, но корпус стальной.

Машина издала глухой звук, словно по ней похлопали.

— На «порше» кладут много слоев хорошей краски, а у меня дополнительно четыре слоя воска, так что никаких проблем, — сказал он.

Как от воды на моем телефоне, от него пахло гнилой растительностью и солью. То, что я его не вижу, беспокоило меня: нужно уйти из света фар.

Я могу убежать, но бежать от того, кто может оказаться проворнее, — не самое умное. Только в самом крайнем случае. Может, ему нужен только этот дурацкий посох? Поэтому я вышла на дорогу и по широкому полукругу обошла свою машину, пока не оказалась сбоку от «порше», а не в свете его фар.

А когда ступила на асфальт, ощутила, как по нему словно катится волна магии. Сильная

магия вызывает почти болезненное ощущение, словно языком касаешься обоих полюсов девятивольтовой батарейки. Сегодня в магии было нечто большее... нечто хищное.

Файдел далеко не так слаб, каким казался на приеме у Тима.

Я зашипела, ощутив сильную боль в ногах. И остановилась на другой стороне дороги. Глаза мне по-прежнему жгло, но я разглядела его: он стоял у места водителя. Выглядел он не совсем так, как у Тима. Подробности были не видны, но мне показалось, что он стал выше и шире.

Он вежливо ждал, чтобы я остановилась, и только тогда заговорил. Обычно, когда за тобой охотятся, вежливость — дурной знак. Это значит, твой противник уверен: он может в любую минуту схватить тебя.

— Значит, ты маленькая собака с любопытным носом, — сказал он. — Не надо было совать его в чужие дела.

— Зи мой друг, — ответила я. По какой-то причине слово «собака» оскорбило меня. Но было бы глупо говорить: «Я не собака». — Вы, малый народ, хотите, чтобы он принял смерть за чье-то преступление. Я единственная, кто захотел найти настоящего убийцу. — Я соображала, по какой причине он может на меня сердиться. — Я сейчас смотрю на убийцу?

Он закинул голову и рассмеялся — низким грудным смехом. А когда снова заговорил, в голосе слышался шотландский акцент, и этот голос стал на пол-октавы ниже.

— Я не убивал О'Доннелла, — сказал он, что было не совсем ответом на мой вопрос.

— У меня есть защита, — спокойно сказала я, стараясь не говорить вызывающе. — Убьешь меня — начнешь войну с вервольфами. Нимейн в курсе.

Он поводил головой из стороны в сторону, как спортсмен, разминающий мышцы шеи. Его волосы стали длиннее и влажно шуршали, падая на плечи.

— Нимейн не та, что прежде, — сказал он. — Слаба, слепа и слишком беспокоится о людях.

Он вдохнул и начал расти, когда вдох закончился, силуэт Файдела оказался выше любого виденного мной мужчины по меньшей мере на фут, и в ширину он был почти такой же, как в высоту. Мои глаза привыкли, и я увидела, что изменились не только его размеры.

— Твой смертный зов прозвучал, — сказал он. — И до сих пор мне никто не говорил, что его отменили.

Он снова рассмеялся и встряхнулся. С темных полос, покрывавших его, как обтрепанный ковер, слетела пена. Губы его стали шире, чем раньше; в темной пещере рта виднелись длинные светлые острия.

— Давненько... — Голос его звучал мокро и хлюпающе. — Человеческое мясо такое сладкое у меня на языке, а я очень давно его не пробовал. Мое нутро просит пропитаний'. -

Он заревел, как зимний ветер, и одним прыжком перелетел через дорогу.

Но прежде чем он приземлился, я, уже в обличье койота, опрометью мчалась прочь, на бегу разбрасывая одежду. Споткнулась о бюстгальтер, покатилась и в падении избавилась от помехи.

Он мог бы схватить меня, но думаю, наслаждался погоней. Наверное, поэтому и не вернулся к «порше». Ему потребовались бы минуты, чтобы уменьшиться и влезть в машину, хотя машина гораздо быстрее меня, и я не могу бежать бесконечно.

Мне пришлось держаться дороги, пока я не пересекла канал. Перепрыгнуть через него я не могла — слишком широко, а плаваю я не так хорошо, чтобы уйти от водяного.

Миновав канал, я тут же спустилась на дорогу, ведущую к реке. Перескочила через

изгородь у первого дома и побежала по полю. Когда хозяйская собака заметила меня и залаяла, поднимая тревогу, я уже была на другом поле и бежала в траве выше моего роста. Пробежав с полмили, я перешла на быстрый шаг.

Почва мягкая, на поле пасутся коровы и лошади. В загоне за мной погнался разъяренный осел; но я только наддала и перемахнула через ограду загона. Лошади обычно не реагируют на койотов, коровы тоже. Куры разбегаются, а вот ослы, все до единого, нас ненавидят.

Услышав за собой копыта, я удивилась: осел перепрыгнул через ограду загона? — но тут в ужасе заржала лошадь, мимо которой я пробегала.

Келпи^[49] может принять обличье лошади, подумала я, переходя на самую большую скорость.

Кем бы ни был Файдел, железнодорожные рельсы ему не нравились. Хотя он мог пересечь их, но делал это медленно и кричал от боли. В Финли множество железнодорожных путей, и я, где могла, пересекала их по дороге к дому Адама.

На ровных полях Файдел был резвей меня, но не мог так быстро, как я, преодолевать препятствия.

Я перебралась через двенадцатифутовую решетчатую ограду вокруг одного из промышленных участков и пожалела, что она не из железа. Колючая проволока наверху делала препятствие более интересным, но я справилась.

Изгородь прогнулась под тяжестью келпи, и я услышала скрип металла, когда она рухнула. Но это замедлило его продвижение. Поэтому я не воспользовалась открытыми воротами, но и по ту сторону перебралась через ограду.

Я не поворачивала, зато повернула река, и мне пришлось пробежать с полмили вдоль берега мимо нескольких привязанных вдоль него старых барж. Келпи догонял меня, пока я не нашла большую, колючую живую изгородь.

Это один из моих традиционных маршрутов; за годы я проложила дорожку под кустами и бежала почти без задержек. У Файдела, который гораздо крупнее, такого преимущества не было.

Перепрыгнув через ограду Адама, я не услышала за собой Файдела, поэтому на бегу сменила облик. Немного не рассчитала и на гравии подъездной дороги больно упала на колени. Здесь стояли машина Даррила и «тойота» Хани. Маленький красный грузовичок-«шевроле» принадлежал Бену.

— Адам! — кричала я. — Тревога!

Мои две ноги отказывались работать так же слаженно, как четыре, и я бежала, спотыкаясь, стараясь не упасть.

К тому времени как я поднялась на порог, Даррил уже открыл дверь. Я снова упала и на этот раз просто катилась, пока не уперлась в стену под большим окном.

— Кто-то из водяного малого народа, — сказала я, отдуваясь и кашляя. — Может выглядеть как лошадь или другое животное с копытами. Или болотная тварь с машину Адама. Клыкастое чудовище.

Я была похожа на сумасшедшую, но Даррил несколько не удивился.

— Ты продолжаешь тревожить чудовищ, Мерси, и когда-нибудь одно из них тебя съест.

Он говорил спокойно и хладнокровно и смотрел на изгородь, через которую я перескочила. В руке у него был большой автомат: должно быть, он прятал его, потому что поначалу я оружия не заметила.

— Надеюсь, нет, — ответила я с трудом, продолжая отдуваться. — Не хочу быть съеденной. Рассчитываю, что вначале меня убьют вампиры.

Он рассмеялся, хотя это было совсем не смешно.

— Все остальные меняются, — сообщил он и при этом не имел в виду смену одежды. Впрочем, мог и не говорить: я их чувствовала. — Далеко от тебя эта тварь?

Я покачала головой.

— Близко. Я бежала от нее чере ежевику, но... *Вон! Вон!* От реки!

Даррил прицелился и начал, стрелять в тварь, которая вышла из черной воды и бежала по разровненному гравия пляжа Адама.

Я торопливо заткнула уши, чтобы убереечь слух. Хоть на крыльце Адама горел фонарь, а мое ночное зрение адаптировалось, я не могла сосредоточить взгляд на существе, в которое превратился Файдел. Его тело словно поглощало свет и оставило у меня только впечатление болотной травы и воды.

Пули заставили его слегка сбавить прыть, но не думаю, что причинили достаточно вреда, чтобы остановить. Я справилась с дыханием и, хоть ноги у меня были словно из резины, не собиралась сидеть здесь в качестве приманки.

Я начала вставать, но Даррил схватил меня за руку и дернул вниз. В это мгновение стекло в большом окне разлетелось. Через мою голову перепрыгнул вервольф — и приземлился на пороге в десяти футах от меня. Здесь он остановился, разглядывая Файдела.

— Осторожней, Бен, — сказала я. — Он очень проворен, и у него большие зубы.

Долговязый рыжий волк оглянулся. Крыльцо предостерегающе затрещало. Бен улыбнулся мне. Эта мина — с блестящими белыми клыками — гораздо выразительнее улыбки человека. Бен спрыгнул с крыльца и молча понесся на Файдела.

За ним выскочил черный волк, чуть посеребренный, как сиамский кот. Он посмотрел на меня — я сидела вся в осколках стекла — глазами Адама, потом перевел взгляд на Даррила.

— Хорошо, — сказал Даррил, хотя я знала, что Адам в обличье волка не может говорить со стаей, как это может Маррок.

Даррил опустил автомат, из которого непрерывно стрелял, и осторожно поднял меня.

— Давай уберем стекло. Если ты истечешь кровью, Адам сделает из Бена отбивную.

Я посмотрела на себя и поняла, что из множества порезов по всему моему телу идет кровь. И позволила Даррилу внести меня в дом, прежде чем высвободилась.

Он отпустил меня и принялся срывать одежду.

Еще один вервольф, рыжевато-коричневый, прекрасный, прошел мимо меня, отодвинув на шаг в сторону. Хани. За ней последовала еще пара волков, один пятнистый, другой серый. Тоже из стаи Адама, хотя я не могла назвать их имен.

— Мерси, в чем дело? — Питер, муж Хани, оставался в обличье человека. Он увидел мой взгляд и сказал: — Адам велел мне оставаться человеком. Я должен увести Джесси, если дела пойдут плохо.

Услышав крик снаружи, я забыла о нем. Нужна очень сильная боль, чтобы волк так взвыл рядом с логовом стаи. Этот крик означает, что кто-то тяжело ранен.

Я привела сюда эту тварь. И должна помочь дать ей отпор.

— Холодное железо. — Мой голос дрожал от избытка адреналина. — Соль на него не подействует. Нижнего белья, чтобы его вывернуть, мне не хватает. Обуви нет. Нужна сталь!

— Сталь? — переспросил Питер.

Не обращая на него внимания, я кинулась на кухню и схватила французский поварской

нож и еще один нож, хенкельс ^[50]; Адам заплатил за этот набор крупную сумму. Ножи не из нержавеющей стали, потому что обычная сталь, с высоким содержанием углерода, дольше сохраняет острую кромку. И на малый народ действует сильнее.

Когда я выбежала из кухни, Питер приземлился у подножия лестницы. Думаю, он спрыгнул с самого верху — вервольфы способны на такое. В руке у него была сабля.

— Мерси, — сказал он. Голос его звучал непривычно. Приятный среднезападный акцент исчез, сменившись немецким — не совсем как у Зи, но похожим. — Адам приказал мне охранять Джесси и не помогать.

Что-то тяжело ударилось о стену дома.

Сабля лучше двух небольших ножей.

— Ты умеешь ею пользоваться?

— Ja.

Как официально провозглашенная подруга Адама, я имею право отменять его приказы — хотя в случае неудачи мне придётся отвечать.

— Иди помоги. Я буду держаться в стороне и уведу Джесси, если запахнет жареным.

Он исчез еще до того, как я произнесла последние слова.

Я попыталась выглянуть в окно, но крыльцо загораживало происходящее. Из комнаты Джесси должно быть лучше видно — и у нее может найтись для меня одежда.

Я побежала вверх по лестнице, но к концу уже с трудом шла. В форме койота я легко бегу на четырех лапах, но мне трудно бежать очень быстро. У меня просто не осталось сил.

Джесси, должно быть, услышала меня и высунула голову из ванной. И тут же бросилась ко мне:

— Чем я могу помочь?

Я оглядела себя, чтобы понять, чем вызван ужас у нее на лице. Дело не в моей наготе. Джесси выросла среди волков, а те, кто меняет облик, не могут позволить себе излишнюю скромность. Для волков перемена — процесс медленный и болезненный. Если во время перемены они срывают одежду, боль усиливается. Это делает их еще раздражительней — так что обычно они сначала раздеваются.

Нет, дело не в моей наготе. Дело в крови: я вся в крови.

Я в ужасе оглянулась и увидела что ковер вдоль всей лестницы выпачкан кровью.

— Черт возьми, — сказала я. — Чистка обойдется в круглую сумму.

Но тут я услышала рев, от которого задрожал дом, и перестала думать о ковре. Оттолкнувшись от перил, за которые держалась, чтобы сохранить вертикальное положение, я перебралась к окну Джесси. Оно было широко раскрыто. Джесси уже подняла жалюзи. Держа в обеих руках по ножу, я выбралась из окна и оказалась на крыше крыльца, откуда мне все было видно.

Вервольфы тяжело пострадали. Бен жался к машине Адама, борт которой был разорван.

Даррил кружил вокруг иного. Его пятнистая шкура сливалась с темнотой. Думаю, если бы он не двигался, я бы его вообще не увидела. Адам вцепился в спину Файдела; когтями передних лап он, как кошка, вырывал полосы со спины, но трудно было сказать, насколько серьезный ущерб он причинял. Хани и ее муж действовали заодно. Она отвлекала иного быстрыми прыжками и кусала, дожидаясь, когда Питер воспользуется возможностью и пустит в ход саблю.

Со своего наблюдательного пункта я слышала слова Питера:

— В этих водорослях плоть не найдешь!

— Не могу понять, побеждают они или проигрывают, — сказала Джесси, вылезая из окна. Она набросила на меня одеяло и присела рядом на крыше.

— Я тоже не могу, — начала я, но замолчала на полуслове, почувствовав болезненно накатившую волну магии.

— Осторожно! — крикнула я волкам внизу. Я успела добраться до края крыши и увидеть, как иной невероятно быстро пробежал по открытому участку и прыгнул в чернильную реку. Адам по-прежнему был у него на спине.

Вервольфы не умеют плавать. Как у шимпанзе, у них для этого слишком мало жира. Мой приемный отец покончил жизнь самоубийством, просто войдя в реку.

Я хотела прыгнуть с крыши. Я могу в полете поменять обличье, приземлюсь уже на четыре ноги и через несколько секунд буду в воде. Но ведь я пообещала следить за Джесси. И если обещание становится очень неудобным, это вовсе не означает, что его не нужно выполнять.

Питер, не теряя ни секунды, бросил саблю и вошел в воду. При свете фонаря на крыльце я видела, как его голова исчезла под водой.

Джесси изо всех сил стиснула мою руку.

— Давай, давай, — умоляла она, затем радостно завопила, когда показался Питер. Он тащил за собой кашляющего и отфыркивающегося волка.

Я села и с облегчением закрыла лицо руками.

Глава десятая

— Ты вся в крови и стекле, — сказала Джесси, помогая мне перетащить усталое тело через подоконник. — И эта кровь не поможет волкам успокоиться.

— Мне надо спуститься и проверить, — не в первый раз упрямо повторила я. — Там есть раненые, и это моя вина.

— Они наслаждались каждым мгновением этой драки, ты это отлично знаешь. И вообще безопаснее будет дать им возможность немного успокоиться. Папа поднимется, когда сможет говорить. Тебе лучше принять душ, пока ты не испортила ковер.

Я посмотрела вниз и увидела, что все еще теряю кровь. Как только я позволила себе это заметить, ноги начали дрожать и подергиваться.

Подчиняясь настояниям Джесси, я забралась под душ (в ванной Адама, поскольку вторая ванная все еще открыта миру). Джесси принесла старые спортивные брюки и футболку, на которой было написано, что я люблю Нью-Йорк, и закрыла за мной дверь ванной.

Возбуждение схлынуло, и я почувствовала такую усталость, что едва могла двигаться. Ванная Адама была со вкусом выкрашена в коричневый цвет, который в то же время не действовал расслабляющее. Его бывшая жена — каковы бы ни были ее недостатки, а их у нее хватало, — отличалась прекрасным вкусом.

Ожидая, пока вода для душа согреется, я посмотрела на себя в высокое, от потолка до пола, зеркало, скрывающее стену между душем и туалетом, и вопреки чувству вины — ведь это я приманила иного к ничего не подозревающей стае Адама, — не смогла сдержать улыбку.

Я выглядела героиней плохого фильма ужасов. Голая, от кончиков пальцев рук до локтей и от пальцев ног до колен покрытая болотной грязью (меня всегда поражало, откуда в Тройном городе — ведь вокруг в основном пустыня — столько болот). Все остальное блестело так, словно я натерлась какой-то сверкающей мазью — на самом деле над моим потным телом разбилось окно. Время от времени, когда я двигалась, сыпались более крупные осколки: волосы тоже блестели от стекла.

Все тело было покрыто мелкими порезами, из которых сочилась кровь. Я подняла ногу и вытащила крупный осколок, из-за которого под ногой уже накопилась лужа крови. Болеть по-настоящему порезы начнут завтра. Не впервые я пожалела, что не умею исцеляться, как вервольфы.

От душа повалил пар, я встала под него и закрыла за собой стеклянную дверь. Вода обжигала; я зашипела, когда она коснулась порезов, потом выругалась, наступив на осколок, вероятно, упавший с волос, когда на них полилась вода.

Слишком усталая, чтобы вылавливать стекло, я прислонилась к стене и позволила воде течь по телу. От облегчения у меня вконец ослабли колени. Только опасение, что я могу сесть на стекло и порезать что-нибудь более важное, чем ноги, помешало мне распластаться по полу в душевой кабинке.

Я провела инвентаризацию.

Я все еще жива, живы и волки... возможно, кроме Бена. Я закрыла глаза и постаралась не думать о лежащем на траве рыжем волке. Вероятно, с Беном все обойдется. Вервольфы способны выдержать серьезный ущерб; к тому же пока Бен был беспомощен, другие

вервольфы не подпускали к нему врага. С ним все будет хорошо, уверяла я себя, но это неважно. Мне нужно собраться с силами, выйти из-под душа и проверить.

Дверь ванной открылась, и я почувствовала волну силы Адама.

— На Финли-роуд, прямо перед «Парком Двух Рек», посреди дороги стоит «порше», — я вспомнила об этом только сейчас. — Если машину не убрать, кто-нибудь наткнется на него и погибнет.

Дверь снова открылась, слышались голоса. Сквозь шум падающей воды я слышала:

— Я этим займусь.

Снова муж Хани, подумала я, потому что вервольфы в обличье волка говорить не могут, а Питер единственный оставался в облике человека. Кое-кто из волков уже успел перемениться, но без важной причины они скорее всего останутся волками на всю ночь. Кроме Адама.

Стремительная перемена, чтобы сразиться с иным, которого я привела к его дому, потом в течение часа новая перемена — все это не улучшит настроения Адама. Я надеялась, что он что-нибудь съел до того, как прийти сюда: перемена отнимает много энергии, а я не хотела бы встретиться с голодным Адамом. Я оставляю слишком много крови.

Адресованные Адаму слова о машине Файдела должны были дать мне время выйти из-под душа и закутаться в полотенце, но я не могла собраться с силами и продолжала стоять под струями воды.

Большая стеклянная дверь открылась, но я на нее не смотрела. Адам ничего не сказал. Он положил руки мне на плечи и повернул меня так, что я оказалась лицом к головке душа. Я еще больше наклонила голову и шагнула вперед, чтобы вода падала мне на макушку, а не на лицо.

Должно быть, он подобрал гребень, потому что стал вычесывать из моих волос осколки. И тщательно старался больше ничего не касаться.

— Осторожней, — сказала я. — Тут стекло по всему полу.

Гребень остановился, потом продолжил движение.

— Я обут, — сказал Адам. Рычание в голосе подсказало мне, что волк недалеко, хотя движения рук, касающихся моих волос, человеческие и мягкие.

— Все в порядке? — спросила я, хотя знала, что сейчас ему нужна тишина.

— Бен ранен, но ничего такого, что не зажило бы к утру. — И ничего такого, чего он не заслужил, прыгнув через окно. Стекло тяжелее и острее ножа гильотины. — Ему повезло, что он не перерезал себе горло, и еще больше повезло, что у тебя только мелкие порезы.

Я чувствовала, как его сотрясает гнев. Вервольфы — в волчьем обличье — редко сердятся, ведь и медведь-гризли не всегда сердит, он только кажется сердитым. Если то, что сказала мне Хани, верно, — Адам еще чаще меняет настроение, чем обычно. И драка тут только во вред.

Все это означает, что мне нечего скрывать свою неуверенность, дразня его, — это было бы нечестно по отношению к нему. Черт возьми!

Я слишком устала, чтобы играть в игры, которые успокаивают вервольфов, и в то же время скрывать от него, как я напугана.

— Я не ранена, — сказал я. — Только устала. Этот иной умеет бегать.

Он заворчал при воспоминании о недавнем противнике, и это был не человеческий звук.

Я выругалась, хотя обычно стараюсь не делать этого при Адаме: ведь он щепетилен, как

всякий мужчина, выросший в пятидесятые годы, когда воспитанные женщины не бранились.

Он продолжал расчесывать мне волосы. Я терпеливо ждала; пока он не убедился, что убрал все осколки. Он закрыл воду и вышел из душа, чтобы взять полотенце, висевшее на дверце шкафа.

Адам повернул голову и не мог видеть меня. Тогда я на него посмотрела. Хотя рубашку он снял, на нем были мокрые джинсы и теннисные туфли.

Как только он начал поворачиваться, я отвела взгляд. Он вернулся к душе и вытер меня пушистым, приятно пахнущим полотенцем. Оно слишком много времени провело с сухими простынями, поэтому, несмотря на густой ворс, не очень впитывало воду. Я прикусила губу, чтобы не сказать ему об этом.

Так близко к Адаму я чувствовала, что он все еще на грани срыва, поэтому смотрела под ноги и держалась покорно, давая ему время справиться с гневом.

Я умею изображать ложную покорность даже с лучшими из них. Когда общаешься с вервольфами, это просто техника выживания.

Он остановился, перейдя к моему животу. Позволил полотенцу упасть и опустил на одно колено. Его лицо оказалось на одном уровне с моим пупком. Адам закрыл сверкающие глаза и прижался лбом к уязвимой мякоти под моей грудной клеткой.

Плоть живота мягкая, сладкая, незащищенная. Но нос отчетливо говорил мне, что думает Адам не о еде. Несколько захватывающих мгновений мы оба ждали.

— Сэмюэль рассказал мне о твоей татуировке, — сказал он, согревая дыханием мою кожу.

Неужели он ее не видел? Я старалась не дразнить его и поэтому в его присутствии всегда оставалась одетой — так что, может, и не видел.

— Это отпечаток лапы койота, — сказала я. — Сделала, когда училась в колледже.

Он поднял голову и посмотрел мне в лицо.

— Мне он кажется волчьим отпечатком.

— Это сказал Сэмюэль? — Близкий контакт не оставлял меня равнодушной — я ничего не могла с собой поделать и провела пальцами одной руки по его волосам. — А что еще он сказал? Что я обозначила себя как его собственность?

Он не мог солгать — с другим волком это совершенно безнадежно. Но намек здесь, намек там — достаточно.

Адам прижимался лицом к моему животу, так что я видела его макушку. Его щеки и подбородок кололись, но я ощущала не это. Руки Адам скользнули вверх по ногам на ягодицы и надавили, прижимая меня к его лицу.

Губы его были мягкими, но не такими мягкими, как язык.

Мы делали еще один шаг, к которому я не была готова, — и я на какое-то время задумалась об этом, закрыв глаза. Может, будь это кто-то другой, не Адам, я не стала бы возражать. Но Маррок научил меня, что, общаясь с вервольфами, ты всегда имеешь дело с двумя системами инстинктов. Одна система принадлежит зверю, вторая — человеку. Адам — не современный мужчина, довольствующийся тем, что может переходить из одной постели в другую. В его время секса до брака не было, и я знала, что он в это верит.

Я — результат случайного секса, я, выросшая ничьей, — тоже в это верю. О, в свое время я подумалась, но с этим покончено.

Так ли уж плохо быть парой Адама? Все, что для этого нужно, — сделать еще всего один шаг.

— Девочка, с которой я жила в одной комнате в колледже, выросла, помогая родителям в мастерской тату. На учебу она зарабатывала, делая желающим татуировки. Я помогала ей по нескольким предметам, и в обмен она предложила мне бесплатно сделать татуировку, — сказала я Адаму, пытаясь отвлечь кого-нибудь из нас.

— По-прежнему боишься меня? — спросил он.

Я не знала, что ответить, потому что на самом деле боялась не его. Боялась той себя, какой я становилась рядом с ним.

Он вздохнул и, прежде чем встать, откинулся, так что мы не соприкасались. Бросил влажное полотенце на пол и вышел из душевой.

Я двинулась следом.

— Стой.

Он взял другое полотенце и закутал меня. Потом поднял на руки и посадил на стойку между раковинами.

— Я переоденусь в сухое и найду что-нибудь тебе на ноги. В доме повсюду битое стекло. Сиди здесь, пока я не вернусь.

Ждать ответа он не стал. Наверно, оно и к лучшему — говорила я с трудом. Последнее предложение заставило бы меня ошетиниться, даже если бы он не произнес его резким военным, командным тоном. Почему я всегда пытаюсь справиться с волком, а не наоборот?

Может, потому, что у волка Адама большие когти и большие белые зубы.

Я могла дотянуться до одежды Джесси, не слезая со стойки, поэтому влезла в спортивные брюки и футболку. У меня футболки старомодные, из плотного хлопка, но Джесси носит модные, тонкие, которые обтягивают все изгибы тела. Кожа моя была еще влажной, футболка тесной, и я выглядела так, будто сбежала со студенческого купания в футболках на голое тело.

Я схватила одеяло и прикрыла им свои прелести: вернулся Адам. На нем были чистые сухие джинсы и другие теннисные туфли. Надеть рубашку он не потрудился: после двух перемен в течение часа кожа у него должна болеть, как от солнечного ожога. И даже душ тут не поможет.

Я сосредоточилась на его ногах и плотнее прижали одеяло к груди.

К моему удивлению, он внимательно посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся.

— Ты выглядишь воплощением кротости. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь видел тебя кроткой.

— Внешность обманчива, — ответила я. — На самом деле я — измученная, испуганная дура. Извини, что приманила сюда эту тварь и подвергла опасности Джесси.

Я смотрела, как туфли Адама приближаются к стойке. Он наклонился, окутывая меня своей силой и запахом. Его влажные волосы коснулись моего лица, на них был слабый запах жнивья.

— У тебя несколько порезов на голове, — сказал он.

— Извини, что привела его сюда, — повторила я. — Я думала, сумею избавиться от него по дороге, но уж больно он прыткий. У него есть и другое обличье, что-то типа лошади, хотя я бежала быстро и не могла оглянуться.

Голова его замерла; он глубоко вдохнул, оценивая мое настроение.

— Измученная, испуганная дура, говоришь. — Адам помолчал, словно взвешивая мои слова. — Измученная — да. — Если он смог учуять мою усталость, его обоняние лучше моего, хотя я в это не верю. — И слабый запах страха я улавливаю, хотя в основном его

смыло водой. Но я никогда не поверю, что ты дура. Что еще ты могла сделать? Только привести его сюда, где мы могли с ним справиться.

— Увести его куда-нибудь еще.

Он запрокинул мне голову и заставил взглянуть в его яркие золотые глаза.

— Ты бы погибла.

Голос Адама звучал мягко, но в волчьих глазах горел воинственный огонь.

— Джесси могла умереть... ты чуть не погиб.

На мгновение я вновь ощутила страшное горе, как когда увидела, что его голова исчезает под водой.

Он позволил мне уткнуться в его плечо и не мог видеть моего лица, но я чувствовала, как сила, пощипывавшая мою кожу, начала убывать. Моя реакция на то, как он едва не утонул, ему понравилась.

— Ш-ш-ш, — сказал Адам и просунул большую мозолистую руку мне под волосы на шее, прижимая к себе. — Я проглотил пару галлонов речной воды и сейчас как новенький. Мне гораздо лучше, чем было бы, если бы ты дала себя убить, оттого что не поверила, что я справлюсь с одиноким иным.

Прижиматься к нему головой так же опасно, как все, что я сегодня делала, и я это знала. Но мне стало все равно. От него так хорошо пахло, и кожа у него была такая теплая...

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Давай посмотрим на твои ноги.

Он этим не ограничился: вымыл мне ноги теплой водой с мылом и щеткой, которую достал из ящика; это было бы неприятно, даже не будь мои ноги изрезаны.

Под мое ойканье он негромко мурлыкал, но не замедлял движения щетки. А я не могла убрать ногу, потому что он крепко держал меня за лодыжку. Потом протер мне ноги перекисью водорода и вытер темным пушистым полотенцем.

— На полотенце останутся пятна, — сказала я, убирая ноги.

— Заткнись, Мерси. — Адам опять схватил меня за лодыжку и подтащил к себе; одной рукой держа меня за ногу, он растирал ее полотенцем.

— Папа? — Джесси беззаботно сунула голову в дверь. Разглядев нас, она снова скрылась за дверью и оттуда протянула телефон. — Тебе звонит дядюшка Майк.

— Спасибо, — сказал он, взял трубку и прижал к уху. — Можешь закончить здесь, Джесси? Нужно ее вытереть, перевязать порезы и во что-нибудь обуть, прежде чем мы ее отсюда выпустим.

Я подождала, пока он вместе с телефоном спустится, потом выхватила полотенце у Джесси. Джесси хихикала.

— Видела бы ты свое лицо, — сказала она мне. — Ты похожа на кошку в ванной.

Я вытерла ноги и открыла коробку с пластырями, которую Адам поставил на стойку рядом со мной.

— Я сама могу вытереть себе ноги, черт возьми, — сказала я. — Не подходи.

Я сидела между раковинами, поэтому с дальней стороны, у двери, оставалось место. Джесси села там.

— Почему ты слушаешься его приказов?

— Во-первых, он только что спас меня, во-вторых, я не хочу еще больше раздражать его. Перевязки потребовали только три пореза, все на левой ноге.

— Да ладно, — сказала она. — Признайся: тебе нравится, как он вокруг тебя суется.

Я сердито посмотрела на нее. Она не опустила глаза. Тогда я стала снимать бумагу с

пластыря, чтобы приклеить его к ноге. Я ни в чем не собиралась признаваться. Особенно при Адаме: он может снизу услышать то, чего ему не следует знать.

— Почему ты кутаешься в одеяло?

Я показала, и она захихикала.

— Ух ты! Я забыла, что у тебя нет бюстгальтера. Пойду схожу за свитером, накинешь сверху.

Когда она благополучно отбыла, я улыбнулась про себя. Девочка права. Есть что-то в том, что о тебе заботятся, — даже если ты в этом не нуждаешься. Может, особенно, когда не нуждаешься.

Но радовалась я по другому поводу. Хотя Адам был вне себя, хотя он направо и налево отдавал приказы, я не чувствовала, что мое желание исполнять их объясняется его магией Альфы. Если он и в таких обстоятельствах смог удержаться... Возможно, мне удастся стать его парой и оставаться самой собой.

Туфли Джесси, которые принес Адам, были мне малы, но Джесси вдобавок к свитеру раздобыла старые шлепанцы, которые подошли.

Когда я спускалась с лестницы, в дом вошел Питер, муж Хани. Хани, столь же великолепная в обличье волка, как и в обличье человека, шла с ним рядом. Увидев меня, Питер дружески улыбнулся.

— «Порше» я не нашел, но твой «кролик» стоял на обочине с ключами в зажигании. Я не мог его завести, поэтому запер.

И он протянул мне ключи.

— Спасибо, Питер. Файдел, должно быть, вернулся за своей машиной. Это значит, что он ранен нетяжело.

Я собиралась отправиться домой, но если Файдел околачивается поблизости, это не лучшая мысль.

Питеру, очевидно, как и мне, не нравилось, что иной остался живым.

— Прости, — сказал он. — Сталь должна была решить дело, но я просто не сумел добраться до него сквозь, эти полосы.

— Где ты научился орудовать саблей? — спросила я у него. — И откуда у Адама сабля?

— Сабля моя, — сказала Джесси. — В прошлом году я ходила на Ярмарку Возрождения^[51] и Питер учил меня ею пользоваться.

Питер улыбнулся.

— До перемены я служил в кавалерии, был офицером, — объяснил он. — Мы, конечно, пользовались огнестрельным оружием, но оно было очень неточным. И главным нашим оружием оставалась сабля.

Он говорил самым обыденным тоном, вернулся его привычный среднезападный акцент. Должно быть, он переменялся в период войн Революции или чуть раньше, подумала я, раз больше надеется на саблю, а не на пистолет. Выходит, он старейший из знакомых мне вервольфов (за исключением, может быть, Сэмюэля и самого Маррока). Вервольфы не умирают от старости, но насилие — неотъемлемая часть их жизни.

Он заметил мое удивление.

— Я не доминант, Мерси. Мы обычно живем дольше.

Хани сунула морду ему под руку, и он ласково почесал ее за ушами.

— Здорово, — сказала я.

— Файдел в хороших руках, — сказал у меня за спиной Адам.

Я повернулась и увидела, что он на кухне, кладет трубку на базу.

— Дядюшка Майк заверил меня, что это была ошибка: Файдел перестарался, исполняя приказание Серых Повелителей.

Я подняла брови.

— Он сказал мне, что изголодался по человеческому мясу. Вероятно, можно назвать это излишним старанием.

Адам посмотрел на меня. Ни его лицо, ни запах ничего мне не сказали.

— Я поговорил с Сэмюэлем. Он жалеет, что пропустил развлечение, но сейчас он дома. Если Файдел пойдет за тобой, ему придется удовольствоваться Сэмюэлем. — Он взмахнул рукой. — А здесь нас много, и мы придем на помощь.

— Ты отсылаешь меня домой?

Неужели я заигрываю? Да, черт возьми!

Он улыбнулся — сначала глаза, потом губы, совсем немного, но достаточно, чтобы у меня участился пульс.

— Если хочешь, можешь остаться, — ответил он, тоже заигрывая. И вдруг пошел чуть дальше: — Но для того, что я хочу с тобой сделать, здесь слишком много народу.

Я метнулась мимо Питера за дверь; легкий стук шлепанцев не заглушил последних слов Адама:

— Мне понравилась твоя тату, Мерси.

Уходя, я постаралась расправить плечи. Он не мог видеть мою улыбку... да и та быстро исчезла.

С порога я увидела, какой ущерб понесли в схватке дом и машина Адама. Вмятина в блестящем борту машины обойдется дорого. Пострадала и стена дома, но я не знала, сколько будет стоить ремонт. За восстановление обшивки моего трейлера платили вампиры.

Я попыталась определить общий ущерб, причиненный схваткой. Не знаю, что Файдел сделал с моей машиной, но мне потребуется на ремонт несколько часов, даже если все запасные части я сниму с руины того «кролика», который сейчас своим видом раздражает Адама на его заднем дворе. И нужно где-то найти деньги, заплатить Зи (мне очень не хотелось занимать у Сэмюэля) — если только Зи не разыгрывает какую-то сложную комбинацию, чтобы отвлечь меня от расследования убийства.

Я неожиданно почувствовала усталость и потеряла лицо. С тех пор как в возрасте шестнадцати лет я оставила стаю Маррока, я старалась держаться в стороне от всех. И интересовалась только собственными делами. Не вмешивалась в дела вервольфов, а Зи не посвящал меня в свои. Но почему-то в последний год вся эта тщательно рассчитанная политика пошла прахом.

Я не была уверена, что есть возможность вернуться к прежнему мирному существованию, или даже хочу ли я этого. Но мой новый стиль жизни становился дорогим.

Кусок гравия попал мне в шлепанец, и я ойкнула: это тоже оказалось больно.

Сэмюэль ждал меня на крыльце с чашкой горячего какао в руке. Взглядом специалиста он осмотрел мои ранения.

— Все в порядке, — сказала я, проходя мимо него и по пути забирая чашку. Какао растворимое, но с зефиром — то, что нужно. — Ранен Бен, и мне кажется, я видела, что хромает Даррил.

— Адам не просил меня прийти, значит, тяжелых ранений нет, — сказал он, закрывая

дверь. Когда я села в гостиной в кресло, он уселся напротив меня на диван. — Может, поделишься? Например, как получилось, что за тобой погнался сам Файдел?

— Сам Файдел?

— Он жил в болотах и пожирал заплутавших детей, — сказал Сэмюэль. — Ты несколько старше его обычной добычи. Так как тебе удалось его приманить?

— Никак. Я ничего не делала.

Он издал один из тех звуков, которыми показывает, что не верит мне.

Я сделала большой глоток. Может, Сэмюэль свежим глазом заметит то, что я пропустила. И я все ему рассказала — умолчала только о том, что происходило у нас с Адамом в ванной.

Говоря, я заметила, что у Сэмюэля усталый вид. Ему нравится работа в приемном отделении, но это тяжелая работа. И не только из-за дополнительных часов, хотя перерабатывать приходится часто. Главным образом из-за стресса, который связан с необходимостью держать себя в руках среди крови, страха и смерти.

К тому времени как я закончила, он подуспокоился.

— Итак, ты пошла на встречу «Светлого будущего», надеясь найти убийцу охранника, и столкнулась с группой студентов — и иным, который решил для забавы сожрать тебя.

Я кивнула.

— Примерно так.

— Может, этот иной и есть убийца?

Я закрыла глаза и мысленно увидела схватку Файдела с вервольфами. Может ли он сорвать голову с плеч у человека?

— Может быть. Но расследование его как будто не заботило.

— Ты сказала, он злился из-за того, что ты пришла на встречу. Может, тревожился, что ты его разоблачишь?

— Возможно. Позвоню дядюшке Майку и спрошу, были ли у Файдела причины убивать своих. Он несомненно знал О'Доннелла, а чем больше я узнаю о нем, тем более странным мне кажется, что этого типа не убили еще несколько лет назад.

Сэмюэль едва заметно улыбнулся.

— Но ты не уверена, что это сделал Файдел.

Я покачала головой.

— Он сам поставил себя на первое место в списке подозреваемых, но...

— Что но?

— Он был страшно голоден. И тосковал не по еде, хотя не без того, а по самой охоте. — Сэмюэль, вервольф, поймет, что я имею в виду. — Думаю, если бы Файдел убил охранника, О'Доннелла, смерть была бы другой. О'Доннелл стал бы жертвой утопления, его съели бы — или его тело вообще не нашли бы. — Высказав это вслух, я почувствовала уверенность. — Позвоню дядюшке Майку и спрошу, что он думает, но я сама не считаю, что это был Файдел.

Я вспомнила, что у меня есть еще о чем поговорить с дядюшкой Майком.

— А еще сегодня вечером этот дорожный посох снова оказался в моей машине.

Я встала, собираясь пойти к телефону, но ноги подо мной подогнулись, и я плюхнулась обратно.

— Проклятие!

— Что случилось?

Усталость мигом слетела с Сэмюэля. Я бросила на него раздраженный взгляд.

— Я же сказала, со мной все в порядке. Ничего, кроме нескольких царапин; ничего такого, чего бы не излечили айсихот ^[52] и крепкий ночной сон. — Я вспомнила о многочисленных мелких порезах и решила обойтись без айсихота. — Кинь мне телефон.

Он снял трубку с базы на столике у дивана и бросил мне.

— Спасибо.

Я так часто звонила ему в последние дни, что запомнила номер. В течение нескольких минут меня передавали от одного подчиненного к другому. Наконец трубку взял сам дядюшка Майк.

— Мог Файдел убить О'Доннелла? — без предисловий спросила я.

— Мог, но не убивал, — ответил дядюшка Майк. — Тело О'Доннелла еще дергалось, когда мы с Зи его нашли. Тот, кто его убил, сделал это, когда мы стояли на пороге. Чары Файдела недостаточно сильны, чтобы он мог спрятаться от меня, если находится близко. И он не просто оторвал бы О'Доннеллу голову, но и сожрал бы ее.

Я сглотнула.

— Тогда что Файдел делал на собрании «Светлого будущего» и почему его запаха не было в доме О'Доннелла?

— Файдел ходил на разные встречи, чтобы присматривать за ними. Обычно он говорил нам, что там одни разговоры, а дела нет, и переставал приходить. Когда был убит О'Доннелл, его попросили посмотреть еще раз. И он обнаружил любопытного койота, на которого вынесен смертный приговор — отличную вечернюю закуску.

Дядюшка Майк злился. И не на Файдела.

— Когда за голову койота назначили цену, и почему вы мне об этом не сказали? — возмущенно спросила я.

— Я тебе говорил, брось это дело, — сказал он холодным голосом, вдруг наполнившимся силой. — Ты слишком много знаешь и слишком много говоришь. Надо делать, что велят.

Может, будь он со мной в комнате, я испугалась бы. Но его не было, и я сказала:

— И Зи осудили бы за убийство.

Наступила долгая пауза. Ее нарушила я.

— И казнили бы по закону малого народа.

Сэмюэль, которому острый слух позволял без труда слышать обоих участников разговора, зарычал.

— Не пытайтесь обвинять Мерси, дядюшка Майк. Вы знаете, что она не оставит дело в покое — а уж по вашей указке тем более. Противоречие — ее второе имя, а ведь вы сами побудили ее заглянуть дальше, чем хотели. Что сделали Серые Повелители? Приказали вам и всему малому народу прекратить поиски истинного убийцы? Если не считать ареста Зи, у них нет никаких претензий к убийце О'Доннелла, верно? Он убивал других, и за это его лишили жизни. Справедливость восторжествовала.

— Зи сотрудничает с Серыми Повелителями, — ответил дядюшка Майк. Виноватый тон, которым сменился гнев, сказал мне не только, что Сэмюэль прав: дядюшка Майк хочет, чтобы я продолжала расследование, — но и что слух у него не менее острый, чем у вервольфа. — Не думаю, чтобы они послали еще кого-нибудь привести приговор в исполнение, а местный малый народ я контролирую. Если бы я знал, что пошлют Нимейн, я бы предупредил. Но она объявила об отсрочке наказания.

— Она убийца! — проворчал Сэмюэль.

— У вас, волков, есть собственный убийца, Сэмюэль Марроксон, не так ли? Сколько волков убил твой брат ради безопасности вашего народа? Ты отказываешь нам в такой же необходимости?

— Когда речь о Мерси, — да. К тому же Чарльз убивает только виновных, а не тех, кого почему-то целесообразно убивать.

Я кашлянула.

— Давайте не отклоняться от темы. Могла Нимейн убить О'Доннелла?

— Это не ее работа, — ответил дядюшка Майк. — Если бы О'Доннелла убила она никто бы не догадался, что это не несчастный случай.

Опять я осталась без подозреваемых.

Любой вервольф мог это сделать, думала я, вспоминая оторванную голову О'Доннелла. Но у них нет на то причин, и я не учуяла их в доме О'Доннелла. Вампиры? Я о них знак недостаточно — хотя больше, чем хотелось бы. Я знаю, что они могут скрыть от меня свой запах, если захотят. Нет, убийца О'Доннелла — из малого народа.

Что ж, если дядюшка Майк хочет, чтобы я продолжила расследование, может, он ответит на несколько вопросов?

— О'Доннелл забирал вещи у тех, кого убивал, верно? — спросила я. — Дорожный посох — он сейчас в моем «кролике», припаркованном на Финли-роуд, напротив «Парка Двух Рек», дядюшка Майк, — так вот, этот посох из числа таких вещей. Но были и другие. Первая убитая, Коннора, была библиотекарем, у нее хранились какие-то артефакты. Не очень значимые — она была недостаточно сильна, чтобы хранить все, что хотела. Дорожный посох — из дома того иного, у которого лес на заднем дворе. На посохе остался его запах. Что еще было украдено?

Я прочитала книгу приятеля Теда. Там описано множество предметов, которые я не хотела бы увидеть в чужих руках. А некоторые — вообще *ни в чьих* руках.

Наступила долгая пауза. Потом дядюшка Майк сказал:

— Приеду через несколько минут. Никуда не уходи.

Я бросила телефон Сэмюэлю, и он положил трубку на место. Потом я встала и достала из оружейного сейфа книгу.

На самом деле дорожных посохов несколько — один вернет тебя домой, куда бы ты ни забрел, другой позволяет видеть людей, каковы они на самом деле, а третий, тот, что преследует меня, — тот самый, что умножал поголовье овец у фермера. Ни один из них не кажется опасным, пока не прочтешь рассказы. Какими бы полезными они ни казались, вещи, изготовленные малым народом, неизменно навлекали на своих владельцев несчастья.

Нашла я и нож Зи. Книга называла его мечом, но на сделанном вручную рисунке был изображен тот самый клинок, который я дважды одалживала у Зи.

Сэмюэль встал с дивана и наклонился надо мной, глядя на страницы, которые я читала. Присвистнул и коснулся рисунка. Он тоже видел нож Зи.

Дядюшка Майк вошел без стука.

Я поняла, что это он, по нарочитому звуку шагов и по запаху — пряности и пиво — и, не поднимая головы, спросила:

— Вероятно, среди украденного было что-нибудь такое, что помогает, убийце скрываться от магии? Поэтому вы обратились ко мне, чтобы я отыскала убийцу?

В книге описывалось несколько предметов, которые могли отвратить гнев малого народа или сделать владельца невидимым.

Дядюшка Майк закрыл за собой дверь, но остался стоять перед нами.

— Мы забрали из дома О'Доннелла семь предметов. Поэтому Зи не успел спрятаться от полиции — а я оставил его взять вину на себя. Предметы, найденные нами, — небольшой силы, ничего особо опасного, кроме самого знания, что они вообще существуют. Сила малого народа в чужих руках — это всегда очень плохо.

— Вам не удалось найти дорожный посох, — сказала я, поднимая голову. Дядюшка Майк выглядел более измятым и потрепанным, чем его джинсы и футболка.

Он кивнул.

— И ничто из этих вещей не помешало бы нам найти О'Доннелла — поэтому мы считаем, что убийца прихватил с собой по меньшей мере один такой предмет.

Сэмюэль, подобно мне, не смотрел на дядюшку Майка, когда тот вошел, — небольшая хитрость, которая, тем не менее, отдавала преимущество нам. Такое поведение Сэмюэля сказало мне, что он не вполне верит в искренность дядюшки Майка. Прежде чем взглянуть на дядюшку Майка, Сэмюэль встал. И использовал свое превосходство в росте, чтобы посмотреть на собеседника сверху вниз.

— Вы не знаете, что забрал О'Доннелл? — спросил он.

— Перечень всего, чем владел наш народ, составлял наш библиотекарь. Поскольку она умерла первой... — Дядюшка Майк пожал плечами. — О'Доннелл украл этот список, а с копиях мне ничего не известно. Может быть, одну Коннора передала Серым Повелителям.

— О'Доннелл искал эти предметы, когда начал встречаться с ней? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Откуда ты знаешь, что они встречались? — Он покачал головой. — Нет. Не говори. Мне лучше не знать, что один из наших общается с тобой.

Я подумала: он старается не вовлекать Теда.

Дядюшка Майк опустился на диван и закрыл глаза, покоряясь явной усталости и без сопротивления отдавая главенство Сэмюэлю.

— Едва ли он с самого начала задумал кражу. Мы разговаривали с ее друзьями. Коннора сама его выбрала. Он считал, что делает ей одолжение, — она полагала, что поделом ему, если она с ним позабавится. — Он посмотрел на меня. — Наша Коннора могла быть доброй, но презирала людей, особенно тех, кто связан с БДМН. Она играла с ним жестоко, а потом устала от игр. Накануне гибели она сказала одной из подруг, что бросает его.

— Так зачем вам понадобилась Мерси? — спросила Сэмюэль. — Очевидным подозреваемым был О'Доннелл.

Дядюшка Майк вздохнул.

— Мы только начали его подозревать, как обнаружилась вторая жертва. Потребовалось немало времени, чтобы хоть кто-то согласился поговорить с нами о делах Конноры. Вообще-то контакты с людьми у малого народа поощряются. Полукровки лучше, чем отсутствие детей. Но О'Доннелл... на самом деле все охранники наши враги. А малый народ не дружит с врагами, особенно с такими, как О'Доннелл.

— Значит, она его обманывала, — сказала я.

Он обдумал мои слова.

— Если бы один из твоих друзей связался с собакой, его сочли бы обманщиком?

— Итак, он считал, будто делает ей одолжение. Она объяснила, что на самом деле думает о нем, и он ее убил.

— Так мы думали. Когда обнаружилась вторая жертва, мы решили, что убийца не

человек, и потому больше не стали смотреть в сторону О'Доннелла. Только после третьего убийства мы решили, что мотивом может быть воровство. У Конноры хранилось несколько волшебных предметов, но никому не пришло в голову проверить, на месте ли они. У нее, должно быть, было что-то еще, что-то такое, что позволяло ему скрываться от нашей магии. Что-нибудь гораздо более сильное, чем могло быть у такой, как она.

Он посмотрел на меня и устало улыбнулся.

— Мы народ таинственный, и даже риск неповиновения Серым Повелителям не заставит нас расстаться с нашими тайнами. Если то, чем ты обладаешь, достаточно сильно, они это отберут. Если бы они узнали, что у нее есть предметы, наделенные силой, ей пришлось бы отдать их тому, кто может лучше о них позаботиться.

— И поэтому они попали к О'Доннеллу.

Я закрыла книгу и положила рядом с собой.

— Теперь список предметов, который она составила для Серых Повелителей. — Дядюшка Майк развел руками. — Мы не нашли в ее доме копии. Одна из ее подруг видела список, но Коннора могла передать его Серым Повелителям, не оставив себе копии.

Непохоже на женщину, чей дом я обыскивала. Такая женщина сохраняла бы копии всего. Она любила запасать знания.

— Значит, список попал к О'Доннеллу, — сказала я. — Поиграв в игрушки, украденные у Конноры, он решил, что ему нужны новые. Он посмотрел список и отправился за вещами. — Мои сведения о предметах ограничены, но... — Кажется, он убивал всех: от хозяйки самых незначительных предметов, Конноры, до того, кто владел самыми сильными, — иного из леса, убитого последним. Я права?

— Да. Она могла проболтаться или составила список так, что он догадался. Кстати, он использовал вещи не вполне верно, но близко. Вероятно, эти предметы позволили ему убить тех, кого он иначе и коснуться бы не смог.

— Вы совсем не знаете, какие предметы могли оказаться у убийцы О'Доннелла? — проворчал Сэмюэль.

Дядюшка Майк вздохнул.

— Нет. Но он тоже не знает. В списке говорится только «один дорожный посох», «один серебряный браслет», но не говорится, на что эти предметы способны. Мерси, дорожного посоха в твоей машине не оказалось. Файдел говорит, что не трогал его. Думаю, он снова появится — он настойчиво следует за тобой.

— Это тот самый посох, который дает всем моим овцам по два ягненка? — спросила я, хотя сама была в этом уверена. Рассказы о других предметах меня очень беспокоили, и я была довольна, что посох для меня бесполезен.

Он рассмеялся. Смех начался в животе и постепенно дошел до глаз, которые весело заблестели.

— Ты собираешься разводить овец?

— Нет, но хотела бы уходить от дома больше чем на пять миль и не оказываться ни с того ни с сего на своем крыльце — или, что еще хуже, видеть в людях все недостатки и не видеть ничего хорошего.

Ничего такого, конечно, не происходило, но, насколько мне известно, посох нужно как-то активировать, чтобы он начал действовать.

— Не волнуйся, — ответил дядюшка Майк, все еще улыбаясь. — Если решишь завести ферму, у всех твоих овец будут прекрасные ягнята-близнецы, пока посох не решит снова

отправиться куда-нибудь.

Я с облегчением вздохнула и снова вернулась к тому, что мне необходимо было знать.

— Когда О'Доннелла убили, вы с Зи единственные знали, что он убийца?

— Мы еще никому не говорили об этом.

— Только выгнали, что убийца крадет волшебные предметы?

Я ощутила неожиданную волну магии и постаралась не показать свою настороженность.

— Нет. Об этом не говорили, но, обнаружив исчезновение списка Конноры, мы сразу начали расспросы. Всякий пришел бы к такому же заключению.

Сэмюэль рядом со мной согласно кивнул. Не то чтобы он возражал дядюшке Майку, но все же...

— Бросьте, — велела я дядюшке Майку. Я заметила, что его усталость как рукой сняло: сейчас дядюшка Майк снова выглядел добряком, чья профессия — нести другим радость.

Я сощурилась.

— Сейчас вы мне не нравитесь, и никакая магия этого не изменит.

Сэмюэль повернул голову ко мне. Может, не уловил, что дядюшка Майк использует какой-то тип чарующей магии, а может, почуял, что я лгу. Дядюшка Майк мне нравится, но ему об этом знать не нужно. Пусть чувствует себя виноватым — легче будет вытаскивать из него информацию.

— Извини, девочка, — сказал он удрученно. — Я устал, а это рефлекс.

Может, и правда, может, действительно рефлекс, но он ведь не сказал, что не делает это сознательно.

— Я тоже устала, — сказала я.

— Ну, хорошо, — заговорил он. — Позволь рассказать, что мы будем делать. Мы согласились с тем, что Файдел нарушил приказ. Далее мы согласились с тем, что твоя смерть принесла бы малому народу больше вреда, чем пользы — за это благодари Сэмюэля и Нимейн.

Он подался вперед.

— Вот что мы тебе предлагаем. Поскольку тебе важно, чтобы Зи признали невиновным, начнем с этого — так ты не создашь нам новых проблем. Нам позволено помочь полиции — с одним условием: нельзя рассказывать об украденных вещах. Некоторые из них наделены очень большой силой, и лучше, чтобы смертные не подозревали об их существовании.

У меня по спине прокатился холодок облегчения. Если Серые Повелители согласны на открытое расследование, шансы Зи на оправдание многократно возрастают. Но дядюшка Майк еще не договорил.

— ...Таким образом, ты можешь предоставить расследование нам и полиции.

— Хорошо, — сказал Сэмюэль.

Конечно, я понятия не имею, где искать убийцу О'Доннелла. Может, это был Файдел или кто-то еще из малого народа, может, кто-то из близких одного из убитых узнал, кто убийца. Если убийца из малого народа, что в данный момент казалось вероятным, у меня нет шансов что-нибудь обнаружить. Возможно, если бы Сэмюэль не сказал «Хорошо», я бы ответила на слова дядюшки Майка иначе — хотя вряд ли.

— Я обязательно сообщу вам, если узнаю что-нибудь интересное, — мягко сказала я.

— Это слишком опасно, — сказал дядюшка Майк, — даже для героев, Мерси. Не знаю, какие предметы попали к убийце, но мы нашли только малозначительные вещи, а Херрик —

повелитель леса — владел очень сильными.

— Зи мой друг. И я не оставлю его жизнь в руках тех, кто готов ради удобства смириться с его смертью.

Глаза дядюшки Майка сверкнули — это было сильное чувство, но я не поняла, какое именно.

— Зи редко прощает промахи, Мерси. Я слышал, он сердит на тебя за то, что ты обманула его доверие, и не хочет с тобой разговаривать.

Я обратила внимание на это «я слышал». «Я слышал» не совсем то же самое, что «Зи на тебя сердит».

— Я тоже это слыхала, — сказала я. — Но я все равно друг Зи. Прошу прощения, но мне пора на боковую. Завтра рано на работу.

Я с трудом встала, держа книгу под мышкой, помахала разочарованным мужчинам и, хромя на обе ноющие ноги, проковыляла в спальню. Закрыла дверь и постаралась не слушать, что они говорят обо мне. Они были не слишком вежливы. А Сэмюэлю вообще-то следовало бы лучше меня знать. Как он смел подумать, что меня можно убедить спокойно оставить Зи в руках врагов малого народа!

Глава одиннадцатая

На следующее утро, еще до ухода на работу, я позвонила Тиму. Час был ранний, но я боялась упустить нового знакомого. Накануне вечером он застал меня врасплох, а сейчас мне совсем не хотелось впутывать человека в свою личную жизнь — даже если бы он нравился мне в этом смысле.

Может, я и не смогу жить с Адамом — но, похоже, попробую. Если я встречу с Тимом, это обидит Адама и введет Тима в заблуждение. Было глупо вчера не отказать ему.

— Привет, Мерси, — сказал он, взяв трубку. — Послушай, вчера вечером мне позвонил Файдел... кстати, что ты с ним сделала? Так вот, он сказал, что ты приходила на нашу встречу ради участия в расследовании смерти О'Доннелла. И что ты знакома с подозреваемым, которого держат в заключении.

В его голосе не было ни тени гнева. Это, должно быть, означало, что он говорил правду, когда сказал, что его не интересует романтическая привязанность. Будь он заинтересован во мне, почувствовал бы, что его используют.

Хорошо. Значит, он не обидится, если я скажу, что не смогу прийти.

— Да, — осторожно сказала я. — Это мой старый друг. Я знаю, что он не виноват, а это перевесит утверждения любых следователей. — Имя Зи по-прежнему держали в тайне, как и то, что он из малого народа. — Поскольку больше никто ничего не делает, я решила сама поинтересоваться.

— Вероятно, мы в самом начале списка подозреваемых, — спокойно сказал Тим. — Друзей у О'Доннелла было немного.

— Да, в самом начале — были, пока я не побывала на вашем собрании, — ответила я. Он рассмеялся.

— Да уж, большинство нас не годится в убийцы.

Я с ним не согласилась: любого можно довести до убийства, если найдется достойная причина. Но никто из них, за исключением Файдела, не способен убить так, как был убит О'Доннелл.

— Я тогда об этом не думал, — сказал Тим. — Но после звонка Файдела задумался. Этот дорожный посох в твоей машине — он ведь был у О'Доннелла, верно? Он купил его через «и-бэй»^[53] за несколько дней до смерти.

— Да.

— Думаешь, он связан с его смертью? Я знаю, полиция сообщила, что мотивом убийства было не ограбление, но О'Доннелл несколько месяцев назад начал собирать кельтские предметы. И утверждал, что они очень ценные.

— Он говорил, где берет их? — спросила я.

— Сказал, что часть унаследовал, остальное купил через «и-бэй». — Он помолчал. — Знаешь, он говорил, что в них во всех — кельтское волшебство, но ничего не мог добиться от этих предметов. Я думал, его просто обманывают... но как по-твоему, может, он раздобыл то, что действительно принадлежало малому народу, и иные решили вернуть свое?

— Не знаю. Ты хорошо разглядел его коллекцию?

— Посох я узнал, — медленно ответил он. — Но только после того, как Файдел сказал, что ты имеешь отношение к О'Доннеллу. У него был камень с какой-то надписью, несколько помятых украшений, возможно, из серебра... или серебряная тарелка... Если бы я взглянул

на коллекцию, то мог бы сказать, чего не хватает.

— Думаю, пропала вся коллекция. Кроме посоха.

Я не считала нужным сообщать ему, что часть вещей малый народ вернул.

Он присвистнул.

— Значит, это ограбление.

— Похоже на то. И если я смогу это доказать, моего друга перестанут подозревать.

Серые Повелители не хотят, чтобы смертные знали о существовании волшебных предметов, и я понимала их точку зрения. Сложность в том, что Серые Повелители могут действовать безжалостно, чтобы ни одно слово не стало известно. А Тим и так уже знает слишком многое

— Файдел знает о коллекции? — спросила я.

Тим задумался.

— Нет. Не думаю. О'Доннеллу Файдел не нравился, поэтому никогда не был у О'Доннелла дома. Думаю, он показывал коллекцию только мне и Остину.

— Ну хорошо. — Я набрала в грудь побольше воздуха. — Послушай, может быть, знать о коллекции опасно. Если он сумел раздобыть что-то принадлежащее малому народу, иные не захотят огласки. А ты прекрасно знаешь, насколько они безжалостны. Отныне не говори об этом ни с полицией, ни с кем другим.

— Ты считаешь, что его убил кто-то из малого народа? — с некоторым ошеломлением спросил Тим.

— Коллекция исчезла, — ответила я. — Возможно, за ней послал малый народ, а может, кто-то другой услышал рассказы О'Доннелла и поверил в них. Я разведала бы больше, если бы знала, что у него было. Можешь составить для меня список того, что помнишь?

— Пожалуй, — ответил он. — Я видел ее всего раз. Что, если я постараюсь все это записать, и мы вечером посмотрим?

Я вспомнила, что позвонила ему, чтобы отменить ужин.

Но он не дал мне возможности ничего сказать.

— Если у меня будет целый день на размышления, я вспомню все. В колледже увижусь с Остином: мы обычно вместе обедаем. Он тоже видел коллекцию О'Доннелла, а он хорошо рисует. — Тим печально рассмеялся. — Да, знаю. Приятная внешность, ум да еще талантлив. Он может все. Не будь он таким славным, я бы его возненавидел.

— Рисунки — это было бы замечательно, — сказала я. Можно будет сравнить их с иллюстрациями в книге приятеля Теда. — Только не забудь, что это опасно.

— Не забуду. До вечера.

Я повесила трубку.

Надо позвонить Адаму и сказать, что я делаю. Я набрала первые цифры и повесила трубку. Легче получить прощение, чем разрешение... да ведь никакое разрешение мне не нужно. Получить список украденного О'Доннеллом — достаточно важная причина, чтобы Адам понял, зачем я пошла домой к Тиму. Он может рассердиться, но больно ему не будет.

А рассерженный Адам — страшное зрелище. Неужели я такая испорченная, что наслаждаюсь этим?

Смеясь про себя, я отправилась на работу.

На этот раз дверь открыл сам Тим. В доме пахло чесноком, орегано, базиликом и свежим хлебом.

— Привет, — сказала я. — Прости за опоздание. Долго вычищала грязь из-под

ногтей. — После работы я прихватила Габриэля, цепи и на своем «Ванагоне» перетащила домой «кролика». Это заняло больше времени, чем я ожидала. — Забыла спросить, что принести, поэтому купила по дороге шоколада на десерт.

Он взял бумажный пакет и улыбнулся.

— Ничего не нужно было приносить, но шоколад — это...

Я вздохнула.

— Да, девчачье угощение, знаю.

Его улыбка стала еще шире.

— Я хотел сказать: шоколад — это всегда хорошо. Заходи.

Он провел меня через дом на кухню, где я увидела миску с салатом «Цезарь».

— Мне нравится твоя кухня.

Казалось, в доме только у этого помещения есть индивидуальность. Я ожидала увидеть дубовые шкафы и гранитные крышки столов и стоек и насчет крышек оказалась права. Но шкафы были из вишневого дерева и резко контрастировали с темно-серыми стойками. Ничего слишком бросающегося в глаза, но не скучно.

Он, нахмурившись, осмотрелся.

— Ты считаешь, ничего? Моя невеста — *бывшая* невеста — говорила, что мне для кухни нужен декоратор.

— Очень приятная кухня, — заверила я.

Прозвенел звонок, Тим открыл дверцу СВЧ-печки и вытащил небольшую пиццу. Мой таймер гудит, как рассерженная пчела.

Запах пиццы погасил мою зависть к его печке.

— Замечательно пахнет, — сказала я и закрыла глаза, чтобы лучше принюхаться.

От комплимента он покраснел, положил пиццу на каменный кружок и быстро разрезал.

— Бери салат и пошли есть.

Я послушно взяла деревянную чашку с зеленью и пошла за ним по дому.

— Это столовая, — сказал он без необходимости: большой стол красного дерева говорил сам за себя. — Но один или с немногими друзьями я ем здесь.

«Здесь» оказалось маленькой круглой комнатой с окнами со всех сторон. Форма у комнаты была необычная, но это смягчали бежевые плитки и жалюзи. Архитектор дома опечалился бы, узнав, что его шедевр убит безвкусной меблировкой и скукой.

Тим поставил пиццу на маленький дубовый стол и поднял жалюзи на окнах. Стал виден задний двор.

— Большую часть времени я держу окна зашторенными, иначе тут становится, как в печи, — сказал он. — Наверно, зимой тут хорошо.

Он уже накрыл стол, и посуда, как и кухня, заставила меня удивиться. Глиняные тарелки ручной работы не сочетались ни по размеру, ни по цвету, но каким-то образом дополняли друг друга, так же как самодельные глиняные кружки с крышками. Его кружка оказалась синей, с потрескавшейся глазурью по краю, а моя — коричневой и древней на вид. На столе стоял кувшин, но Тим уже наполнил чашки.

Я вспомнила дом Адама: пользуется ли он там посудой бывшей жены, как Тим — тем, что подобрала его бывшая невеста или декоратор?

— Садись, садись, — сказал он, подавая мне пример. Он положил на мою тарелку кусок пиццы, но позволил самой набрать салата и взять большой кусок непонятного яства с печеной грушей.

Я осторожно отпила из кружки.

— Что это? — спросила я. Напиток не алкогольный, что меня удивило, но сладкий и терпкий.

Он улыбнулся.

— Это тайна, но, может, после ужина покажу, как его готовить.

Я снова отпила.

— Да, пожалуйста.

— Я заметил, ты хромаешь.

Я улыбнулась.

— Наступила на стекло. Ничего опасного.

Мы замолчали и с аппетитом занялись едой.

— Расскажи мне о своем друге, — сказал он, жуя. — О том, кого полиция считает убийцей О'Доннелла.

— Это ворчливый суетливый старик, — ответила я, — которого я люблю. — Груши были покрыты коричневой сахарной глазурью. Я думала, они будут сладкими, но они оказались терпкими и таяли во рту. — М-м-м. Очень вкусно. Сейчас он сердит на меня за то, что я влезла в это расследование. — Я сделала большой глоток. — Или считает расследование опасным и думает, что если я увижу, как он зол, то откажусь от расследования. — Зи прав, я слишком много болтаю. Пора перевести разговор на Тима. — Знаешь, я думала, ты рассердишься на меня, когда узнаешь, что у меня была тайная причина прийти на вашу встречу.

— Я всегда хотел быть частным сыщиком, — признался Тим. Он доел и добродушно следил за мной. — Может, если бы О'Доннелл мне нравился, я бы злился больше.

— Ты составил список?

— А как же, — солгал он.

Я посмотрела на него и положила вилку. Я не так хорошо чую ложь, как волки. Может, я ошиблась? Странно было бы лгать по такому поводу.

— Ты уверен, что Остин никому ничего не скажет?

Он кивнул, и его улыбка стала шире.

— Остин ни с кем говорить не будет. Доедай груши, Мерси.

Я съела еще два куска, прежде чем поняла: что-то неладно. Может, если бы мне не пришлось бороться с такого же рода принуждением со стороны Адама, я вообще бы ничего не заметила. Я глубоко вдохнула и сосредоточилась, но не учуяла никакой магии.

— Было замечательно, — сказала я. — Но я наелась.

— Выпей еще, — предложил он.

Напиток с каждым глотком казался все вкуснее, однако... Я совсем не хочу пить. Но сделала еще два глотка, прежде чем опомнилась. Такое послушание — это на меня непохоже. Может, дело в напитке?

Как только сомнение коснулось моего сознания, я почувствовала. Сладкая жидкость обжигала магией, кружка дрожала у меня в руке — она была такой горячей, что я удивилась, почему моя рука не дымится.

Я поставила *кружку* на стол и пожалела, что в книге не было рисунка «Проклятия Орфино» — кубка, с помощью которого феи лишили рыцарей Роланда способности противиться их воле. Ручаюсь, рисунок точно соответствовал бы старинной кружке на столе.

— Это ты, — прошептала я.

— Да, конечно, — ответил он. — Расскажи мне о своем друге. Почему полиция считает, что он убил О'Доннелла?

— Его там застали, — ответила я. — Зи мог бы убежать, но они с дядюшкой Майком пытались собрать все предметы, принадлежащие малому народу, чтобы их не нашла полиция.

— Мне казалось, я забрал все артефакты, — сказал Тим. — Должно быть, ублюдок прихватил кое-что сверх того, за чем я его посылал. Вероятно, решил, что где-нибудь выручит за них больше денег. Кольцо не так хорошо, как кубки.

— Какое кольцо?

Он показал потертое серебряное кольцо, которое я уже заметила накануне.

— Оно делает речи того, кто его носит, слаще меда. Это кольцо политика — вернее, будет им, — сказал он. — Но кубок действует лучше. Если б перед выходом я заставил О'Доннелла выпить больше, он не взял бы лишнего. Я ведь сказал ему, что, если он возьмет слишком много, малый народ начнет искать убийцу за пределами Волшебной страны. Ему надо было слушаться меня. Думаю, твой друг из малого народа собирался поговорить с О'Доннеллом об убийствах.

— Да, — ответила я. Приходится отвечать, но, может, я сумею утаить информацию, если постараюсь. — Ты нанял О'Доннелла, чтобы получить волшебные артефакты и убить иных?

Он рассмеялся.

— Убийство — его вклад, Мерси. Я только дал ему такую возможность.

— Как?

— Я как-то пришел к нему поговорить об очередном собрании «Светлого будущего» и увидел у него кольцо, а на книжной полке — пару наручей. Он предложил мне купить их за пятьдесят баксов. — Тим усмехнулся. — Тупой придурок. Он понятия не имел, что у него в руках, зато я это понял. Я надел кольцо на палец и убедил О'Доннелла рассказать про все его подвиги. Тогда-то О'Доннелл и проболтался о подлинном сокровище — хотя сам этого не понимал.

— Список, — сказала я.

Он лизнул палец и показал на меня.

— Один ноль в пользу умной девочки. Да, список. С именами. О'Доннелл знал, где они живут, а я — кто они такие и что у них есть. Понимаешь, он боялся малого народа. Ненавидел его. И вот я вернул ему наручи и кое-что еще и объяснил, как этим пользоваться. Он брал для меня артефакты — я ведь платил ему за это — и убивал владельцев, малый народ. Все прошло гораздо легче, чем я думал. Ты, наверно, думаешь, что такой тупица, как О'Доннелл, столкнулся с трудностями, когда перед ним оказался тысячелетний Страж Охоты? Нет. Малый народ стал слишком самоуверен.

— А почему ты убил его?

— Вообще-то я рассчитывал, что это сделает Страж Охоты. О'Доннелл был слабак. Он хотел оставить кольцо себе — и пригрозил мне шантажом. Я сказал: «Конечно» — и предложил украсть еще несколько предметов. Когда у меня набралось их достаточно, чтобы я сам мог без риска добывать новые, я отправил О'Доннелла к Охотнику. А когда ничего не вышло... что ж.

Он пожал плечами.

Я посмотрела на серебряное кольцо.

— Политику нельзя связываться с глупцами, которые слишком много знают.

— Выпей еще, Мерси.

Кубок опять был полон, хотя, когда я его ставила, он был наполовину пуст. Я выпила.

Пить стало труднее, как будто я опьянела.

Тим не может позволить себе оставить меня в живых.

— Ты из малого народа?

— О нет, — покачала я головой.

— Правда, — сказал он. — Ты коренная американка, верно? Среди индейцев малого народа нет.

— Нет. — Я бы не стала искать среди индейцев представителей малого народа: малый народ с его чарами родом из Европы. У индейцев есть свои волшебные существа. Но Тим не спрашивал, так что я могла промолчать. Я не думала, что это меня спасет — то, что он считает меня беззащитным человеком, а не беззащитной ходячей. Но я постараюсь использовать любое преимущество.

Он взял вилку Я принялся играть ею.

— Так как же дорожный посох очутился у тебя? Я всюду искал и не смог найти эту проклятую штуку. Где он был?

— В гостиной О'Доннелла, — ответила я. — Дядюшка Майк и Зи тоже его не заметили. — Должно быть, напиток подействовал. Я не смогла остановиться и сказала: — У некоторых старинных вещей есть своя воля.

— Как ты попала в гостиную О'Доннелла? У тебя друзья в полиции? Я думал, ты просто механик.

Я обдумала вопрос и ответила абсолютно правдиво. Как ответил бы малый народ. Я подняла палец, отвечая на первый вопрос.

— Я вошла. — Второй палец. — Да, у меня есть друг в полиции. — Третий палец. — Я очень хороший механик, хотя не такой хороший, как Зи.

— Я думал, Зи из малого народа. Как он может быть механиком?

— Его возлюбило холодное железо. — Если Тиму нужны сведения, может, я сумею его заболтать. — Такой термин мне нравится больше, чем «гремлин», потому что Зи не может быть гремлином: ведь это слово придумали только в прошлом столетии. А он гораздо старше. Я как-то нашла истории...

— Замолчи, — сказал он.

Я замолчала.

Он сердито посмотрел на меня.

— Пей еще. Два глотка.

Проклятье! Когда я опустила кубок, руки у меня звенели от магии малого народа, а губы онемели.

— Где посох? — спросил он.

Я вздохнула. Эта глупая палка всюду таскается за мной, даже если в комнате ее нет.

— Там, где хочет.

— Что?

— Вероятно, в моем офисе, — сказала я. Объявляется там, где я меньше всего ожидаю. Но потребность отвечать заставила меня снабдить Тима новой информацией. — Хотя лежал в моей машине. Сейчас его там нет. Дядюшка Майк его не забирал.

— Мерси, — сказал он. — Когда ты пришла сюда, что тебе больше всего хотелось бы

утаить от меня?

Я обдумала вопрос. Вчера я очень опасалась его обидеть и даже сегодня, стоя на его пороге, я думала об этом. Я наклонилась вперед и негромко заговорила:

— Ты мне нисколько не интересен. Я не нахожу тебя ни сексуальным, ни красивым. Ты выглядишь как гик, помешанный на компьютерах, разбогатевший, но неумный.

Он вскочил, лицо его побледнело, потом покраснело от гнева.

— Прекрати! Прекрати!

Я замолчала и смотрела на него. Он еще мальчишка и считает себя умнее, чем есть на самом деле. Его гнев не испугал меня, не привел в ужас. Он видел это и еще больше сердился.

— Ты хотела знать, что было у О'Доннелла? Идем.

Я и так пошла бы, но он крепко схватил меня за руку и изо всех сил дернул. Я услышала треск, а мгновение спустя ощутила боль.

Он сломал мне запястье.

Он выволок меня за дверь, протащил через столовую в спальню. А когда бросил на кровать, я услышала, как лопнула еще одна кость. Боль отчасти прочистила мне голову, но боль была отчаянная.

Он раскрыл встроенный в шкаф большой развлекательный центр. Телевизора на полке не было. Я увидела две коробки от обуви на какой-то шкуре, похожей на шкуру яка, только серой.

Тим поставил коробки на пол, взял шкуру, встряхнул ее, и я увидела, что это плащ. Он набросил его на себя, плащ окутал его тело и исчез. Тим казался таким же, как раньше.

— Знаешь, что это?

Я знала, потому что прочла об этом в одолженной книге и потому что шкура пахла не яком, а лошадьёю.

— Это Шкура Друида, — сказала я, с трудом дыша сквозь зубы, чтобы не стонать. Ну, хоть не та рука, что я сломала прошлой зимой. — Друид был проклят и должен был принимать обличье лошади, но когда с него сдирали шкуру, он снова становился человеком. А лошадиная шкура что-то делает... — Я пыталась подобрать слова, потому что это было важно. — Мешает врагам найти его и причинить ему вред.

Я посмотрела на Тима и увидела, что он не хотел, чтобы я ему отвечала. Он хотел знать больше меня. Думаю, его вывели из себя мои слова о том, что не так уж он умен. Но часть меня хотела угодить ему, и по мере того как спадала боль, это навязанное стремление крепло.

— Ты гораздо сильнее, чем я думала, — сказала я, стараясь отвлечься от нового действия питья. Или, может, я сказала это, чтобы ему угодить.

Он смотрел на меня. Не могу сказать, нравилось ли ему услышанное. Наконец он закатал рукава рубашки и показал на обеих руках выше запястий серебряные браслеты.

— Наручи гигантской силы, — сказал он.

Я покачала головой.

— Это не наручи. Это браслеты. Наручи длиннее. Они использовались...

— Заткнись! — прохрипел он, закрыл шкаф и немного постоял спиной ко мне. Потом сказал: — Ты меня любишь. Ты считаешь, что не видела никого красивее меня.

Я боролась. Сражалась с его голосом так ожесточенно, как в жизни ни с чем не боролась.

Но как же трудно вести борьбу с собственным сердцем, особенно когда Тим так красив! До этого мгновения ни один мужчина не мог сравниться пленительной мужской красотой с Адамом, но его лицо и фигура бледнели рядом с Тимом.

Тим повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Ты хочешь меня, — сказал он. — Хочешь больше, чем того уроды-врача, с которым у тебя было свидание.

Конечно, хочу. Желание сделало мое тело гибким, и я слегка изогнула спину. Боль в руке — ничто по сравнению с желанием.

— Посох делает владельца богатым, — сказала я, когда он поставил колено на кровать. — Малый народ знает, что посох у меня, и хочет его вернуть. — Я старалась упереться локтем, чтобы можно было поцеловать его, но рука не действовала нормально. Зато действовала вторая рука, и я неловко протянула ее и погладила его по шее. — Малый народ его заберет. Там есть кто-то, кто знает, как найти посох.

Он отвел мою руку.

— Он у тебя на работе?

— Должен быть там.

В конце концов, посох ведь повсюду следовал за мной. Я отправлюсь в свой офис. Этот красавец отвезет меня туда.

Он провел рукой по моей груди, больно сжал ее, потом отпустил и встал.

— Это подождет. Пошли.

Перед тем как мы сели в его машину и отправились в мой офис, любимый заставил меня выпить из кубка еще. Я не могла вспомнить, зачем мы туда отправились, но он мне скажет, когда приедем. Так он сам сказал. Мы двигались по 395 шоссе в сторону Восточного Кенневика, когда он расстегнул джинсы.

Загудел проходивший мимо большой грузовик. То же сделала машина на встречной полосе, когда Тим взял слишком в сторону и едва не столкнулся с ней.

Он выругался и отшвырнул меня от себя.

— Потом, когда будет меньше машин, — задыхаясь, сказал он. У него словно началось головокружение. Он заставил меня застегнуть ему джинсы, потому что сам не мог справиться. Делать это одной рукой было трудно, поэтому я воспользовалась и второй, несмотря на страшную боль.

Потом я посмотрела в окно и удивилась, как сильно, до тошноты болит рука. А Тим поднял с пола упавший кубок и дал мне.

— Вот, выпей.

Край кубка был в грязи, а внутри кубок был полон — что за ерунда! Он ведь лежал на боку у меня под ногами. В нем не должно быть никакой жидкости.

Потом я вспомнила, что это волшебный предмет.

— Пей, — снова сказал Тим.

Я перестала думать о том, как это возможно, и сделала глоток.

— Не так, — сказал он. — До дна. Остин сегодня утром отпил два глотка и сделал все, что я ему велел. Ты уверена, что ты не из малого народа?

Я принялась быстро пить, хотя часть жидкости пролилась и потекла по шее. Когда кубок опустел, я поискала, куда его поставить. Казалось неправильным класть его на пол. Наконец я умудрилась подвесить его к дверной ручке с моей стороны.

— Нет, — сказала я. — Я не из малого народа.

Я положила руки на колени и смотрела, как они сжались в кулаки. Когда шоссе пошло по Восточному Кенневику, я объяснила, как отыскать мою мастерскую.

— Заткнись! — сказал он. — Шум действует мне на нервы. Пей еще.

Я не сознавала, что издаю звуки. Подняв руку, я притронулась к своим голосовым связкам. Они действительно вибрировали. Рычание, которое я слышала, должно быть, мое. Оно прекратилось, как только я его осознала. А когда протянула руку за кубком, он опять был полон.

— Так-то лучше.

Он свернул на стоянку и остановился перед входом.

Я с трудом открыла дверцу машины, а когда вышла, дрожала, как наркоманка.

— Какой код? — спросил он, стоя перед дверью.

— Один, один, два, ноль, — сказала я, стуча зубами. — Мой день рождения.

Огонек сверху из красного стал зеленым, что-то во мне расслабилось, я перестала дрожать.

Он взял мои ключи и открыл дверь, потом запер ее за нами. Какое-то время осматривал офис, даже подтащил стремянку, чтобы заглянуть на верхние полки. Через несколько минут начал сбрасывать вещи с полок на пол. Корпус термостата ударился о цементный пол и треснул. Не забыть заново его заказать, подумала я. Может, Гэбриэль разберет его на части, и что-нибудь удастся спасти. Если придется платить Зи, я не могу тратить на оборудование.

— Мерси!

Неожиданно вместо корпуса термостата у меня перед глазами появилось лицо! Тима. Он был очень сердит, но не думаю, что из-за корпуса.

Он ударил меня. Наверное, его гнев вызвала я. Он явно не привык драться. Даже с волшебным прибавлением силы он смог только отбросить меня на несколько шагов. Мне стало больно дышать. Я узнала ощущение: сломано ребро.

— Что? — спросил он.

Я прокашлялась и повторила:

— Когда бьешь кого-то, нужно убирать большой палец в кулак, иначе сломаешь.

Он выругался и выбежал из офиса к машине. А когда вернулся, в руке у него был кубок.

— Пей, — сказал он. — Выпей все.

Я послушалась. Дрожь усилилась.

— Я хочу, чтобы ты сосредоточилась, — сказал он. — Где посох?

— Должен быть здесь, — торжественно ответила я. Он остается там, где я живу. Как «кролик» или моя кровать.

— Что?

— Он должен быть в гараже.

Я провела его в глубину дома.

Ближайший отсек гаража оказался пуст, следующий тоже — это меня встревожило, но потом я вспомнила, что «Карманн Гиа», который я восстанавливаю, забрали. Делают новую обивку.

— Рад слышать, — сухо сказал Тим. — Кем бы ни был этот Карман. Так где же посох?

Он лежал на моем самом большом ящике с инструментами, как будто я сама небрежно положила его туда, доставая что-то из инструментов. Умный посох. Его здесь не было, когда

мы вошли в гараж, но вряд ли Тим это заметил.

Тим схватил его и провел по нему руками.

— Попался! — сказал он.

Ненадолго. Должно быть, я не сказала этого вслух — или он не расслышал. Меня снова одолела болтливость, так что это могло сорваться с языка вместе с прочим. Я перевела дух и постаралась управлять своей речью.

— Стоило это убийства О'Доннелла? — спросила я. Глупый вопрос. Но, может, он позволит мне сосредоточиться. Тим сказал, что мне нужно сосредоточиться.

Как только эта мысль пришла мне в голову, я перестала чувствовать одурь.

Он погладил посох.

— Я убил О'Доннелла ради удовольствия, — сказал он. — И своего отца тоже. Дорожный посох, кубок — они были приправой. — Он негромко рассмеялся. — Очень вкусной приправой.

Он прислонился к ящику с инструментами и повернулся ко мне.

— Думаю, тут самое подходящее место, — сказал он.

Может, он и прекрасен, но выражение его лица — вовсе нет.

— Значит, это все игра, — сказал он. — Все разговоры о короле Артуре и весь флирт. Этот парень был когда-то твоим дружкой?

Он говорил о Сэмюэле.

— Нет, — сказала я.

Это правда. Но я могла бы сказать это так, что он бы не рассердился. Почему мне хочется сердить любимого?

Потому что мне нравится, когда он сердится. Но в сознании у меня возник Адам, срывающий дверь ванной. Такой гневный. Великолепный. В глубине души я знаю, что он никогда не обратит свою страшную силу против тех, кого любит.

— Значит, ты использовала врача, просто чтобы обострить ситуацию? И вторглась... — ему понравилось слово, и он повторил: — ...вторглась в мой дом. О чем ты думала? «Бедный гик, у него никогда никого не было. Какой неудачник. Он будет рад-радехонек нескольким крошкам». — Он схватил меня за плечи. — О чем ты думала? Немного повертишь хвостом перед гиком, и он в тебя влюбится?

Меня тревожило, что он воспринимает это так серьезно, — как только я осознала, что флиртую.

— Да, — сказала я.

Издав звериный рев, он оттолкнул меня, я отлетела на несколько шагов и упала, сильно ударившись об инструментальную тележку; кое-что с нее упало на пол.

— Ты сделаешь это со мной, — сказал он, тяжело дыша, — с жалким неудачником — и тебе понравится... нет, ты будешь благодарна! — Он лихорадочно огляделся и увидел кубок. — Пей, — сказал он. — Все выпей.

Это было трудно. Живот полон. Пить я не хотела, но, слыша его слова, не могла сопротивляться. И это волшебство жгло меня.

Он взял у меня кубок и поставил на пол, рядом с дорожным посохом.

— Ты будешь благодарна мне и будешь знать, что больше никогда ничего подобного не испытаешь. — Он опустился рядом со мной на колени. Его прекрасная кожа покрылась отвратительными красными пятнами. — Когда я кончу... когда я уйду... ты не перенесешь одиночества, потому что будешь знать: никто не будет тебя любить так, как я. Никто. Ты

пойдешь к реке и поплывешь. И будешь плыть, пока не выбьешься из сил. Точно как Остин.

Он расстегнул джинсы, и я с полной уверенностью поняла, что он прав. Никто не будет любить меня после такого. Адам никогда не будет любить меня после такого. Я могу утопиться, потеряв любовь, как сделал мой приемный отец.

— Перестань плакать, — сказал он. — Чего нюнишь? Ты этого хочешь! Скажи! Ты меня хочешь.

— Я хочу тебя, — сказала я.

— Не так. Не так.

Он вытянул руку, взял посох и им подтолкнул к себе кубок. Потом выронил посох и схватил кубок.

— Пей, — сказал он.

С этого момента я плохо помню, что было. Следующая ясная мысль возникла, когда моя рука коснулась чего-то гладкого и древнего. Когда я сжала его рукой, от этого предмета по руке распространилась прохлада.

Я посмотрела в лицо Тиму. Глаза его были закрыты, он издавал звериные стоны, но, словно почувствовав мой напряженный взгляд, открыл глаза.

Угол был неподходящий, поэтому я не стала пробовать ничего особого. Просто ткнула серебряным наконечником посоха ему в лицо, представляя себе, как металл вонзается в глаз и проходит сквозь череп.

Конечно, не получилось. У меня нет силы великанов или хотя бы вервольфов. Да и с какими силами можно собраться, когда вы лежите навзничь и на вас кто-то взгромоздился? Но я причинила ему боль.

Он отвалился, и я выбралась из-под него, выронив посох. Я знала, где найти оружие получше. Я кинулась к стойке, где стоял большой лом — стоял там, куда я сама его поставила, после того как передвинула с его помощью двигатель на лишние четверть дюйма.

Я могла бы убежать. Могла принять обличье койота и убежать, пока он отвлекся. Но мне некуда было бежать. После сегодняшнего никто не будет меня любить. Я одинока.

Я научилась издавать необычные звуки, которые как будто свойственны боевым искусствам, хотя в глубине души всегда считала это глупостью. И, когда поднимала лом, как копье, эти звуки возникли из самой глубины моего гнева и отчаяния. И почему-то не показались глупыми.

Он был силен, а я быстра. Когда я сблизилась с ним, он схватил меня за правую руку, ту самую, которую уже повредил.

Я закричала, но не от боли. Я слишком далеко зашла, чтобы чувствовать что-то такое конечное, как физическая боль. Левой рукой я ударила его ломом в живот.

Он упал на пол, закричал, и его начало рвать. Хотя я действовала левой рукой, лом оказался достаточно тяжелым, чтобы разбить ему череп.

Часть меня хотела бить дальше, пока от головы не останутся только осколки черепа. Часть меня знала, что я люблю его. Но я не поддалась этой любви. Не поддаюсь Сэмюэлю когда-то давно, не поддаюсь Адаму и сейчас не поддаюсь Тиму.

Я не стала снова бить его ломом по голове — у меня было более важное дело.

Но как сильно я ни была, металлический лом ничего не мог сделать с кубком. Странно: кубок глиняный, а железо разбивает большинство заклятий малого народа. Я раздробила цемент пола, но лом не оставил на этом проклятом кубке даже вмятины.

Оставляя на полу следы крови и других жидкостей, я искала кувалду, когда услышала

рев машины, вылетевшей из-за угла.

Машину я узнала.

Это Адам, но он опоздал. Он больше не может меня любить.

Он рассердится на меня.

Нужно спрятаться. Если он меня не любит, то причинит мне боль, когда рассердится. А когда успокоится, сам почувствует боль. А я не хотела, чтобы ему было больно из-за меня.

Но человеку здесь не спрятаться. Значит, я не буду человеком. Я посмотрела на полки у дальней стены гаража. Койот может там укрыться.

Я переменялась, на трех лапах вскарабкалась на полку и спряталась за несколькими большими ящиками. Здесь было темно.

Из офиса послышался треск: Адам доказал, что висячий замок — не защита от разгневанного вервольфа. Я плотнее прижалась к полке:

— *Мерси.*

Он не кричал. Ему это не нужно.

Голос долетел до меня и окатил волной гнева. Не похоже на голос Адама, но это он. Я чуть отстранилась от ящиков, чтобы они перестали трястись.

Того, что показалось в дверях гаража, я никогда раньше не видела. Похоже на одну из промежуточных форм при смене облика. Но эта была завершена, как будто сама промежуточная форма стала законченной и полезной. От груди до хвоста он был покрыт черной шерстью, очень функциональными выглядели руки — и пасть, полная зубов. Он стоял прямо, но не как человек. Его ноги были чем-то средним между ногами человека и лапами волка.

Адам.

У меня было всего мгновение на то, чтобы рассмотреть его, потому что в следующий миг Адам увидел тело Тима. С ревом, от которого у меня заболели уши, он набросился на него и стал рвать своими страшными когтями. Это было ужасно... и часть меня тоже хотела рвать это тело в клочья.

Больно будет лишь миг, потом все будет кончено. Я тяжело дышала от боли и страха, но не двигалась с места, потому что Тим велел мне отыскать реку. А еще я не хотела причинить боль Адаму.

Из офиса осторожно входили вервольфы. Бен и Хани — оба в человеческом облике; я на секунду удивилась, как это им удастся, когда Адам в такой ярости. Может, их защитило что-то в этом переходном облике... но затем появился Даррил. Лицо у него было перекошено, на лбу блестел пот, от пота потемнел его вязаный свитер. Именно контроль Даррила позволил остальным не увлечься гневом Адама.

Все остановились у входа, подальше от Адама, и стали оглядываться.

— Вы ее видите? — негромко спросил Даррил.

— Нет, — ответил Бен. — Я не уверен, что она здесь... чуете...

Он замолчал, потому что Адам уронил руку — не свою — и посмотрел на Бена.

— Очевидно, — напряженным голосом сказал Даррил, — мы все чуем ее ужас.

Он опустился на одно колено, как мужчина, делающий предложение возлюбленной.

Бен опустился на оба колена и склонил голову. Хани тоже. Все их внимание было устремлено на Адама.

— Где она?

Его голос звучал гортанно и со странным акцентом: слова исходили из пасти,

предназначенной не для речи, а для воя.

— Мы поищем ее, сэр, — очень тихо сказал Даррил.

— Она здесь, — торопливо добавил Бен. — Прячется от нас.

Адам раскрыл огромную пасть и зарычал — скорее как *медведь*, чем как волк. Он опустился на четвереньки, и я ждала, что он завершит перемену, полностью станет волком. Но он этого не сделал. Я почувствовала, как он требует силу стаи, и стая отдает ему ее. Либо возвращаться из промежуточного состояния легче, либо стая ускорила процесс, но не прошло и пяти минут, как Адам стоял в флюоресцентном свете, нагой, в облике человека.

Он глубоко вдохнул и вытянул шею: в тихом гараже отчетливо прозвучал треск позвонков. Потом от волка остались только запах гнева и янтарный цвет глаз.

— Она еще здесь? — спросил он. — Вы это чувствуете?

— Ее запах повсюду, — ответил Бен. — Я не могу отследить ее. Но она нашла угол и спряталась. Она не стала бы убегать.

Последние слова он произнес рассеянно, осматривая помещение.

— Почему? — на диво мягким голосом спросил Даррил.

Бен вздохнул, как будто вопрос его удивил.

— Потому что убегаешь, когда есть надежда. Вы видели, что он с ней сделал, слышали, что он говорил. Она здесь.

Они видели, подумала я и вспомнила: техник сказал, что Адам видит все, что записывают камеры. Они все видели: мне стало так стыдно, что захотелось умереть. Потом я вспомнила, что должна сделать, и при мысли о реке, холодной и зовущей, стало легче.

— Мерси? — Адам медленно повернулся. Я закрыла нос хвостом и замерла, зажмурив глаза и положась на слух: уши подскажут, когда они подойдут. — Теперь все в порядке. Ты можешь выйти.

Он ошибается. Ничего не в порядке. Он не любит меня, никто не любит меня, и я одинока.

— Ты можешь *призвать* ее, — предложил Даррил.

Послышался удар и хрип, будто кто-то задыхался. Не в силах сопротивляться, я выглянула.

Адам прижал Даррила к стене, сжимая ему горло.

— Ты видел, — прошептал он. — Ты видел, что он с ней сделал. И теперь предлагаешь мне сделать то же самое? Привлечь ее магией, которой она не сможет противиться?

Я знала, что напиток из кубка малого народа все еще действует на меня: в животе жгло, я вся дрожала, как при ломке. Но что-то меня тревожило. Я по-прежнему должна понимать реакции Адама, верно? Он так озабочен... так сердит из-за меня. Но если он видел...

Он знает, что я была неверна.

Адам перед всей стаей провозгласил меня своей парой. И хотя теперь я знала, что были и другие сверхъестественные результаты, я понимала связанную с этим политику.

Вервольф, которому неверна его пара, становится слабым. А если это Альфа... я знала, что был один Альфа, пара которого спала с другими, но она делала это с его разрешения. Не приняв Адама, я уже ослабила его положение. Если стая знает, что Тим... что я позволила Тиму...

Адам опустил руку, освобождая Даррила.

— Ты это слышал?

Я перестала скулить, как только осознала, что скулю, но поздно.

— Доносилось отсюда, — сказала Хани. Она сделала несколько шагов к Тиму по пути к моей стороне гаража, Даррил и Бен сопровождали ее. Адам остался на месте, спиной ко мне, широко расставив руки и прижимая их к стене.

Именно на него и напала иная, вышедшая из офиса.

Нимейн не была похожа на ту женщину, что приходила ко мне с Тони. В ее темных волосах блестели серебряные и красные искры, которые разлетались под ветром ее чар. Волна ее магии ударила Адама и отбросила; он упал на спину в лужу темной крови. Покатился, мгновенно вскочил и бросился на нее.

Война, подумала я. Если он убьет ее или она его, будет война.

Не успела эта мысль оформиться, а я уже слетела со своей полки так быстро, как это позволяли три здоровые лапы.

Хотя в движениях Адама не было неуверенности, Нимейн, должно быть, что-то повредила ему, потому что я добралась до нее раньше Адама.

Я сразу поменяла обличье, чтобы иметь возможность говорить, но не успела ничего сказать, потому что Адам ударил меня плечом в живот, как игрок в футбол^[54]. Едва ли он целился в меня, потому что прокатился подо мной, сбив меня с ног. Но земли я не коснулась.

Чувствуя боль под ложечкой, я в неловкой позе разлеглась на нем, так что одно мое колено попало ему под мышку, а здоровая рука оказалась под его противоположным плечом. В следующее мгновение он уже был на ногах, я висела на нем, а остальные три вервольфа загораживали его от разгневанной Нимейн.

Я пыталась заговорить, но он выбил из моих легких весь воздух.

— Ш-ш-ш, — сказал Адам, не отрывая взгляда от противника. — Ш-ш-ш, Мерси. С тобой теперь все будет в порядке. Я обеспечу твою безопасность.

Я проглотила горький комок. Он ошибается. Отныне я всегда буду одинока. Так сказал Тим. Он овладел мною, теперь я вечно буду одна. Нет, не вечно: ведь рядом река, шириной в милю и такая глубокая, что вода кажется черной. Моя мастерская совсем близко: иногда я чую запах воды от Колумбии.

Мысль о реке успокоила меня, и я смогла подумать о другом.

Вервольфы ждали нападения Нимейн. Не знаю, чего ждала Нимейн, но эта пауза дала мне возможность заговорить раньше, чем кто-нибудь пострадает.

— Подождите, — сказала я, вновь обретая способность дышать. — Подождите. Адам, это Нимейн, которую малый народ прислал разобраться со смертью охранника.

— Та самая, которая готова послать на смерть Зи, вместо того чтобы искать настоящего убийцу?

Он презрительно приподнял верхнюю губу.

— Адам? — холодно спросила Нимейн. — Адам Хауптман? Какое отношение имеет Альфа к украденной собственности?

— Они пришли мне на помощь, — сказала я.

— А ты кто?

Она склонила голову набок, и я поняла, что говорю не своим голосом. Он звучал хрипло, словно я десятки лет курю — или ночь напролет кричала. А Нимейн слепа.

— Мерседес Томпсон, — сказала я.

— Койот. Как же ты напроказила сегодня ночью? — Она сделала шаг вперед, и все вервольфы напряглись и застыли. — И чья кровь кормит эту ночь?

— Я нашла вашего убийцу, — устало сказала я, прижимаясь лицом к обнаженной коже Адама. Его запах прокатился надо мной волной ложного утешения: он меня не любит. Но я так устала, что приняла даже это утешение. Скоро я буду поистине одинока. — И убийца сам навлек на себя смерть.

Магия Нимейн убывала, и напряжение заметно спало. Но волки ждали, чтобы Адам сказал им, что опасность миновала.

— Даррил, позвони Сэмюэлю и узнай, сможет ли он приехать, — негромко велел Адам. — Потом позвони полицейскому Мерси. Хани, в багажнике есть одеяло и запасная одежда. Принеси.

— Может, позвонить и Уоррену? — спросил Бен, отводя взгляд от Нимейн, чтобы посмотреть на Адама, но тут его взгляд упал на мою руку. — Дьявольщина. Посмотрите на ее запястье.

Я не хотела смотреть на свою руку, поэтому смотрела на Нимейн, которая одна не казалась испуганной. Нужно немало, чтобы испугать вервольфа. Во всяком случае, мне это раньше никогда не удавалось.

— Запястье сломано, — холодным профессиональным тоном сказала Нимейн. — И кость выше на руке тоже.

— Откуда вы знаете? — спросила Хани, вернувшаяся с одеялом и одеждой. — Вы же слепая.

Нимейн улыбнулась. Улыбка была невеселая.

— Есть другие способы видеть.

— Это можно вылечить? — спросил Бен, глядя на мою руку. Я не ожидала от Бена такого потрясенного тона. Вервольфы привыкли к насилию и его последствиям.

Нимейн прошла мимо Адама, как волк, по запаху. Наклонилась и подобрала лошадиную шкуру друида. Должно быть, шкура свалилась с Тима, когда Адам рвал его на части.

Эти части долго будут сниться мне в кошмарах, но сейчас я слишком отупела, чтобы прийти в ужас. Нимейн погладила шкуру и покачала головой.

— Неудивительно, что мы никак не могли его найти. Ага, вот что ей нужно.

Она отыскала кубок, который закатился под мой ящик с инструментами.

— Что это? — спросил Адам.

— Когда-то его называли Проклятием Орфино, чашей Юона или даром Мананнана. У него несколько назначений, и одно из них — исцеление.

— Он делает другое, — с ужасом сказала я Адаму.

Нимейн посмотрела на меня.

— Он заставил ее пить из него, — сказал Адам. — Я думал, там какой-то наркотик — а это волшебство малого народа?

Она кивнула.

— В руках вора он позволяет порабощать другого человека, полученный в дар — исцеляет, а в руках малого народа — правдиво свидетельствует.

— Не стану пить, — сказала я плечу Адама, передвигаясь в его объятиях, чтобы оказаться как можно дальше от кубка.

— Это вылечит ее? — спросил Адам.

Все слышали шум подъезжающей машины.

— Один из моих, — сказал Адам. Полагаю, для Нимейн, потому что все остальные узнали машину Сэмюэля. Чтобы добраться сюда так быстро, он должен был ехать с работы.

Больница всего в нескольких кварталах. — Он врач. Я хотел бы узнать его мнение.

Войдя, Сэмюэль одним взглядом оценил картину: куски Тима, разбросанные Адамом, повсюду кровь, пара обнаженных людей (я и Адам) и Нимейн во всем блеске силы малого народа.

— Посмотри руку Мерси, — сказал Адам.

Я не хотела, чтобы он трогал руку. Сейчас она онемела, но это может в любую минуту измениться. Пока она напоминала скорее крендель, чем руку, сгибаясь в тех местах, где не должна. Когда мы вошли в офис, она действовала. Должно быть, Тим еще больше повредил ее, когда я его убивала.

Но никого не волновало, чего я хотела.

Вначале Сэмюэль только наклонился, разглядывая руку, лежащую у меня на коленях. Он присвистнул.

— Тебе нужно поучиться выбирать друзей, Мерси. Те, с кем ты водишься, слишком небрежно с тобой обращаются. Если так будет продолжаться, ты умрешь еще до конца года.

Он был безжалостно весел, и я поняла, что дело плохо. Его руки легко коснулись моей, но от острой боли из моих глаз посыпались искры. Если бы Адам не держал меня, я бы вырвала руку, но он держал, и крепко. Шепча что-то успокаивающее, ласковое — впрочем, сквозь звон в ушах я ничего не слышала.

— Сэмюэль? — четко и внятно спросил Бен.

Сэмюэль оставил мою руку и распрямился.

— У нее рука как тубик пасты, заполненный мраморными шариками. Не думаю, чтобы даже сотней болтов и булавок можно соединить разбитое.

Я не из тех, кто падает в обморок, но картина, нарисованная Сэмюэлем, была так ужасна, что в глазах у меня потемнело. Я словно мигнула, но за это время прошли одна или две минуты. Если бы я вовремя не вспомнила о реке, прогноз Сэмюэля заставил бы меня потерять сознание.

Я поняла, что какое-то время была без чувств, потому что сила у Адама копится не мгновенно. Но я слишком поздно поняла, зачем ему это.

— Не надо беспокоиться, Мерси, — тихо сказал Адам, наклонившись, чтобы говорить мне на ухо.

Я напряглась. Я старалась. Но у меня, усталой, измученной болью и ужасом, не было ни малейшей возможности бороться с его голосом. Да я и не хотела бороться. Адам не сердится. Он не причинит мне боль.

Я позволила его силе окутать меня, словно теплым одеялом, и расслабилась. Рука по-прежнему болела, но ощущение покоя обволокло меня и словно отделило от боли и от ужаса. Я слишком устала, чтобы бояться.

— Вот так, — сказал он. — Глубоко вдохни, Мерси. Я не позволю причинить тебе никакого вреда, поняла? Можешь мне довериться.

Это не был вопрос, но я все равно ответила «Да».

Очень тихо — не думаю, чтобы слышали даже другие волки — он сказал:

— Теперь, когда все кончилось, не нужно меня ненавидеть.

В его голосе не было приказа.

— Мне это не нравится, — сказала я.

Он в быстрой ласке провел подбородком и щекой по моему лицу.

— Знаю. Мы дадим тебе то, что тебя излечит.

Эта новость взорвала окутавший меня покой. Он хочет, чтобы я снова пила из кубка.

— Нет, — сказала я. — Не буду. Не буду.

— Ш-ш-ш.

Его сила накатилась на меня и сгладила сопротивление.

— Я знаю малый народ, — хрипло сказал Сэмюэль. — Почему вы вздумали помочь?

— Что бы ты ни думал, волк, — голос Нимейн звучал холодно, — малый народ не забывает ни своих друзей, ни долги. Она пыталась помочь одному из нас и пострадала. Я могу исцелить только тело, но мне кажется, что сегодня она меньше всего страдает из-за физической боли. Долг еще не выплачен.

Кубок прижали к моим губам, и, едва я узнала запах, живот мой восстал. Адам быстро развернул меня так, чтобы меня не вырвало на нас обоих. Когда все прошло, он вернул меня в прежнее положение.

— Заткните ей нос, — предложил Даррил, и Сэмюэль зажал мне обе ноздри.

— Глотай быстрее, — прошептал Адам. — Скорей покончишь с этим.

Я послушалась.

— Хватит, — сказала Нимейн. — Потребуется около часу, но клянусь, она излечится.

— Надеюсь, она не сломлена окончательно.

Голос Адама звучал у меня над ухом, и я довольно вздохнула. Я еще не одна. Руки у него дрожали, и я встревожилась, что он устал держать меня.

— Нет, — сказал он. Должно быть, я что-то произнесла вслух. — Ты не тяжелая.

Привычный к чрезвычайным ситуациям Сэмюэль взял на себя руководство.

— Хани, давай одеяло и одежду. Принеси из кабинета сиденье — что-нибудь со спинкой. Даррил, возьми Мерси, вот так... — Адам, державший мою ногу, зарычал, и это заставило Сэмюэля изменить намерение. — Хорошо, хорошо, мы подождем, пока Хани принесет стул. А вот и она. Мы закутаем Мерси в одеяла, ты ее усыпишь, потом умоешься и оденешься до приезда полиции.

Адам не шевельнулся.

— Адам...

Тон у Сэмюэля осторожный, поза подчеркнуто нейтральная. Подъехал небольшой грузовик, и напряжение в гараже заметно спало. Однако, когда в гараж вошел Уоррен, никто не произнес ни слова. Уоррен выглядел бледным и напряженным; войдя, он остановился и осмотрелся.

Потом он прошел в центр гаража и носком ботинка отбросил ошметок плоти. Посмотрел на Адама.

— Отличная работа, босс.

Потом он посмотрел на Сэмюэля и на одеяло, которое тот держал. И на стул, который стоял перед Хани.

Язык тела Сэмюэля без слов сказал Уоррену, что происходит и чего от него ждут.

Уоррен подошел к нам, по дороге взяв у Сэмюэля одеяло, и сказал:

— Давай-ка укроем ее, чтобы ей было тепло.

Адам без возражений позволил Уоррену забрать меня. Однако вместо того, чтобы усадить меня на стул, Уоррен сам сел на него и усадил меня к себе на колени. Адам какое-то время смотрел на нас — я ничего не могла прочесть по его лицу. Потом наклонился и поцеловал меня в лоб.

— Если вы вызвали полицию, она скоро будет здесь, — сказала Нимейн, как только

Адам отправился в ванную умыться. — Мне нужно уйти до их прихода.

— Тут кольцо, — сказала я ей, по-прежнему купаясь в покое, которым наделил меня Адам.

— Что?

— Серебряное кольцо у него на пальце. — Я зевнула. — Думаю, в доме Тима остались еще вещи. Он держал их в шкафу в спальне.

— Кольцо Макоуэна, — сказала Нимейн. — Поможете отыскать?

— Может, Адам его проглотил? — предположила я, и Уоррен рассмеялся.

— Тебе нельзя смотреть фильмы ужасов, — сказал он. — Адам его не ел.

— Вот оно, — сказала Хани, нагибаясь и подбирая что-то. Но вместо того чтобы отдать Нимейн, сжала в руке. — Если вы заберете кубок, Мерси обвинят в убийстве.

— Дай его мне.

От ледяного голоса Нимейн температура в комнате заметно понизилась.

— У нас есть видео, — сказал Даррил. — Этого должно хватить.

Хани рассмеялась и повернулась к нему.

— Для чего? На нем видно только, что Мерси пьяна. Она пила всякий раз, как он ей предлагал. Может, она и отказывалась, но ведь он не заставлял ее силой. По видео можно сказать, что ее состояние вызвано алкоголем, но этого недостаточно, чтобы снять с нее обвинение в убийстве. Она его обездвигила, а потом встала, взяла лом и ударила.

— Тогда пусть так и будет, — сказала Нимейн. — Если люди узнают о наших вещах, это слишком опасно.

— Не обо всех, — сказала Хани. — Только о кубке.

— Само по себе это ответит на большую часть вопросов полиции, — сказал Сэмюэль. — Хотя еще надо объяснить, как человек мог оторвать у другого человека голову.

— На нем были браслеты, — сказала я. — Он их называл наручами гигантской силы. Но это не наручи. Они тоже где-то здесь.

— Бен, — сказал Адам, возвращаясь в гараж. Его голос звучал хладнокровно и спокойно. На нем были джинсы и серая рубашка с длинными рукавами. Волосы влажные. — Нимейн, предлагаю заключить сделку. Посмотрите запись того, что тут творилось вечером, и тогда я позволю вам уйти со всеми вашими игрушками — если вам еще захочется этого.

— Я Пожирательница Падали, — сказала Нимейн. — Вы и представить себе не можете сколько смертей и насилия я видела.

В теплый покой, которым окутал меня Адам, пробился стыд. Не хочу, чтобы кто-нибудь смотрел.

— Она слепа, — сказала я. — Она ничего не увидит.

— Пусть воспользуется моими глазами, — предложил Сэмюэль.

Я заметила, как напряглась Нимейн.

— До того как стать Марроком, мой отец был валлийским бардом, — сказал Сэмюэль. — Он многое знает. Можете воспользоваться моими глазами, если Адам считает, что вам важно это увидеть.

Бен принес лэптоп Адама и передал ему. Адам поставил его на стойку.

Я зарылась лицом в Уоррена и старалась не вслушиваться в звуки, доносящиеся из компьютера. Звуки не очень приятные, но я старалась делать вид, что не слышу собственные беспомощные звуки или влажное хлюпанье...

Адам прокручивал запись, пока Нимейн не подошла и не выключила ее.

Когда изображение исчезло, Нимейн уверенно сказала:

— Ей полагалось умереть. Если бы я видела это раньше, ни за что бы не дала ей так скоро снова выпить.

— С ней все будет в порядке? — отрывисто спросил Уоррен.

— Если до сих пор не начались судороги и она все еще жива, вероятно, смерть ей не грозит. — Нимейн с тревожным видом погладила плащ, висевший у нее на руке. — Не понимаю, как ей удалось его убить: ведь на нем было это. Плащ не должен был дать ей дотронуться до него.

— Плащ защищал его только от врагов, — сказала я ей. — А я в их число не входила, он сам так сказал.

Снаружи завывала полицейская сирена.

— Ну хорошо, — сказала Нимейн. — Оставьте себе браслеты, чтобы объяснить, как человек мог убить О'Доннелла. И кубок. Адам Хауптман, Альфа стаи бассейна Колумбии клянись своей честью сохранить эти вещи и вернуть их дядюшке Майку, когда они больше не будут нужны.

— Сэмюэль, — сказал Уоррен. Я поняла, что начала беспомощно дрожать.

— Ей надо уснуть, — сказала Нимейн.

Адам склонился ко мне и посмотрел мне в глаза.

— Спи, Мерседес.

Я слишком устала, чтобы сопротивляться этому внушению, даже если бы хотела.

Глава двенадцатая

Я проснулась, ощущая в ноздрях запах Адама. В животе урчало. У меня не было времени удивляться обстановке. Я выскочила из кровати и успела добежать до туалета, чтобы меня вырвало в унитаз.

Вкус волшебных напитков с течением времени становится ужасным.

Заботливые руки убрали мои волосы с лица — хотя было уже поздно — и обтерли лицо влажной губкой. Кто-то надел на меня белье и футболку Адама.

— На этот раз ты хоть добралась до сортира, — прозаически заметил Бен. И, чтобы я совершенно уверилась, что это он, а не какой-то его более ласковый клон, добавил: — И хорошо. У нас почти кончились чистые простыни.

— Рада стараться, — сумела я сказать перед тем, как меня снова вывернуло — так сильно, что рвота шла не только изо рта, но и из носа. Когда все кончилось, я бы заплакала на полу, если бы мысль о том, что все это видит Бен, не была такой отталкивающей.

Он подождал, убедился, что можно вывести меня из ванной, и поднял меня — делая вид, что для этого нужны большие усилия. Он ведь вервольф и легко может поднять фортепиано. Моего веса недостаточно, чтобы он вспотел.

С удивительной ловкостью он снова уложил меня и укрыл.

— Эта иная сказала нам, что ты будешь много спать. Но рвота ее очень удивила. Говорит, это связано с твоей сопротивляемостью магии и с тем, что ты очень много выпила. Тебе лучше всего спать. — Он помолчал. — Если не хочешь есть.

Я повернула голову на подушке, чтобы он увидел мое лицо.

Он усмехнулся.

— Это хорошо: надоело убирать.

Когда я проснулась в следующий раз, было еще совсем темно, так что много времени пройти не могло. Я лежала неподвижно, сколько удавалось. Зная, что Бен в комнате, я не хотела привлекать его внимание. Не хотела, чтобы он смотрел на меня.

Тошнота больше не отвлекала меня, и в голове мелькали события прошлого вечера, те, что я могла ясно вспомнить, как в фильмах Эда Вуда^[55]: настолько ужасные, что невозможно не смотреть. Хуже того, я чувствовала на себе запахи. Запахи волшебного напитка, крови... и Тима. Но хуже всего было сознание того, что я сделала... и чего не сделала.

Наконец я выбралась из кровати и на четвереньках доползла до двери ванной. Я не поднимала головы, и Бен должен был сообразить: я сознаю, что делаю.

Он подошел к двери раньше меня и открыл ее. Протокол требовал, чтобы я перевернулась и дала ему доступ к своему горлу и животу... но я больше не могла переносить свою уязвимость. Не сейчас. Может, если бы это был Адам...

— Бедняга, — негромко сказал он. — Иди почисться. Я постараюсь задержать остальных.

И он закрыл за мной дверь.

Я встала на дрожащие ноги и пустила горячую воду. Разделась и терла, терла кожу, но не могла избавиться от запасов. Наконец вышла из-под душа и стала рыться в шкафах Адама. Нашла три флакона одеколона, но ни один не пах им.

Наконец я использовала крем после бритья. Многочисленные заживающие порезы и новые ссадины, от цементного пола гаража, жгло, но по крайней мере крем заглушил запах Тима. Я не могла надеть только что сброшенную одежду, потому что она пахла... всем. Хотя футболка принадлежала Адаму, а остальное белье было из числа моего и я была уверена, что кто-то обмыл меня, прежде чем облачить в это: ведь я помнила, что была вся в крови.

Как только мне пришла в голову эта мысль, я вспомнила, как стояла в душе у Адама, а Хани говорила: *«Все будет в порядке. Я только сотру это с тебя...»*

Меня охватила паника, я схватила полотенце и дышала через него, пока паническое ощущение не ушло.

Итак, одежды нет, а стоять здесь дольше я не могу: кто-нибудь придет проверить.

Но койота никто ни о чем не будет спрашивать.

На короткое, страшное мгновение мне показалось, что я не смогу перемениться, а ведь перемена стала моей второй натурой.

«Ты должна оставаться человеком, Мерси. Мы в больнице, и ты должна еще немного побыть с нами». Голос Сэмюэля.

На полицию мне наплевать, и здесь не больница. Мою кожу покрыла шерсть, ногти превратились в когти. Перемена заняла больше времени, чем обычно, но наконец я стояла на четырех лапах. Заскулила про себя: выходить по-прежнему не хотелось.

Дверь открылась раньше, чем я смогла придумать что-нибудь еще. Ну и ладно: в ванной негде спрятаться даже койоту.

Бен принялся.

— Крем после бритья? Недурно. Кто-то успел прокрутить простыни в стиральное, постель я заправил. Так что белье теперь чистое.

Я поняла, что смотрю ему в лицо, поэтому опустила голову и поджала хвост.

— Вот как? — сказал он. — Мерси... — Он вздохнул. — Ну, неважно. Пойдем. Ложись в постель.

Я не хотела спать, но свернулась на чистых простынях и стала ждать, когда Бен выйдет, чтобы я могла сбежать... куда-нибудь. Домой идти я не могла: там Сэмюэль, и он знает.

Все знают. Тим был прав: отныне я одна.

Я должна пойти в воду... Но это неправильно. Так поступил мой приемный отец. Нет, я никогда не убью себя, не поступлю с другими так, как он поступил со мной.

Немного погодя дверь открылась, и вошел Адам. У него, должно быть, не было времени хорошо умыться, потому что от него слабо пахло кровью Тима и напитком, который Тим заставлял меня пить. Меня вырвало на него, вспомнила я с огорчительной четкостью.

— Зи освободят, как только оформят все документы, — сказал Адам. Должно быть, он говорил с Беном — я притворилась, что крепко сплю. Целую минуту Адам больше ничего не говорил, как будто ждал ответа. Потом вздохнул. — Пойду под душ. Когда выйду, у тебя будет перерыв.

Бен подождал, пока в душе не зашумела вода, и заговорил.

— Не знаю, много ли ты помнишь. Эта женщина из малого народа хотела забрать волшебные предметы и уйти до прихода полиции, но Адам решил, что ее рассказ необходим, чтобы убедить полицию в полной невиновности гремлины. И что у тебя были причины убить Тима. Поэтому он показал ей запись, и она передумала и вернула несколько предметов, доказывающих твою невиновность. На нее произвело большое впечатление, как ты сопротивлялась влиянию кубка.

Я плотнее закрыла хвостом морду. Я не сопротивлялась, до самого последнего мгновения... Я позволила Тиму... Я хотела его. На мгновение я почувствовала все воздействие его красоты, как тогда.

— Тш-ш-ш, — сказал Бен, бросив беспокойный взгляд в сторону ванной. — Лежи тихо. Он на грани, и мы не хотим, чтобы он сорвался.

Больше я ничего не хотела слышать. Зи свободен. Завтра я буду этому радоваться. Он может в счет долга забрать мастерскую. Я найду себе другое занятие. Например, в Мексике. Говорят, 'в Мексике много «фольксвагенов». И койотов тоже. Может, остаться койотом?

Мое отношение на Бена не подействовало. Он продолжал:

— Выяснилось, что до того, как ты пришла в его дом, Тим убил своего лучшего друга. Так по крайней мере мы считаем. — Даже в своем состоянии я заметила, что в его речи нет привычных бранных слов. Может, он тревожился из-за Адама, который не одобрял брань в присутствии женщин? Но это перестало меня интересовать, когда я поняла, что он говорит. — Остин Саммерс вошел в реку и утонул. Его видел какой-то старик. Он говорит, что Остин улыбался. Старик пытался его спасти, но Остин продолжал плыть, а потом нырнул. И не вынырнул. Его тело нашли в нескольких милях ниже по течению. Никто ничего не мог понять, пока женщина не объяснила им, как действует кубок, и они не посмотрели видео. Очень хорошо, что Тимми сам во всем признался.

Остин слишком много знал, подумала я. Он кое-что знал об артефактах и, как только Тим понял, что я о них знаю и могу рассказать другим, превратился для него в угрозу. Но все это не моя вина.

Тим ненавидел Остина, завидовал его способностям. Рано или поздно он бы его убил. Это не моя вина. Не совсем.

Бен укрыв меня одеялом и сел на край кровати.

— Мы показали видео полиции. Не волнуйся, твою перемену камеры не зафиксировали. Никто не знает, что ты койот. Адам также убрал все записи, на которых есть другие вервольфы, кроме него. Он со своим компьютером очень быстро сработал.

Я слышала в его голосе профессиональное одобрение: Бен занимается компьютерами, и он очень хорош в своем деле.

— Адам все равно собирался обратиться в полицию, — продолжал Бен, — потому что Нимейн поручила ему распорядиться артефактами, но полицию удивило состояние тела старины Тима. Опасности, что Адама арестуют, не было: очевидно, что Тима убила ты. Но Адам не стал поднимать шум. По правде говоря, думаю, он сам удивился. Полицейские, — в голосе Бена неожиданно послышалась улыбка, — очень вежливо пригласили его прийти с видеозаписью в участок. Уоррен тоже пошел с ним — на всякий случай, вдруг полиция вздумает нажать на Адама. Нам повезло, что Тим уже был мертв, когда мы показали, иначе Адам пробыл бы в полиции не несколько часов, а дольше.

— Неправда, — сказал Адам из ванной. Он выключил душ. — Я предпочел бы появиться раньше, чтобы полиция занялась последствиями.

Бен на кровати напрягся, но Адам ничего не добавил, и Бен слегка расслабился.

Мне не следовало приводить Тима в мой гараж. Я могла бы придумать что-нибудь другое. Я снова побежала к Адаму за помощью, как вчера, когда привела на его порог Файдела и поставила под угрозу его дом, его стаю, его дочь. Если бы не Питер, искусно владеющий саблей муж Хани, они могли бы и не прогнать его. И Адам мог бы погибнуть.

Если бы Адам был ближе к моей мастерской, когда я открывала дверь паролем — датой

своего рождения, если бы он убил Тима... Я не думала о риске. Я только знала, что Адам придет и спасет меня от моей собственной глупости. Опять.

Адам вышел из ванной, одетый только в чистые джинсы, растирая полотенцем коротко подстриженные волосы. Он бросил полотенце на пол и склонился к кровати. Бен встал и отошел к окну.

Лицо у Адама было встревоженное и усталое.

— Прости, — утомленно сказал он. — Прости, что я заставлял тебя. Я обещал тебе не делать так и не сдержал свое слово.

Он хотел коснуться меня, но это было слишком. Я не могла вынести, что он извиняется передо мной. Ведь это я подвергла его опасности. Предала.

Я выскользнула из-под его руки, прежде чем он смог коснуться меня, и съежилась в дальнем углу кровати. Лицо его застыло, он уронил руку.

— Понятно, — сказал он. — Прости, Бен, но тебе придется побыть здесь еще несколько минут. Я найду Уоррена и пошлю его сюда.

— Не глупи, Адам.

Адам встал и сделал два больших шага к двери.

— Она боится меня. Пошлю кого-нибудь наверх.

И неслышно закрыл за собой дверь.

Бен остановился посреди комнаты и воспользовался словами, о которых забыл, когда разговаривал со мной раньше. Он резко выдернул свой телефон из кармана джинсов и нажал кнопку.

— Уоррен, — сказал он напряженно, — пожалуйста, попроси нашего господина и повелителя поднять сюда свою задницу. Мне нужно кое-что ему сказать.

Убрал телефон, не дожидаясь ответа, и начал беспокойно расхаживать по комнате, бормоча ругательства. Он начал потеть, и от него пахло тревогой и гневом.

Дверь распахнулась, показался Адам. Такой сердитый, что я вскочила.

Не глядя на меня, Адам вошел и очень точно закрыл дверь. Это было бы достаточно явным признаком того, насколько он близок к утрате самообладания... если бы смятой в его руке дверной ручки было недостаточно.

Адам прошел в комнату, а я подобрала под себя лапы, готовясь бежать.

Бен как будто не заметил, в какой опасности оказался. А может, ему это было безразлично.

— Сильно ты ее хочешь? — Не в силах встретиться с горящим взглядом Адама, он повернулся и посмотрел в окно. — Достаточно ли, чтобы отбросить тревогу и боль?

В голосе Бена было что-то такое... Адам тоже это слышал. Нельзя сказать, что он успокоился, но обратил внимание. Другой Альфа, менее уверенный в себе, уже поставил бы Бена на место.

Бен не замолчал, он продолжал говорить, быстро и нервно.

— Если бы ты правильно вел себя — вчера, на прошлой неделе — она уже разъярилась бы от того, как ты заставил ее выпить это волшебное зелье. Она бы сняла дверцу с той старой машины — из-за этой машины ты всегда думаешь о ней, даже когда бранишься, что тачка портит тебе вид из окон. — Он посмотрел на меня, и я прижала уши. Не только глаза Адама стали волчьими. Но прежде чем я смогла от него попятиться, Бен снова повернулся к Адаму.

Бен сделал два шага к Адаму, словно они равные, и я увидела, что на самом деле он

выше Адама.

— Час назад из нее все еще выходило это волшебное зелье, которым напоили ее ты и этот мистер Чудо. Ты слышал, что сказала Нимейн. Что последствия будут сказываться очень долго. А ты думаешь, что она отвечает за свои действия.

Адам зарычал, но я видела, что он старается сохранить самообладание и прислушаться. Немного погодя он вполне цивилизованным голосом спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты обращаешься с ней, как с разумно мыслящим существом, а она еще в Волшебной стране. — Бен с трудом дышал, запах его страха становился сильнее, и это мешало Адаму держать себя в руках. Но Бена это не остановило. — Ты ее любишь?

— Да.

В ответе не было колебаний. Никаких. Но ведь он видел... должен был видеть. Не понял?..

— Тогда отбрось свое *проклятое* отвращение к себе и посмотри на нее.

Золотые глаза обратились на меня. Не в силах выносить взгляд Адама, я уперлась глазами в стену, и в животе у меня все перевернулось.

— Она меня боится.

— Этой глупой сучке никогда не хватало мозгов бояться тебя или кого угодно другого, — яростно ответил Бен. — Забудь о себе и посмотри еще раз. Ты ведь должен уметь читать язык тела.

Я не видела, но слышала, как участилось дыхание Адама.

— Черт побери, — сказал он сдержанно.

— Она ползла, — сказал Бен со слезами в голосе. Но это неправильно. Бен даже и лучшие дни с трудом выносит меня. — Она ползла к ванной, чтобы еще раз очиститься. Если бы не два подчиненных в стае, я бы находился в ней на самом дне. А она из чувства вины не хотела стоять передо мной.

Не в силах выносить взгляды, я закопалась, спряталась между матрасом и стеной.

— Нет, подожди. Оставь ее ненадолго и послушай меня. Она сейчас в безопасности.

— Слушаю.

Его гнев как рукой сняло, и я ощущала в комнате только эмоции Бена.

— Жертва насилия... жертва насилия, которая сопротивлялась насильнику... Те, кто подверглись насилию, беспомощны и испуганы. Они больше не верят в безопасность своего маленького мира. Они всего боятся.

Ужас, гнев и еще что-то заставили Бена дойти до ванной, повернуть и быстрыми, лихорадочными шагами вернуться.

— Ну хорошо, — согласился Адам мягко, как будто понял что-то такое, что я упустила. Неудивительно. Спасибо Бену — я поняла, что привела в действие не все четыре цилиндра.

— Но если... если жертва не сопротивляется... Если насильник — тот, кому жертва обязана повиноваться, или если тебя чем-то опоили... — Бен запнулся и выругался. — Я только все запутываю.

— Я понял.

Голос Адама звучал ласково.

— Отлично. — Бен перестал расхаживать. — Отлично. Если жертва не сопротивляется, это другое дело. Если ее заставили сотрудничать, она теряет чувство реальности. Насилие ли это? Чувствуешь себя грязным, изнасилованным и виноватым. Больше всего — виноватым,

потому что должен был сопротивляться. Особенно если ты Мерси, а Мерси никогда ни с чем не мирится. — Бен тяжело дышал, голос его стал умоляющим. — Ты должен взглянуть с ее точки зрения.

Я выползла из-за угла матраца, чтобы из укрытия видеть их лица.

— Рассказывай.

— Сэмюэль говорил тебе... говорил нам, что она заигрывала с тем типом. Невольно, но ведь не всегда замечаешь, как это начинается. Верно?

— Верно, — согласился Адам.

— Сэмюэль сказал ей, чтобы в твоём присутствии лучше этого не делать.

Он подождал, пока Адам кивком не дал знак продолжать.

— Но ей нужно было помочь другу, а для этого — пойти к мерзавцу в дом. Но все было в порядке, в доме было много народу, и она не собиралась заигрывать, понимая, что это опасно. И не заигрывала. Вела себя просто как заинтересованный посетитель — что должно было вывести его из себя.

— Откуда ты знаешь, что она не заигрывала? — спросил Адам, потом в ответ на что-то, чего я не уловила, сделал отрицательное движение рукой. — Нет, я не сомневаюсь в твоих словах. Но откуда ты знаешь?

— Это ведь Мерси, — просто ответил Бен. — Она не предаст того, кто ей небезразличен. Заметив, она сразу прекратила и больше не начинала.

Он не отрывал взгляда от лица Адама, но наклонил голову: смотрел, но не бросал вызов.

— Она знала, что идет по самому краю. Знала, тебе не понравится, что она пошла к нему в дом... не то чтобы она сделала что-то неправильно... просто такое ощущение. — Он снова принялся расхаживать, но успокоился. Теперь он говорил обо мне. — Не знаю, почему она вернулась. Может, он сказал ей, что знает, кто убил О'Доннелла или что именно тот украл. Он ведь должен был это знать, верно? Он заманил ее к себе в дом, считая, что она для него опасна — а может, просто потому, что знал об этом проклятом посохе, который всюду таскается за ней, и захотел его заполучить. А может, просто хотел рассчитаться с ней за то, что она его отвергла.

— Пожалуй.

— Пожалуй. Итак, она знала, что тебе не понравится этот визит. Знала, что, отправляясь в дом этого человека, нарушает твои права, хоть и ради спасения Зи. А знаешь ли ты, что еще несколько дней назад она считала, что ты провозгласил ее своей парой всего лишь по соображениям политики? Просто чтобы обеспечить ее безопасность в стае?

Наступила недолгая тишина.

— Мне это сказала вчера вечером Хани. Она объяснила Мерси, что здесь кроется гораздо большее. И Мерси узнала больше, чем тебе хотелось бы.

— Давление всегда заставляет ее двигаться в противоположном направлении, — сухо сказал Адам. — Я рассчитывал объясниться с ней до того, как положение станет критическим.

— Теперь она знает, что это не просто слова. Она знает, что это сделало тебя уязвимым.

— Переходи к главному.

— Итак, она знала, что должна позвонить тебе и сказать, что собирается в дом к ублюдку. Но она также знала, что ты запретишь, а она считала это необходимым ради Зи — или из-за того, в чем убедил ее Тим.

— Ну хорошо.

— А может, она просто не хотела спрашивать твоего разрешения на каждый свой шаг. Во всяком случае, она знала, что должна тебе позвонить, и не позвонила. Она решила пойти к Тиму, но на каком-то уровне сознавала, что поступает неправильно. Это ее выбор. Ее ошибка. Ее ошибка, что она стала пить из этой проклятой волшебной чашки. Ее вина, что он...

Бен мгновенно оказался на земле под Адамом. Адам зарычал:

— Не ее вина, что он ее изнасиловал.

Бен лежал неподвижно, подставляя Адаму горло, но не перестал говорить, хотя по его щеке скользнула слеза.

— Но она так считает.

Адам застыл.

— Больше того, — хрипло продолжал Бен. — Ручаюсь, она вообще сомневается в том, что это было насилие.

Адам сел, отпустив Бена.

— Объясни.

Его голос звучал еле слышно.

Бен покачал головой и провел рукой по глазам.

— Ты сам это видел. Ты слышал его слова. Питье отняло у нее способность сопротивляться. Но оно не просто заставило ее раздеться. Оно заставило ее чувствовать, хотеть.

Адам покачал головой.

— Но ты тоже ее слышал... Ты видел. Она сказала ему «Нет». Он заставил своего друга утонуть с улыбкой на лице — и не мог держать Мерси под контролем, когда был с нею. Ему приходилось все время накачивать ее этим проклятым пойлом.

Неужели в его голосе звучит *гордость*!

— Но она разделась, и она его трогала.

— Она боролась, — рявкнул Адам. — Ты видел. Ты слышал. Ты видел, как поразились Нимейн, увидев, что Мерси сопротивлялась. Она не поверила своим глазам, когда Мерси ударила его посохом.

Бен прошептал:

— Когда он ей сказал, что она его хочет, что она его любит — она это *чувствовала*. Ты видел ее лицо? Она верила. Поэтому и смогла его убить, хотя на нем была чертова волшебная лошадиная шкура. Разве не так сказала иная? В тот момент Мерси так его любила, что не могла быть его врагом — иначе ей не удалось бы убить его, пока на нем шкура.

Тут Адам поверил. Я увидела, как меняется его лицо, услышала рвущееся из груди рычание. Он понял. Теперь он ненавидит меня за то, что я предала его.

Пол скрипнул: это Бен неожиданно встал. Он отряхнул брюки — нервный жест, потому что пол совершенно чист. Адам закрыл лицо руками.

— Так было ли это насилие? — легко спросил Бен, с силой растирая лицо, уничтожая все следы слез. Ну и артист! Если бы другие двое в комнате были людьми, они, пожалуй, поверили бы в небрежность его тона. — Ты должен решить сам для себя. Если ты винишь ее в том, что он заставил ее чувствовать, тогда спустись по лестнице и пришли сюда Уоррена. Он позаботится о ней, а она, когда сможет, уйдет и больше никогда тебя не беспокоит. И не будет тебя винить, потому что считает, что виновата сама. Одна — во всем. Она будет считать себя виновницей твоей боли, она уйдет от тебя, и мы сможем забыть о ней.

Удивленная, я посмотрела на Бена. Откуда он знает, что я собираюсь уйти?

Адам стоял в нерешительности.

— Я не убью тебя, — прохрипел он. — Не убью, поскольку знаю, что ты чувствуешь на самом деле. Конечно, это было насилие. — Он смотрел на склоненную голову Бена; я почувствовала неожиданное нарастание силы и поняла, что Адам использует свою силу Альфы. Он ждал, пока другой вервольф поднимет глаза, и даже я ощутила порыв сочувствия. Тогда Адам медленно сказал: — Точно такое же, как когда взрослый соблазняет или уговаривает ребенка. Независимо от того, идет ребенок у него по поводу или нет. Независимо от того, нравится ему это или нет. Потому что ребенок на другое неспособен.

В лице Бена что-то изменилось, и Адам тоже заметил эту перемену, потому что убрал свою магию.

— Теперь ты знаешь, что я понимаю и верю в это.

С Беном обошлись как с ребенком. Неудивительно, учитывая глубоко скрытые в нем теплоту и добродушие. Просто я никогда не думала, почему он такой, какой есть.

— Спасибо, что поделился со мной своим пониманием, — торжественно сказал Адам.

Бен опустился на колени, словно ноги ему отказали. Это было удивительно грациозное движение.

— Прости, что я не проделал это... лучше... С большим уважением.

Адам мягко коснулся его головы.

— Я бы не стал тебя слушать. Вставай. Отдохни.

Но когда Бен встал, Адам крепко обнял его, доказав, что вервольфы не люди. Двое мужчин — люди, гетеро-сексуалы — после такого откровения никогда не стали бы обниматься.

— Вервольфом ты получаешь время, чтобы перерасти детство, — прошептал Адам на ухо Бену. — Или время уничтожить себя вместе с ним. Я предпочитаю быть среди выживших, понял? — Он сделал шаг назад. — А теперь вниз.

Он подождал, пока дверь за Беном закроется, и покачал головой.

— Я перед тобой в долгу, — сказал он двери. — И не забуду.

Он вдруг сел рядом с постелью, как будто слишком устал, чтобы стоять. Потом с такой же внезапностью протянул руку, схватил меня за загривок и вытащил из-под кровати. А я-то считала, что хорошо спряталась.

Я дрожала, разрываемая знанием, что не заслуживаю его прикосновения, и зарождающимся пониманием, что он меня не винит, какой бы виновной я ни считала себя сама.

— Отец всегда говорил мне, что, услышав хороший совет, не стоит им пренебрегать, — сказал Адам.

Одной рукой он продолжал крепко держать меня за загривок, а второй гладил морду.

— Придется отложить разговор и подождать, пока этот напиток не выветрится полностью. — Ласки прекратились. — Не пойми меня неверно, Мерседес Томпсон. Я страшно сердит на тебя.

Он укусил меня в нос — один раз и сильно. Волки так наказывают своих малышей — или непокоренных членов стаи. Потом наклонил голову, так что она легла на мою, и вздохнул.

— Ты не виновата, — сказал он. — Но я все равно сердит... зол, как черт, потому что ты очень меня напугала. Проклятие, Мерси, кто бы мог подумать, что два человека могут

наделать столько бед? Если бы ты мне позвонила, я не стал бы возражать против того, чтобы ты пошла, — хотя бы потому, что не считал это опасным. Я бы не послал с тобой охрану из-за того, что ты просто пошла поговорить с человеком. — Он прижался лицом к моей шее и рассмеялся. — Ты пахнешь моим кремом после бритья.

Сильными руками он прижал меня к себе и тихо сказал:

— Честно предупреждаю: вчера вечером ты определила свою участь. Поняв, что в беде, пришла ко мне. Ты сделала это дважды, Мерси, а два раза — это все равно что объявление. Теперь ты моя.

Его руки, кругами двигавшиеся по моей шерсти, остановились и ухватились крепче.

— Бен говорит, что ты можешь убежать. Если ты это сделаешь, я найду тебя и верну. Всякий раз, как будешь убегать. Я не принуждаю тебя, но... Я не уйду сам и не позволю уйти тебе. Раз ты смогла побороть этот проклятый волшебный напиток, ты, если действительно захочешь, вполне справишься с теми преимуществами, которые дает мне положение Альфы. Больше никаких уверток, Мерси. Ты моя, и я тебя держу.

Мою независимую натуру, которая вскоре воспрянет, несомненно, возмутит эта агрессивная, собственническая, средневековая концепция. Но...

Пожелание Тима «всегда оставайся одна» поразило меня особенно сильно... ведь это было нечто уже знакомое. Койот, выросший среди волков, лучше всех понимает, что значит «ничей». Я была чужой и для своей человеческой семьи, хотя любила ее.

Под грузом откровенного собственничества, окрасившего слова Адама и отозвавшегося во всем моем теле, мой мир слетел с оси.

Постепенно Адам уснул, свернувшись вокруг меня, словно он был в обличье волка, но напряжение с лица не исчезло и делало его старше — словно ему лет тридцать, например. Вжимаясь в Адама, я смотрела, как светлеет небо и начинается новый день.

Где-то в доме зазвонил телефон.

Адам тоже *услышал*. Открылась дверь комнаты Джесси, девочка сбежала по лестнице и взяла трубку.

Она была внизу на кухне, поэтому я не различала слов, но ее тон из просто вежливого стал очень почтительным.

Адам встал, подхватив меня на руки, потом положил на кровать.

— Оставайся здесь.

— Папа? Бран звонит.

Он открыл дверь.

— Спасибо, Джесси.

Она отдала ему трубку и просунула голову в комнату, чтобы посмотреть на меня. Глаза у нее покраснели. Она плакала?

— Иди собирайся в школу, — сказал ей Адам. — С Мерси все будет хорошо.

Сегодня утро четверга. Это мысль встряхнула меня — надо на работу... Но тут я снова легла. Не пойду в гараж. По нему разбросаны куски Тима. Надо позвонить Гэбриэлю и сказать, чтобы не приходил после уроков. Надо...

— ...кто-то прислал видео, на котором ты разрываешь на куски насильника Мерси. Я уважаю твои чувства и, несомненно, сделал бы то же самое, но это ставит нас в трудное положение. Законопроект может не пройти.

Голос Брана действовал на меня как холодный ветер, полный спокойствия... это не имело отношения к его словам, но было связано с тем, что он Бран. I

— Большой ли фрагмент записи к ним попал? — прорычал Адам.

— Очевидно, не слишком. Отправитель утверждает, что вервольф беспричинно напал на человека. Я хотел бы посмотреть все. Надеюсь, туда не попало, как Мерси меняет облик?

— Нет. Но она там без одежды.

— Мерси не будет возражать, но, может, можно добавить черные прямоугольники, которыми пользуются фоторепортеры в новостях?

— Да. Я уверен, Бен сумеет это сделать. — Голос Адама звучал устало. — Мне поехать с ней?

— Я посылаю с тобой Чарльза. Я уверен, когда они увидят все, большинство членов комитета будут тебе аплодировать. А остальные закроют рот.

— Я не хочу, чтобы видео попало в Интернет. Не с Мерси...

— Думаю, можно устроить так, чтобы этого не произошло. Конгрессмен четко дал понять, кто послал ему записку. Я этим займусь.

Адам не смотрел на меня. Я слезла с кровати и юркнула в открытую дверь.

Не хочу больше слушать. Не хочу думать о том, как люди будут смотреть вчерашнее видео. Хочу домой.

Внизу у лестницы стоял Уоррен и разговаривал с Беном, поэтому я нырнула в комнату Джесси, прежде чем он поднял голову.

— Мерси?

Джесси сидела на кровати, обложившись книгами и тетрадями.

Я прыгнула на подоконник — окно было еще без сетки, но что-то в голосе Джесси заставило меня оглянуться. Я перескочила на кровать и ткнулась носом девочке в шею. Она обняла меня, я высвободилась и метнулась к окну.

Я забыла, что Тим повредил мне руку — переднюю лапу для койота, но когда я соскочила с низкой крыши крыльца на землю, лапа выдержала. Нимейн сказала правду относительно других вещей, на которые способен кубок.

Весь путь до дома я бежала и остановилась перед входом. Я не могла открыть дверь в обличье койота, но и становиться человеком следующие десять лет не хотела.

Но у меня не было времени на размышления: Сэмюэль открыл дверь. Закрыл за мной, прошел к моей спальне и опять открыл для меня дверь. Я прыгнула на кровать и легла, положив голову на подушку. Сэмюэль сел в углу кровати, давая мне простор.

— Я совершенно незаконно просмотрел медицинские документы некоего Тимоти Милановича, — сказал он мне. — Его врач — мой друг и согласился на несколько минут оставить меня одного в своем кабинете. Когда невеста его бросила, Миланович попросил обследовать его и получил отрицательный ответ по всем болезням, которые тебя могут беспокоить.

О беременности тоже можно не тревожиться. Как только я поняла, что могу оказаться в постели Адама или Сэмюэля, я начала принимать пилюли. Будучи вне закона, начинаешь думать о таких вещах.

Я вздохнула и закрыла глаза. Сэмюэль встал с кровати и затворил за собой дверь.

Она открылась снова через несколько минут, но пришел не Сэмюэль. Вслед за своим Альфой в комнату вошел Уоррен в обличье волка.

— Я серьезно, Мерси, — сказал мне Адам. — Никаких побегов. Мне нужно в Вашингтон, и лучше будь здесь, когда я вернусь. А до тех пор кто-нибудь из моей стаи постоянно будет с тобой.

Кровать просела под тяжестью Уоррена: огромный волк улегся рядом со мной. И шершавым языком лизнул меня в морду.

Я подняла голову и посмотрела в глаза Адаму.

Он знал. Знал все и все равно хотел меня. Может, он изменит свое намерение, но я много лет его знаю. Он настолько же поддается изменениям, как камень. Его можно передвинуть бульдозером, но и только.

Он кивнул мне и исчез.

Глава тринадцатая

Целый день я была к себе снисходительна. Спала на кровати рядом с тем волком, который со мной дежурил. Когда меня начинали мучить кошмары, кто-нибудь всегда оказывался около меня. Сэмюэль, Уоррен, Хани или подруга Даррила Ауриэль. Сэмюэль притащил в мою комнату кресло из кухни и часами играл на гитаре.

На следующее утро я проснулась и поняла: надо что-то делать, иначе эта жалость и боль сведут меня с ума. Если я позволю им обращаться со мной, как со сломанной, разве я смогу убедить себя, что я не сломана?

Пятница. Я должна быть на работе... Я оцепенела при мысли о возвращении в мастерскую и усиленно задышала, предотвращая приступ паники.

Значит, на работу я не пойду. По крайней мере сегодня.

Что же делать?

Я посмотрела на волков, которые угрожали сломать своей тяжестью мою двуспальную кровать, и подумала, кто в моем распоряжении. Даррил не пойдет: без согласия Адама он и ухом не дернет, а Ауриэль не пойдет против своей пары. Она открыла глаза и посмотрела на меня. Как и я, они оба должны быть на работе: Ауриэль в средней школе, а Даррил в кабинете высокооплачиваемого работника, предназначенном для размышлений. Они не подойдут для главного замысла, но это неважно. Сегодня рекогносцировка.

Пошел со мной Уоррен. Он принял облик человека, чтобы «погулять с койотом», а Даррил и Ауриэль остались караулить Джесси.

— И далеко мы собрались? — спросил Уоррен.

Я споткнулась, упала на бок, с трудом встала и продолжала идти по обочине шоссе.

— Если дела пойдут плохо, позвоню Кайлу и попрошу приехать за нами, — сухо сказал Уоррен.

Я улыбнулась ему по-собачьи и свернула с шоссе на проселок. Дом Саммерса представлял собой аккуратный двухэтажный особняк, построенный лет десять назад на участке в два акра. Там была собака, которая, взглянув на меня, молча бросилась ко мне — и сразу затормозила, как только Уоррен зарычал, а может, просто почуяла в нем вервольфа.

Я опустила нос к земле и стала искать след, который надеялась здесь найти. Сейчас лето, и река всего в полумиле. Большинство уважающих себя мальчишек должны... да, вот он.

Я думала застать Джейкоба Саммерса дома, но трудно было бы объяснить, почему я должна поговорить с ним наедине. Я даже точно не знала, что собираюсь ему сказать — или буду ли с ним разговаривать вообще.

Дорога шла к реке и кончалась, сразу как пересекала канал. Идя по следу, я нашла любимое место Джейкоба. На самом берегу реки камень внушительных размеров.

Я вскочила на него и посмотрела на реку, как это должен делать Джейкоб.

— Ты ведь не собираешься прыгнуть в воду, Мерси? — спросил Уоррен. — В бытность мою человеком я не очень хорошо плавал, и дела с тех пор не улучшились.

Я наградила его презрительным взглядом, потом вспомнила, что Тим велел мне из любви к нему утопиться.

— Рад это слышать, — сказал он и сел на камень рядом со мной.

Наклонившись, он подобрал путаницу лесок вместе с крючком, грузилом и несколькими пустыми жестяными банками. Зацепил банку за крючок. Неожиданно выпрямился и огляделся.

— Чувствуешь? — спросил он меня. — Температура упала на десять градусов. Нет ли поблизости твоего друга Файдела?

Я знала, почему стало холоднее. За мной стоял Остин Саммерс и трогал меня холодной, мертвой рукой. Когда я взглянула на него, он смотрел на реку, как я.

Уоррен прохаживался вдоль берега в поисках Файдела, не подозревая, что к нам присоединился кто-то другой.

— Скажи моему брату. — Остин не отрывал взгляда от глубокой синей воды. — Не родителям: они не поймут. Они скорее поверят в самоубийство, чем в то, что я поддался действию волшебного напитка Тима. Они путают нас с сатанистами. — Он бледно улыбнулся и с ноткой презрения в голосе сказал: — Но брат должен знать, что я его не бросил, ладно? А ты права. Это хорошее место. Место для размышлений.

Я слегка оперлась на его руку.

— Ну ладно, — сказал он.

Мы сидели долго, пока он не исчез. Вскоре я перестала ощущать его запах, но чувствовала, как его пальцы касаются моей шерсти, когда прыгнула с камня и побежала назад, домой. Уоррен шел за мной, держа в руках две смятые пивные банки.

— Значит, ты своего добилась? — спросил Уоррен. — Или просто хотела посмотреть на реку — что можно было сделать, не заходя так далеко.

Я помахала хвостом, но не дала себе труда ответить как-нибудь иначе.

Следующий шаг потребовал от меня человеческого обличья. Превращение заняло двадцать минут. В запертой ванной. Глупо, конечно, но почему-то в образе человека я чувствовала себя более уязвимой, чем в облике койота.

Уоррен постучал в дверь, сказал, что идет домой спать и что Сэмюэль дома.

— Хорошо, — сказала я.

Я слышала улыбку в его голосе.

— Все будет в порядке, девочка.

Он еще раз стукнул костяшками пальцев по двери и ушел.

Я смотрела на человеческое лицо в зеркале, надеясь, что он прав. Койоту жить гораздо проще.

— Рохля, — сказала я себе и встала под душ, не дожидаясь, пока вода согреется.

Под душем я стояла, пока вода снова не остыла, на что ушло немало времени. Одно из усовершенствований Сэмюэля заключалось в установке нового большого бака для горячей воды, хотя мой старый был совершенно исправен.

Выбралась из-под душа вся в гусиной коже и причесалась, не глядя в зеркало. Я забыла прихватить одежду, поэтому завернулась в большое полотенце. Но спальня была пуста, и я спокойно оделась.

Надев свитер с изображением двухмачтового корабля «Леди Вашингтон» на груди и черные джинсы, я пошла на кухню, посмотреть в газетах, когда похороны Остина Саммерса — если они еще не состоялись. Я решила, что после похорон Джейкоб Саммерс обязательно пойдет на реку.

Я нашла в углу вчерашнюю газету и приготовила себе чашку какао: вода в чайнике была

горячая. Какао растворимое, но варить настоящее мне не хотелось.

Взяв газету и чашку, я села рядом с Сэмюэлем. Развернула газету и принялась просматривать ее.

— Как ты, лучше? — спросил Сэмюэль.

Я вежливо ответила:

— Да, спасибо.

И вернулась к чтению, не обращая внимания на то, что он потянул прядь моих волос.

Я попала на первую полосу. Этого я не ожидала. Когда живешь с вервольфами и другими существами, о которых люди не должны знать, привыкаешь к фальсифицированным новостям. «МУЖЧИНА ПОГИБ В ЗАГАДОЧНОМ ПОЖАРЕ, ПОДЖИГАТЕЛЯ ИЩУТ» «НАЙДЕНА ЖЕНЩИНА, ЗАБИТАЯ ДО СМЕРТИ». Такого рода заголовки.

«МЕСТНЫЙ МЕХАНИК УБИВАЕТ НАСИЛЬНИКА» кричал заголовок сразу | «СТУДЕНТ УТОНУЛ В КОЛУМБИИ». Вначале я прочла статью о себе. Закончив, отложил газету и задумчиво отпила какао, в котором зефир превратился в жвачку.

— Теперь, когда ты можешь говорить, расскажи, как ты, — сказал Сэмюэль.

Я посмотрела на него. Он казался собранным и уверенным в себе, но пахло от него совсем иначе.

— Думаю, что Тим Миланович мертв. Я убила его, а Адам разорвал его на такие мелкие клочки, что даже Елизавета Аркадьевна не сможет его оживить, если решит зарабатывать на изготовлении зомби. — Я сделала еще глоток, прожевала зефир и задумчиво добавила: — Я вот думаю, станет ли убийство насильников общепризнанной терапевтической практикой. На меня это подействовало.

— Правда?

— Клянусь. — Я встала, поставив чашку на стол. — Правда. Конечно, если все перестанут бегать вокруг меня с таким видом, словно умер их лучший друг и это их вина.

Он улыбнулся — едва заметно и только губами.

— Учту. Никаких жертв в этом доме?

— Совершенно верно.

Я снова взяла газету.

Она за четверг. Сегодня пятница. Тед собирался в пятницу лететь домой, если его отец еще будет в опасности.

— Кто-нибудь позвонил Теду? — спросила я.

Он кивнул.

— Ты просила нас это сделать. Адам позвонил ему, когда вернулся из участка. Но, очевидно, дядюшка Майк связался с ним раньше.

Я не помнила, что просила позвонить. События среды отчасти путались, но мне не нравится, когда я не помню, что делала. От этого я чувствую себя беспомощной. Поэтому я поменяла тему.

— Значит, в убийстве О'Доннелла обвинят Тима Милановича?

— Завтра, — сказал Сэмюэль. — Полиция и малый народ хотят увязать свободные концы и точно знать, что все примут эту версию. Поскольку Миланович мертв, суда не будет. Предметы, найденные в его доме, свяжут с О'Доннеллом и грабежами в резервации. Официально будет заявлено, что О'Доннелл и Миланович действовали сообща, но Миланович пожадничал и убил О'Доннелла. Зи связал О'Доннелла с грабежами, отправился к нему поговорить и застал уже мертвым. Его задержали для допроса, но освободили, как

только были получены доказательства, что убийца не он. Относительно этих доказательств прямо ничего не будет сказано. Миланович решил опробовать одну из украденных вещей на тебе, но ты убила его в порядке самозащиты.

Он чуть улыбнулся.

— Тебе будет приятно узнать, что в газетах расскажут: украденные предметы были совсем не так могущественны, как думали воры, поэтому тебе и удалось убить Милановича.

— Слабые волшебные предметы пугают значительно меньше сильных, — согласилась я. — А Остин Саммерс?

— Они постараются не приплетать его к этому делу — но его связи с Милановичем и О'Доннеллом слишком очевидны, чтобы семья не усомнилась. Полиция мягко объяснит им, что существуют некоторые доказательства причастности Остина, но точно никто не знает — и не узнает, потому что он мертв.

— Есть новости от Адама?

— Нет, но звонил Бран. Полицейский, пославший краткую версию видеозаписи, наказан, а копия записи конфискована. Бран, по-видимому, считает, что Адам и Чарльз произвели нужное впечатление. Адам вернется в понедельник.

Я не хотела думать, что будет, когда вернется Адам. Сегодня я собираюсь быть умницей и думать только о том, о чем хочу.

Я снова взяла газету и прочла статью об Остине.

— Похороны завтра утром. Думаю после них навестить брата Остина. Пойдешь со мной.

— Я завтра работаю... в прошлые выходные отдыхал. — Он вздохнул. — Могу ли я узнать, зачем ты собралась к брату Остина?

Я улыбнулась.

— Возьму с собой Бена.

Брови Сэмюэля поднялись.

— Бена? Адаму это не понравится.

Я отмахнулась.

— Адаму все равно, а Бен единственный, кому я могу доверять в этом случае. Уоррен может быть лавочкой, но кое-какие вещи задевают его. А вот Бену понравится.

Власть холодного железа

— Тебе это нравится. Отлично, будь загадочна. Возможно, Бен никчемный парень, но он парень Адама. — Говорил он с досадой, но по языку тела я поняла, что он испытывает облегчение. Он согласен на такие условия игры, если я того хочу. Он даже начал верить мне. Я видела, как расслабились его мышцы, и чувствовала, что запах защитного гнева рассеивается.

Пора уходить, пока я все не испортила. К тому же надо помыться.

— Пожалуй, приму душ, — сказала я.

И лишь когда Сэмюэль напрягся, я вспомнила, что только что вышла из-под душа. Вот и конец игры в нормальность.

В субботу я взяла Бена на прогулку. Он очень насторожился, когда я явилась в дом Адама и сказала, что сегодня он будет моим сопровождающим.

Ауриэль, назначенная на сегодня мне в охрану, попробовала вмешаться, но я слишком хорошо ее знала. Она неспособна щадить людей, причиняющих боль тем, кто для нее важен. Если она узнает, что Джейкоб Саммерс один из мальчишек, побивших Джесси, она снимет

ему голову. Буквально.

Что касается меня, то я верю в месть — но верю и в раскаяние. Поэтому я сказала Ауриэли, что ей нельзя пойти, — и поскольку стая относилась ко мне так, словно я уже согласилась быть парой Адама, Ауриэль ничего не могла поделать.

По моей просьбе Бен переменялся, и со мной рядом бежал вервольф.

Может, вы думаете, что я привлекла много внимания? Недавно я заметила, что большинство людей просто не замечают вервольфов, не видят их. Мне казалось, это потому, что люди не знали о волках — но теперь знают и все равно не видят. Вероятно, это какая-то магия стаи позволяет волкам оставаться незаметными. Не невидимыми, конечно, а просто не замечаемыми.

На камне Джейкоба никого не было, и мы с Беном искали место, откуда могли бы наблюдать, оставаясь невидимыми. Такое удобное место нашлось в кустах у канала, и мы приготовились ждать. Вернее, ждал Бен. А я просто уснула. В последнее время я сплю гораздо больше, чем обычно. Сэмюэль сказал, что это результат быстрого выздоровления, но я видела в его взгляде тревогу.

Да, у меня бывали моменты черной депрессии — но я обращалась с ними так же, как всегда с тем, что меня беспокоило. Мой холодильник полон печенья, в холодильнике Адама его тоже много. Мой холодильник блестит, и в ванной тоже все блестело бы, если бы за долгие годы пол не покрылся матовой пленкой.

Когда-нибудь я обновлю ванную, если Сэмюэль меня не опередит. Зеленый цвет авокадо мне надоел. Когда я переселилась, ванная была выкрашена в горчично-желтый. Кто потерпит такой цвет в туалете и ванной? Теперь в ней скучные белые раковина, душ и комод — но скучный белый все равно лучше желтого.

Бен под моей головой пошевелился и разбудил меня.

Я повернулась и посмотрела. Конечно, по дороге шел молодой человек, очень похожий на Остина. Он слегка хромотал. Думаю, Джесси причинила ему некоторый ущерб. Удовлетворение, которое я испытала, свидетельствовало, что не такая уж я хорошая, как стараюсь показать.

Я оставалась на месте, пока он не добрался до камня и не сел на него. Тогда я встала и отряхнулась, чтобы выглядеть относительно нормальной.

— Жди здесь, пока я не позову, — сказала я Бену.

* * *

— Привет, Джейкоб, — сказала я, когда нас еще разделяло несколько шагов.

Прежде чем повернуться, он быстро потер лицо. А как только страх, что его увидят плачущим, миновал, сердито посмотрел на меня.

— Вы изнасилованная девушка. Та, что убила друга моего брата.

За промежуток между вдохом и выдохом я отказалась от дружеского подхода.

— Мерседес Томпсон. Жертва насилия, которая убила Тима Милановича. А ты Джейкоб Саммерс, который вместе с приятелем решил, что будет легко побить мою подружку Джесси.

Он побледнел, и я почуяла запах вины. Это хорошо.

— Она никому не сказала про вас, потому что знала, что ее отец убьет вас.

Я ждала, что учую страх, но к вине ничего не добавилось. Должно быть, он решил, что я выражаюсь фигурально.

— Но я пришла сюда не поэтому, — сказала я. — Точнее, это не единственная причина, по которой я пришла. Думаю, ты должен знать правду о том, как умер твой брат. Это в газеты не попадет.

И я рассказала, что сделал с его братом Тим и как он это сделал.

— Значит, эта волшебная штука заставила моего брата убить себя? Я думал, это игрушки.

— Даже игрушки в неосторожных руках могут быть опасны, — ответила я. — Но нет. Тим убил твоего брата, как убил О'Доннелла. Если бы у него не было кубка, он воспользовался бы пистолетом.

— Зачем ты мне это говоришь? Не боишься, что я расскажу людям, как опасны эти вещи?

Вопрос хороший, и ответ потребовал некоторого переплетения истины с ложью.

— Полиция знает подлинную историю. А газеты тебя всерьез не примут. Как ты узнал? Мне сказала Мерси Томпсон. А я скажу: нет, сэр, в жизни его не видела. История занимательная, но все произошло совсем не так. Твои родители... — Я вздохнула. — Думаю, твоим родителям лучше думать, что он покончил самоубийством.

По его лицу я видела, что в этом он согласен с братом. Не понимаю я некоторых людей. Если сталкиваешься со злом, его ни с чем не спутаешь: ни с вервольфами, ни с тинейджерами, одетыми в черное и с пирсингом на пирсинге, ни с магией волшебного народа, даже очень сильной.

— Истинная причина, почему я рассказала тебе об этом так мало, в людях, которые могут поверить, что ты из малого народа. И если они решат, что ты им мешаешь, с тобой темной ночью может произойти несчастный случай. Надо отдать этим людям должное: они этого не хотят. Не хотим ни мы, ни малый народ, ни ты. И будет лучше, если ты не станешь болтать.

— Так зачем ты мне все это рассказываешь?

Я посмотрела на него, потом на Остину, который стоял за ним. У Джейкоба мурашки пошли по коже, но он не обращал на это внимания.

— Потому что однажды, когда я была еще ребенком, кое-кто близкий мне совершил самоубийство, — сказала я. — И я подумала, что тебе важно знать: твой брат не был эгоистом, он тебя не бросил. — Я посмотрела на реку. — И, если тебе это поможет, Тим не ушел от расплаты.

Его реакция подтвердила: тот, кто когда-то нравился Джесси, небезнадежен.

— Тебе помогает осознание, что он мертв? — спросил он.

Ответ был ясен по моему лицу.

— Иногда. Почти всегда. А иногда совсем не помогает.

— Думаю... думаю, я тебе верю. Остину было ради чего жить — а у тебя нет причин лгать мне. — Он чихнул, потом вытер мокрый нос о плечо, стараясь не показать, что плачет. — Это помогает. Спасибо.

Я покачала головой.

— Не за что. Это только одна из причин, по которым я пришла. Ты должен знать, почему нельзя обижать Джесси. Бен! Выгляни ненадолго.

Я бросила палку, и Бен побежал за ней. Я была права. Он наслаждался. Пугать хулиганствующих подростков — как раз в его стиле.

Мы мягко обошлись с Джейкобом. Бен сыграл великолепно. Он был достаточно страшен, чтобы Джейкоб понял: у Джесси есть основания опасаться, что ее отец убьет всякого, кто ее обидит, но в то же время достаточно мягок, чтобы Джейкоб в конце концов попросил разрешения дотронуться до него.

Бен, как и Хани, прекрасен — и достаточно тщеславен, чтобы наслаждаться вниманием. А Джейкоб, решила я, вполне исправим — ему стало стыдно, что он обидел Джесси. Больше он так не сделает.

Я узнала имя его приятеля... и имя подружки приятеля, которая все это придумала. Мы навестили и их. Бен был по-настоящему страшным пугалом — конечно, вервольфы вообще страшны. Не знаю, захочется ли мне когда-нибудь познакомиться с этими двумя, но к Джесси они больше приставать не будут.

Иногда я нисколько не хорошая. И Бен тоже.

В воскресенье я отправилась в церковь и старалась делать вид, что все смотрят на Уоррена и Кайла, которые пошли со мной. Но пастор Хулио остановил меня у выхода.

— С тобой все в порядке? — спрысил он.

Он мне нравится, поэтому я не зарычала, не укусила его и вообще не сделала ничего из того, что хотелось сделать.

— Если еще кто-нибудь спросит меня об этом, я упаду на пол и у меня изо рта пойдет пена, — ответила я.

Он улыбнулся.

— Позвони, если что-нибудь понадобится. Я знаю пару хороших консультантов.

— Спасибо, обязательно.

Только в машине Кайл рассмеялся.

— Пена изо рта?

— Ты должен помнить, — сказала я. — Несколько месяцев назад мы смотрели «Изгоняющего дьявола»^[56].

— Я тоже знаю одного-двух неплохих консультантов, — сказал он. Ему хватило ума продолжить, не дав мне ответить: — Так что мы делаем сегодня?

— Что сегодня делаешь ты, не знаю, — ответила я. — А я попробую заставить своего «кролика» снова бегать.

В сарае, который служит мне гаражом, было на двадцать градусов холоднее, чем снаружи, на пропеченном солнцем воздухе. Я с минуту постояла в темноте, справляясь с паникой, вызванной запахами масла и смазки. Это был первый приступ паники за день, ровно в три раза меньше, чем накануне.

Уоррен ничего не сказал — ни когда у меня перехватило дыхание, ни когда дыхание восстановилось. Это одна из причин, почему я его люблю.

Как только пот на моей рубашке начал высыхать, я включила свет.

— Я не слишком оптимистично рассматриваю шансы «кролика», — сказала я Уоррену. — Когда мы с Гэбриэлем пригнали его домой, я кое-что проверила. Похоже, Файдел превратил бензин в морскую воду, и она стоит в баке с четверга.

— Это плохо.

Уоррен знает о машинах примерно столько же, сколько я о коровах. То есть ничего не знает. Кайл чуть лучше, но, будь у него выбор, он проголосовал бы за дом с кондиционером и дешевое шоколадное печенье.

Я открыла капот и посмотрела на старый двигатель.

— Вероятно, дешевле отыскать на свалке другой, а этот разобрать на запчасти.

Проблема в том, что я должна слишком многим — кредиторов гораздо больше, чем денег. Я должна Адаму за ущерб, нанесенный его дому и машине. Он ничего не сказал, но я должна заплатить. А я со среды не работала.

Завтра понедельник.

— Хочешь попробовать позже?

Уоррен пристально посмотрел мне в лицо.

— Нет, все в порядке.

— *У тебя вкус страха.*

Это не был голос Уоррена.

Я так резко выдернула голову из-под капота, что едва не сломала шею.

— Ты слышал? — спросила я. В своем доме я никогда не сталкивалась с призраками, но все когда-нибудь бывает в первый раз.

Но он не успел ответить: я поняла по его лицу. Он тоже слышал.

— Чувешь что-нибудь необычное? — спросила я.

Чей-то смех, но Уоррен не обращал на него внимания.

Нет.

Посмотрим. Мы в ярко освещенном здании, но ни я, ни Уоррен ничего не видим и не чуем. Можно сделать два предположения, но поскольку снаружи яркий день, остается только одно.

— Малый народ, — сказала я.

Должно быть, Уоррен пришел к тому же выводу, потому что подобрал стоявший у двери строительный лом. Лом длиной пять футов и весом восемнадцать фунтов. Но Уоррен взял его одной рукой, как я беру нож.

А я схватила дорожный посох, который лежал у моих ног там, где мгновением раньше ничего не было. Это не холодное железо, но один раз он уже спас мне жизнь. Мы ждали, насторожившись... но ничего не происходило.

— Позвони в дом Адама, — сказал Уоррен.

— Не могу: телефон не работает.

Уоррен откинул голову и завыл.

— Не помогает, — прошептала незванный гость. Я наклонила голову. Голос другой, более низкий и с сильным шотландским акцентом. Файдел; но я не могла определить, где он. — Никто не услышит тебя, волк. Она моя добыча, и ты тоже.

Глядя на меня, Уоррен покачал головой. Он тоже не мог понять, откуда исходит голос.

Я услышала щелчок и краем глаза увидела искру, прежде чем свет погас.

— Проклятие, — сказала я. — Мне не по карману штатный электрик.

В гараже у меня нет окон, но еще день, и через широкие двери проникает достаточно света. Я по-прежнему хорошо вижу, но сейчас в гараже слишком много теней, где может спрятаться Файдел.

— Зачем ты здесь? — зарычал Уоррен. — Отныне вы ей не опасны. Спроси свою драгоценную Серую Повелительницу.

Файдел возник из укрытия и нанес удар. Я на мгновение увидела темную фигуру смутно лошадиных очертаний размером с осла. Передними копытами он ударил Уоррена в грудь и сбил с ног.

Я треснула Файдела посохом, и он задрожал в моей руке, как стрекало. Файдел встал на дыбы, точно жеребец, увернулся от прикосновения посоха и снова исчез в тени.

Уоррен воспользовался этим, чтобы встать.

— Я в порядке, Мерси. Давай-ка уносить ноги.

Я не видела Файдела, но Уоррен, держа лом как бейсбольную битку, сделал два шага вправо, размахнулся и ударил.

Уоррен видел Файдела, а я по-прежнему нет. Он прав: мне нужно уносить ноги, пока я случайно не наскочила на него и он не пострадал.

Я встала за «кроликом» и огляделась в поисках лучшего оружия против малого народа.

Большой запас алюминиевого ограждения и старых медных канализационных труб. Все гаечные ключи и прочие подходящие инструменты — на другой стороне гаража.

Файдел закричал. Его отвратительный, разрывающий барабанные перепонки крик вызвал дикое эхо. За ним последовал звон, словно лом ударился о цементный пол.

Все стихло. Уоррен неподвижно лежал у двери.

— Уоррен?

Нет даже звуков дыхания. Я пробежала по гаражу и наклонилась к Уоррену, по-прежнему держа в руках посох. Файдела не было видно.

Что-то резануло меня по лицу. Я слепо махнула посохом, и на этот раз он, коснувшись чего-то, задрожал в моих руках и загремел, как погремушка на хвосте у гремучей змеи. Файдел зашипел, отбежал, споткнулся о домкрат и удал на ящик с инструментами. Я по-прежнему его не видела, но он превращал мой гараж в свалку.

Я перепрыгнула через упавший домкрат, зная, что Файдел должен быть где-то поблизости. А когда огибала ящик с инструментами, что-то большое ударило меня.

Я упала на цементный пол, грохнувшись подбородком, локтем и коленями. И беспомощно замерла. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять: жужжание в ушах — это произносимые кем-то грозные немецкие фразы.

Даже ошеломленная, лежа лицом в пол, я поняла, кто пришел меня спасать. Только один мой знакомый так бранится по-немецки.

Что бы он ни сказал, это заставило Файдела потерять контроль над магией, которая не давала мне его учуять. Все здание неожиданно пропахло болотом. Но в одном месте это зловоние было особенно сильным.

Я побежала туда, где тень была гуще всего.

— Мерси, *halt*, — сказал Зи.

Я с силой взмахнула посохом. Он ударился обо что-то и на мгновение застрял, а потом сверкнул ярко, как солнце.

Файдел снова закричал и невероятным прыжком перескочил через «кролика» к дальней стене, выбив по пути посох у меня из рук. Он не упал, он даже не был ранен. Он только присел так, как не может присесть лошадь, и смотрел на Зи.

Зи не казался угрозой такому чудовищу. Выглядел он как всегда — человек старше средних лет, долговязый и костлявый, но с небольшим круглым животиком. Он наклонился к Уоррену, который закашлялся, как только Зи притронулся к нему. Не глядя на меня, Зи сказал:

— Он в порядке. Позволь мне разобраться, Мерси. По крайней мере это мой долг.

— Хорошо.

Но посох я подобрала.

— Файдел, — сказал Зи. — Она под моей защитой.

Файдел прошипел что-то на гаэльском языке.

— Стареешь, Файдел. Ты забыл, кто я такой.

— Добыча моя. Моя. Так они сказали. Сказали, что я могу ее съесть, и я съем. Меня кормят домашним скотом. Чтобы Файдел питался коровами и свиньями, как собака! — Файдел плюнул, показав черные клыки — чернее покрывавшей его тело болотной грязи. — Файдел берет дань с людей, которые приходят на его земли за богатым урожаем торфа, чтобы обогреть свои дома; он забирает детей, забредших слишком далеко. Свиньи, тьфу!

Зи встал. Пространство вокруг него странно засветилось, как будто кто-то направил на него луч прожектора. Он менялся, освобождаясь от чар. Новый Зи был на добрых десять дюймов выше прежнего, кожа как полированный тик, а не бледная пятнистая кожа пожилого немца. Блестящие волосы, которые при лучшем освещении были бы золотыми или седыми, заплетены в хвост, переброшенный через плечо и свисающий до пояса. Уши заостренные, украшенные косточками, которые вставлены в отверстия вдоль краев. В одной смуглой руке он держит нож — точно такой, как давал мне, но по меньшей мере в два раза больше.

Тень, окружавшая Файдела, тоже расступилась. На мгновение я увидела чудовище, с которым сражались Адам и его стая, но его тут же сменило существо, похожее на маленького тяглового пони; только у пони не бывает жабр на шее — и клыков тоже. Наконец он стал человеком, каким я его увидела на встрече общества «Светлого будущего». И он плакал.

— Иди домой, Файдел, — сказал Зи. — И оставь ее в покое. Оставь мое дитя в покое, и твоя кровь не окрасит мой меч. Он тоже проголодался, ничему нужны не такие беспомощные существа, как заблудившиеся дети.

Он взмахнул рукой. Загудел мотор, и гаражная дверь рядом с Файделом начала подниматься.

Файдел выбрался из гаража и исчез за углом.

— Больше он тебя не потревожит, — сказал Зи, который снова выглядел обычно. Его нож исчез. — Я поговорю с дядюшкой Майком, и мы это обеспечим.

Он протянул руку и помог Уоррену встать.

Уоррен был бледен, одежда мокрая, словно он побывал в воде — морской, судя по запаху. Уоррен медленно распрямился, как раненый.

— Ты в порядке?

Уоррен кивнул, продолжая опираться на руку Зи.

Посох лежал перед Зи — от серебряного наконечника медленно поднималась струйка дыма.

Я осторожно подняла его, но он не отозвался на мое прикосновение, как палка, которую я кинула Бену в субботу.

— Я думала, он годится только на то, чтобы делать близнецов-ягнят.

— Он очень старый, — сказал Зи. — А у старых вещей бывает собственная воля.

— Вот как, — сказала я, глядя на дымящийся посох. — Ты по-прежнему сердит на меня?

Лицо Зи отвердело.

— Я хочу, чтобы ты знала. Я предпочел бы умереть в камере, чем подвергнуть тебя нападению этого сумасшедшего.

Я поджала губы и в ответ сказала ему чистую правду:

— Я жива. Ты жив. Уоррен жив. Наши враги мертвы или укрощены. Значит, все было не зря.

Утром в понедельник я отправилась на работу и узнала, что Елизавета Аркадьевна дорогостоящая ведьма, побывала у меня и все очистила. Единственным следом моего столкновения с Тимом оставались царапины на цементном полу, где я пыталась разбить кубок. Даже сломанную Адамом дверь заменили.

На пятницу и субботу приходил Зи, и мы наверстали работу. У меня выдалось несколько скверных минут, что приходилось скрывать от Хани — в этот день меня охраняла она, — но к ланчу я признала мастерскую своей. Даже пришедший после уроков Гэбриэль обошновавшаяся в моем офисе Хани вопреки моим опасениям меня не беспокоили. Ровно в пять я закончила и отправила Гэбриэля домой. Хани проводила меня до моих дверей, потом тоже отправилась домой.

Мы с Сэмюэлем перекусили едой из китайского ресторана и посмотрели старое шоу восьмидесятых годов. Но на середине шоу Сэмюэлю позвонили из больницы, и ему пришлось уйти.

Как только он вышел, я выключила телевизор и приняла горячий душ. Побрила ноги и не торопясь высушила волосы. Заплела их, передумала и распустила.

— Если будешь продолжать суетиться, мне придется прийти и взять тебя, — сказал Адам.

Конечно, я знала, что он здесь. Даже если бы не услышала его машину, все равно знала бы. Сэмюэль мог не попросить замены в больнице только по одной причине. Он знал, что скоро появится Адам.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Кожа на руках и лице от жаркого летнего солнца темнее, чем на теле, но я никогда не бываю бледной. Если не считать двух швов, наложенных на подбородке Сэмюэлем, и нескольких синяков — не помню, откуда они, — все в моем теле нормально. Карате и работа механика держат его в хорошей форме.

Лицо у меня не из красивых, зато волосы густые и падают на плечи.

Адам не будет заставлять меня. Не будет требовать, чтобы я делала то, что не хочу — и в то же время давно уже хочу.

Я могу попросить его уйти. Дать мне еще время. Я смотрела на женщину в зеркале, но она только смотрела на меня.

Неужели я позволю Тиму одержать последнюю победу?

— Мерси.

— Осторожней, — ответила я, надевая свежее белье и старую футболку. — У меня есть древний посох, и я умею им пользоваться.

— Посох лежит на твоей кровати, — сказал он.

Я вышла из ванной. Адам тоже лежал на моей кровати.

— Когда Сэмюэль вернется из больницы, остаток ночи он проведет в моем доме, — сказал Адам. — У нас есть время поговорить.

Он закрыл глаза, под ними темнели круги. В последнее время он мало спал.

— Ты ужасно выглядишь. Неужели в Вашингтоне нет кроватей?

Он посмотрел на меня, его глаза были черны почти как ночь, но я знала, что они все равно светлее моих.

— Значит, ты приняла решение? — спросил он.

Я вспомнила, с какой яростью он сорвал дверь моего гаража, с каким отчаянием уговаривал меня выпить из кубка, вспомнила, как он вытащил меня из-под кровати и укусил в нос — и потом всю долгую ночь обнимал.

Тим мертв. Он всегда был неудачником.

— Мерси?

Вместо ответа я стащила через голову футболку и уронила ее на пол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Фильм 2002 года, экранизация романа Энн Райе из цикла «Хроники вампиров». —
Здесь и далее прим. перев.

Фильм 2004 года; в заглавной роли борца с вампирами — Уэсли Снайпс.

«Вонгу Фу, с благодарностью за все! Джули Ньюмар», фильм 1995 года, в одной из главных ролей Уэсли Снайпс.

Песня Генри Манчини из кинофильма 1961 года «Хатари».

Индейская резервация в восточной части штата Орегон.

Небольшой город на юго-востоке штата Вашингтон.

Кэтрин Мэри Бриггз (1898–1980) — исследователь английского фольклора, автор четырехтомного словаря и многих книг на эту тему.

Горы на северо-востоке штата Орегон.

Человекоподобное чудовище, великан, обычно — людоед.

Миниатюрный автомобиль фирмы «Мазда».

Речь идет о фильме «Степфордские жены» по роману Айры Левина.

Селки — тюлений народ, потомки людей, изгнанные в море. Выходя на берег, сбрасывают шкуры и превращаются в писаных красавцев.

Merry Old England — утопическое представление об идиллической пасторальной жизни в Англии средних веков, до промышленной революции.

Сударь мой (нем.).

Имеется в виду рассказ Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль», герой которого провел в волшебной стране несколько часов, а когда вышел оттуда, понял, что прошло много лет.

Прозвище одного из героев многосерийного телевестерна «Одинокий рейнджер».

Знаменитая американская киноактриса.

Принц Чарли, 1720–1788, претендент на английский престол, внук короля Англии Чарльза II. После неудачного восстания 1746 года бежал морем на остров Скай вблизи побережья Шотландии. Эти события описаны в шотландской народной песне.

«Барбара Ален» (Barbara Allen) — народная песня, английская, шотландская или ирландская, известная с XVII века. «Лестница в небо» (Stairway to Heaven) — самая знаменитая песня британской рок-группы «Лед Зеппелин».

Пол Саймон и Артур Гарфункель — популярный американский дуэт 60-х годов XX века.

Викка — языческая неорелигия, основанная на поклонении природе. Возникла в середине XX века.

«Гео Метро» — миниатюрный автомобиль фирмы «Суд-зуки». «Хам Ви» — огромный военный грузовик.

Томас Лермонт, ок. 122 — ок. 1290, известный как Честный Томас, легендарный шотландский бард XIII века, возможно, реальная личность. Герой многочисленных произведений более позднего времени. Пленил сердце королевы фей, и она забрала его в свое королевство. Считается родоначальником русской дворянской фамилии Лермонтовых, к которой принадлежит и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Дома на колесах выпускались разных размеров. Самый узкий из них имел 12 футов в ширину и 27 в длину.

«Читти Читти Бэнг Бэнг» — кинофильм 1968 г., режиссер Кен Хьюз. Главную роль играет актер Дик Ван Дайк.

Фантастические телесериалы.

Команда американского футбола из Питтсбурга.

Разновидность перца чили.

Герой норвежской легенды Леан Маклибуин, по прозвищу Темный Кузнец из Дронтхейма, сковал меч, который мог разрубать гранит.

60 градусов по Фаренгейту — 15 по Цельсию, 80 по Фаренгейту—27 по Цельсию.

Одна из моделей Фольксвагена, выпускавшаяся с 1955 по 1972 год.

Нортумбрия — средневековое королевство на северо-востоке Англии и на юге Шотландии.

Первоклассный повар, первоклассная кулинария.

Торговая марка фирмы, производящей очистители для стекла и т. п.

Одна из моделей «фольксвагена» — «Фольксваген Синхро W12».

Руководители первой экспедиции — с 1803 по 1806 гг., которая пересекла территорию Северной Америки от восточного до западного побережья и вернулась обратно.

Элеонора, герцогиня Аквитанская, королева Франции, 1122–1204.

Хартман фон Ауэ и Вольфрам фон Эшенбах — выдающиеся средневековые немецкие поэты, жившие в XII веке. Дева Мэрион, Гай Гисборн и Робин — персонажи баллад с Робине Гуде.

Кретьен де Труа, средневековый французский романист XII века. Томас Мэлори, английский писатель XV века, автор самого известного романа о короле Артуре.

Черт!(фр.)

Одна из моделей фольксвагена.

В кельтской мифологии четыре Морриган — богини войны. Одна из них, Нимейн, известна своей способностью менять внешность. Она часто принимала облик ворона.

Мексиканская лепешка с различными наполнителями и соусом.

Фруктовая жевательная резинка.

Намек на кинофильм 2008 года, в котором рассказывается о девушке, влюбленной в двоюродного брата.

Факультетский куратор — представитель администрации вуза, который занимается организацией группы и ее обучения, предоставляет информацию и добивается того, чтобы студенты закончили обучение.

«Смерть Артура», название романа Томаса Мэлори.

Проволочная игрушка в форме спирали, способная самостоятельно спускаться по лестнице.

Персонаж шотландской мифологии, оборотень, способный превращаться в животных и в человека.

Известная фирма, производящая наборы ножей.

Костюмированные исторические представления, связанные в основном с правлением королевы Елизаветы II Английской.

Айсихот — лечебная мазь для массажа.

Американская компания, предоставляющая услуги через интернет-магазины, интернет-аукционы и т. п.

Имеется в виду американский футбол, где разрешаются такие удары.

Американский кинорежиссер, 1924–1978, признававшийся худшим режиссером.

Фильм 1973 года, режиссер — Уильям Фридкин.